

ЧАСТНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

№ 3 (ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ)

2026 ГОД

Учредитель: Грудцына И.В.

Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани»

Журнал выходит с 2025 г.

Выходит один раз в три месяца

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-90260 от 29 октября 2025 г.)

ЧАСТНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

Ежеквартальный научный РИНЦ-журнал, в котором публикуются статьи фундаментального и прикладного характера по актуальным проблемам гражданского, семейного, предпринимательского, наследственного и трудового права.

Основной целью научного издания является формирование научной площадки для эффективного обмена научными знаниями, практическим юридическим опытом и результатами научно-правовых исследований в области частного права, гуманитарных знаний, обобщения научных и научно-практических результатов в области гражданско-правовых исследований.

Главный редактор: Грудцына Людмила Юрьевна

Первый заместитель главного редактора (координатор региональных представительств): Гандалоев Руслан Баширович

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Редактор: Дребезгова Юлия Дмитриевна

Корректор и компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Адрес для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: <https://private-law.moscow>

E-mail: editor@law-books.ru

Многоканальный (по России): +8-800-700-45-88

WhatsApp: +7-926-125-33-23

При использовании опубликованных материалов ссылка на научно-правовой журнал «Частное право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Грудцына Людмила Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН (г. Москва, Россия)

Первый заместитель главного редактора
(координатор региональных представительств):

Гандалов Руслан Баширович, кандидат политических наук, Почетный работник воспитания и просвещения Российской Федерации, Заслуженный юрист в Республике Ингушетии, член-корреспондент Российской академии естественных наук

Заместитель главного редактора:

Шайхуллин Марат Селирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)

• **Иванова Светлана Анатольевна**, доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

• **Сангаджиев Бадма Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

• **Стригунова Дина Павловна**, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

• **Усанов Владимир Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

• **Шинкарецкая Галина Георгиевна**, доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

• **Щербак Евгений Николаевич**, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета.

• **Эриашвили Нодари Дарчоевич**, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

Grudtsina Ludmila Yurievna, Doctor of Law, Professor, Professor

Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

First Deputy Editor-in-Chief (Regional Office Coordinator):

Gandaloev Ruslan Bashirovich, Candidate of Political Sciences, Honorary Worker of Education and Enlightenment of the Russian Federation, Honored Lawyer in the Republic of Ingushetia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences

Deputy Editor-in-Chief:

Shaikhullin Marat Selirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Educational Institution of Higher Education «Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (Ufa, Russia)

- **Ivanova Svetlana Anatolyevna**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Finance University under the Government of the Russian Federation.»

- **Sangadzhiev Badma Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

- **Strigunova Dina Pavlovna**, Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International and Integration Law of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

- **Usanov Vladimir Evgenievich**, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

- **Shinkaretskaya Galina Georgievna**, Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

- **Shcherbak Evgeny Nikolaevich**, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities.

- **Eriashvili Nodari Darchoevich**, Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **С.А. Иванова**, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН

• **А.П. Галоганов**, доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

• **В.Н. Жуков**, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

• **В.В. Комарова**, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

• **И.А. Конюхова**, доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия.

• **А.В. Рагулин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов.

• **Б.С. Эбзеев**, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России.

• **Н.Д. Эриашвили**, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Chairman: **S.A. Ivanova**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Russian Economic University named after G.V. Plekhanov,» Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

- **A.P. Haloganov**, Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.
- **V.N. Zhukov**, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.
- **V.V. Komarova**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy).
- **I.A. Konyukhova**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor, Department of Constitutional Law, Russian Academy of Justice.
- **A.V. Ragulin**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers.
- **B.S. Ebzeev**, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia.
- **N.D. Eriashvili**, Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРАВО И ПОЛИТИКА

Альшевский В. Э. * Современные тенденции миграционного законодательства в Российской Федерации	11
--	----

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Тимошкин Н. Е. * Правовые аспекты правового регулирования статуса эмбриона человека in vitro	16
Сероватов А. И. * Институт упрощенного производства в гражданском процессе: между процессуальной экономией и гарантиями права на судебную защиту	20
Лупенко И. Ю., Смирнова В. В. * Судебный приказ как инструмент обеспечения конституционных прав граждан мировыми судьями	23

ПРАВООПОНИМАНИЕ И ПРАВООПРИМЕНЕНИЕ

Круглова М. В. * Правовое регулирование бездокументарных ценных бумаг	27
Костиков А. Д. * Правовое регулирование сервисов рассрочки: итоги и перспективы	30
Мунгалов К. А. * Юридические факты как основания возникновения, изменения и прекращения правоотношений юридической ответственности	34

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Аветисян Б. Р., Аветисян К. Р. * Правовые основы оборота «цифровых объектов» в Российской Федерации	45
Валиева К. В. * Проблемы включения в конкурсную массу отдельных объектов гражданских прав	50
Гранев Н. Д. * Правовой статус участников корпорации: имущественные и неимущественные аспекты ответственности	57

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Гринева А. В. * Современная доктрина родительских правоотношений	60
--	----

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

Мохов А. Ю., Титова Е. А. * Нотариальное удостоверение договора дарения земельного участка: новеллы правового регулирования	64
---	----

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аветисян Б. Р., Аветисян К. Р. * Правовой режим оборота цифровой валюты при трансграничном взаимодействии	68
Капитонова Э. В. * Прокурорский чек-лист как инструмент повышения эффективности доказания по уголовным делам о взяточничестве	73
Лопатин С. В. * Анализ преступлений против военной службы: проблемы квалификации и необходимость совершенствования законодательства	79

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Тимошкин Н. Е. * Правовые аспекты невиновного причинения вреда в уголовном законодательстве зарубежных стран	86
Зиганнурова Э. Р. * Особенности приказного производства в России и за рубежом	89

ВЛАСТЬ И БИЗНЕС

Боровикова А. А. * Институт субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам «брошенных» компаний	94
Голев И. Б. * От формальных (субъективных) признаков к объективному банкротству: признаки банкротства и проблемы злоупотребления правом	99

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Попова В. В. * Общая характеристика уголовного юридического процесса	104
--	-----

Голев И. Б. * Правовое регулирование мирового соглашения в деле о банкротстве: пробелы в порядке погашения требований и определении полномочий арбитражного управляющего	108
Сероватов А. И. * Назначение судебной экспертизы в упрощенном производстве: проблемы правового регулирования и пути реформирования	112
Исмагилова Э. З. * Экологический вред как предмет доказывания в гражданском и арбитражном процессе	115
Беляев М. Э. * Оценка деяний, совершенных в состоянии крайней необходимости: проблемы судебной практики и пути их решения	119

ИННОВАЦИИ И ПРАВО

Никольская В. А. * Понятие экземпляра и копии программы для ЭВМ: соотношение понятий и вопросы толкования	123
---	-----

CONTENT:

LAW AND POLITICS

Alshevsky V. E. * Current trends in migration legislation in the Russian Federation	11
---	----

HUMAN RIGHTS

Timoshkin N. E. * Legal aspects of the regulation of the status of the human embryo in vitro	16
Serovaton A. I. * The institute of simplified proceedings in civil proceedings: between procedural economy and guarantees of the right to judicial protection	20
Lupenko I. Yu., Smirnova V. V. * The court order as an instrument for ensuring citizens' constitutional rights by justices of the peace	23

LEGAL CONCEPTS AND LAW ENFORCEMENT

Kruglova M. V. * Legal regulation of non-documentary securities	27
Kostikov A. D. * Legal regulation of installment plan services: results and prospects	30
Mungalov K. A. * Legal facts as grounds for the origin, modification, and termination of legal relations involving legal liability	34

CIVIL LAW

Avetisyan B. R., Avetisyan K. R. * Legal framework for the turnover of «digital objects» in the Russian Federation	45
Valieva K. V. * Problems of inclusion of individual civil rights objects in the bankruptcy estate . . .	50
Granev N. D. * Legal status of corporation participants: property and non-property aspects of liability	57

FAMILY LAW

Grineva A. V. * Modern doctrine of parental legal relationships	60
---	----

LAND LAW

Mokhov A. Yu., Titova E. A. * Notarization of the land donation agreement: novelties of legal regulation	64
--	----

ISSUES IN RUSSIAN LEGISLATION

Avetisyan B. R., Avetisyan K. R. * Legal regime for the circulation of digital currency in cross border interaction	68
Kapitonova E. V. * Prosecutor's checklist as a tool for improving the efficiency of proof in criminal cases of bribery	73
Lopatin S. V. * Analysis of crimes against military service: problems of qualification and the need to improve legislation	79

LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Timoshkin N. E. * Legal aspects of innocent infliction of harm in the criminal legislation of foreign countries	86
Zigannurova E. R. * Specifics of order-based proceedings in Russia and abroad	89

GOVERNMENT AND BUSINESS

Borovikova A. A. * The legal mechanism of subsidiary liability of controlling persons for the obligations of "abandoned" companies	94
Golev I. B. * From formal (subjective) indicators to objective insolvency (bankruptcy): bankruptcy indicators and problems of abuse of right	99

JUDICIAL POWER AND PROCEEDINGS

Popova V. V. * General characteristics of criminal proceedings	104
Golev I. B. * Legal regulation of a settlement agreement in bankruptcy cases: gaps in the procedure for settling claims and defining the powers of the insolvency administrator	108

Serovатов А. И. * The purpose of forensic examination in simplified proceedings: problems of legal regulation and ways of reform	112
Ismagilova E. Z. * Environmental damage as a subject of proof in civil and commercial procedure	115
Belyaev M. E. * Assessment of acts committed in a state of necessity: problems of judicial practice and ways to resolve them	119

INNOVATION AND LAW

Nikolskaya V. A. * The concept of a program instance and a copy of a computer program: the relationship of concepts and issues of interpretation	123
--	-----

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.09.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-6724-2026-3-11-15

АЛЬШЕВСКИЙ Владислав Эдуардович,
Автономная некоммерческая образовательная организация
высшего образования Центрасоюза Российской Федерации
«Сибирский университет потребительской кооперации»,
e-mail: VLAL1989@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции развития современной миграционной политики в Российской Федерации. Введение ужесточения миграционной политики особую значимость приобретает новые правовые механизмы, регулирующие трудовую, а также учебную миграцию. В данной статье проанализированы новеллы российского законодательства и спрогнозировано возможное дальнейшее развитие контроля за иностранными гражданами. Проведен анализ федеральных законов, норм контроля за сроками пребывания трудовых мигрантов и их доходами. На основе действующих норм, представлен прогноз их развития для иностранных студентов, а также вероятность автоматической блокировки патентов трудовых мигрантов. Сделано предположение о дальнейшей цифровизации данного вида контроля.

Ключевые слова: миграционное законодательство, режим высылки, реестр контролируемых лиц, цифровой профиль, тенденции, трудовой мигрант, патент.

ALSHEVSKIY Vladislav Eduardovich,
Autonomous Non-Commercial Educational Organization
of Higher Education of the Central Union of the Russian Federation
«Siberian University of Consumer Cooperatives»

CURRENT TRENDS IN MIGRATION LEGISLATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines the trends in the development of modern migration policy in the Russian Federation. The introduction stricter migration policy has led to the emergence of new legal mechanisms that regulate labor and educational migration. This article analyzes the new regulations in Russian legislation and predicts the possible future development of control over foreign citizens. It also analyzes federal laws and regulations that control the duration of stay and income of labor migrants. Based on these regulations, the article provides a forecast for the development of regulations for foreign students and the possibility of automatic blocking of labor migrants patents. The assumption is made about further digitalization of this type of control.

Key words: migration legislation, deportation regime, register of controlled persons, digital profile, trends, migrant worker, patent.

В настоящее время развивающееся миграционное законодательство находится в состоянии определенных противоречий. С одной стороны, нехватка рабочей силы и демографический спад в Российской Федерации диктует необходимость привлечения иностранной рабочей силы низкой квалификации. С другой стороны, огромная часть нелегальных трудовых мигрантов требует усиления миграционного контроля за их въездом, пребыванием и своевременном выезде. Сочетание экономической целесообразности с политикой безопасности и контроля создаёт часто проблемы и трудноразрешимые противоречия, несмотря на усилия законодателей в этой соци-

ально-правовой области. Ожидаемое сокращение трудоспособного населения Российской Федерации превращает трудовую миграцию в структурный элемент рынка труда, и требует современных законодательных решений.

Особую актуальность проблемы законодательства в миграционной сфере, приобрели в связи с геополитической трансформацией глобального экономического рынка и рынка труда, переориентация Российской Федерации на страны Центральной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, а в некоторых российских регионах даже на страны Африки.

Глобальное развитие технологий, цифровиза-

ция миграционного контроля, создание Реестра контролируемых лиц порождает множество вопросов касаясь информационной безопасности, защиты персональных данных, а также распределения бремени доказывания при технической неисправности и/или фактическом несоответствии между цифровым профилем и фактическим статусом трудового мигранта.

В данной статье будут рассмотрены новые законодательные акты и инициативы, сложности их внедрения на практике; возможные правовые пути решения; будут проанализированы правовые документы, обозначены закономерности и возникающие новые вопросы, и проблемы.

Последние два года миграционное законодательство в России претерпевает значительные изменения. Анализируя последние законодательные акты и вступающие в силу нормы 2026 г., можно выделить несколько устойчивых тенденций по которым идет дальнейшее его развитие.

Во-первых, это ужесточение миграционного контроля. Произошедший 22 марта 2024 г. террористический акт в Крокус Сити Холле, осуществленный гражданами республики Таджикистан, стал пусковым механизмом, после которого был достигнут общественно-властный консенсус по ужесточению контроля в миграционной сфере, что выразилось в формулировках новой Концепции миграционной политики 2026-2030 гг. [2, с. 182], в которой был определен приоритет граждан Российской Федерации постоянно проживающих на территории страны [5].

Во-вторых, стоит выделить цифровизацию и усиления контроля в данной сфере. Создание цифровой системы позволяет отслеживать статус трудового мигранта в режиме реального времени, а также фиксации периода его легального пребывания и нарушений миграционного законодательства.

В-третьих, можно отметить дифференциацию миграционных потоков, например, интеграция для граждан стран ЕАЭС и ужесточение требований для других стран. Российская Федерация демонстрирует наиболее стабильный и высокий уровень миграционных потоков среди стран ЕАЭС с наибольшим числом прибывающих лиц, до 500 тысяч человек ежегодно [4, с. 5]. Тем не менее, свобода перемещения рабочей силы в странах ЕАЭС ограничена отсутствием общей миграционной стратегии, разницей уровня экономического развития этих стран и нехватки полномочий у Евразийской экономической комиссии по разрешению спорных вопросов в области профессиональных стандартов [3, с. 164].

В настоящее время Министерство внутренних дел получило дополнительный контроль за иностранными трудящимися, ему передана часть функций от Министерства труда и социальной защиты, так, например, будут совместно определяться квоты и перечни профессий на трудовых мигрантов, а также профессии вне квот для ква-

лифицированных иностранных работников, и полномочия по высылке за нарушения законов РФ, которое ранее определял суд.

Данные тенденции можно проследить на следующих законах. В качестве примера рассмотрим ст. 9.1 Федерального закона от 25.07.2002 N 115-ФЗ (ред. от 26.06.2026) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.07.2026), в которой определён режим высылки [6]. Режим высылки – это правовой режим, при котором устанавливается контроль за иностранными гражданами, у которых нет законных оснований для нахождения на территории Российской Федерации. С момента окончания права легального пребывания в РФ иностранный гражданин обязан в определённые сроки добровольно покинуть территорию РФ, в противном случае, МВД включают данного иностранного гражданина в реестр контролируемых лиц (РКЛ), после чего наступают определённые ограничения и запреты, например, обязанность уведомления о своем местонахождении и обязанность являться в МВД в установленный срок, запрет на действия с недвижимостью, и другие более значительные ограничительные меры, вплоть до депортации контролируемого лица.

Реестр контролируемых лиц и система запретов и ограничений делают жизнь вне правового поля для иностранных граждан достаточно сложной. Такой контроль над перемещением и активностью иностранного гражданина предотвращает возможные правонарушения. Режим высылки является хорошим примером выдавливания нелегальных мигрантов через максимальное сжатие правового пространства, а жесткие ограничения стимулируют добровольный выезд иностранных граждан по окончании легальных сроков пребывания, при этом нарушители высылаются за свой счет.

Среди минусов данного закона имеются некоторые гуманитарные риски. Под режим высылки могут попасть люди, оказавшиеся в тяжелой жизненной ситуации, те у кого отозвали статус по ошибке или те, кто не смог выехать по состоянию здоровья, либо из-за отсутствия денег. Запреты на переводы могут лишить материальных средств, необходимых для покупки билета обратно к себе на родину. Помимо всего прочего нельзя исключать технические сбои и ошибки. Если иностранец ошибочно включен в реестр ввиду технических сбоев или несвоевременного обновления информации он мгновенно теряет возможность пользования картами и счетами до момента исправления.

С 1 января 2025 года было ужесточено правило пребывания иностранных граждан с безвизовым режимом. Ранее срок считался по следующему принципу: трудовой мигрант въезжал на срок не более 90 суток в течении 180 суток. Данный принцип позволял иностранным гражданам, пробыв 90 дней, выехать на непродолжительное время и снова заехать. В п.2 ст. 7 Федерального закона от 08.08.2024 N 260-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О внесе-

нии изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлено дополнение о том, как именно применяется на практике правило 90 дней в календарном году, т.е. в настоящий момент возможен въезд на 90 дней в течении календарного года до 1 января следующего года [8].

Данное изменение полностью упразднило «визараны» для иностранных граждан, т.е. если исчерпан лимит дней пребывания, то он исчерпан до конца данного года. Положительное влияние данного законопроекта трудно переоценить, т.к. закрыло способ для многолетнего проживания на основаниях несоответствующих цели поездки.

Для бизнеса данное изменение закрыло лазейку по многократному привлечению нелегальных сезонных рабочих без патента. Раньше работодатели приглашали работников «без визы» на 2 или 3 месяца потом давали им месяц перерыва и снова приглашали на эту же работу. Теперь же трудовым мигрантам необходимо быстрее легализоваться, быстрее оформлять патенты, а также их работодателям необходимо более оперативно решать вопросы трудоустройства и иметь дополнительное количество потенциальных иностранных работников на последующие 90 дней.

26 июля 2026 года был подписан Федеральный закон от 26.07.2026 N 241-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», ст. 1 обязывает трудовых мигрантов, содержать себя и членов своей семьи на уровне не ниже прожиточного минимума [7]. В случае невыполнения данной нормы патент или разрешение на работу не будет продлеваться.

Данный закон может иметь положительные эффекты для защиты местного рынка труда. Обязанность платить трудовому мигранту не ниже прожиточного минимума в регионе, делает невыгодным массовый завоз рабочей силы. Также требование содержать себя и тех, кто находится на иждивении на более-менее достойном уровне сокращает число иностранных граждан, которые фактически работая за копейки содержатся за счет бюджета и системы социальных услуг. Помимо этого, закон стимулирует к выводу зарплат трудовых мигрантов из тени, т.к. чтобы получить или продлить патент, трудовой мигрант будет заинтересован в реальном доходе. Работодатель будет вынужден показывать реальную зарплату, а не платить в конвертах, что увеличит сборы с НДФЛ и страховых взносов. При повышении порога входа на рынок труда Российской Федерации будут приезжать более квалифицированные и востребованные специалисты, а не те, кто готов работать за любые деньги.

Однако, данный закон имеет ряд минусов и возможных рисков. При требуемом доходе заметно выше рыночной зарплаты в массовых профессиях, (это может касаться курьеров, разнорабочих, уборщиков, водителей) есть высокий риск, что трудовые мигранты не перестанут приезжать и

начнут работать полностью без патента, экономя свои средства, что увеличит количество нарушителей миграционного законодательства.

Отрасли ЖКХ, легкая промышленность, строительство часто держатся за счет дешевой иностранной рабочей силы. Резкое введение высокого порога входа на рынок труда может привести к оттоку рабочей силы из данных отраслей, которых будет нечем заменить за те же деньги. В качестве возможного итога, государство может получить рост цен на товары и услуги в разных отраслях, на продукты, а также затягивание ввода в эксплуатацию строительных объектов.

Привязка к региональному коэффициенту может создавать переток дешевой рабочей силы в регионы с низким коэффициентом. Субъекты федерации, нуждающиеся в рабочих руках, но установившие высокий коэффициент, рискуют остаться без персонала, из чего появляется стимул искусственно занижать коэффициент, чтобы привлечь трудовые ресурсы.

Возможны и гуманитарные риски. Из-за разницы менталитета в семьях, где работает один мужчина, а жена занята за уходом за малолетними детьми, задача подтвердить доход на каждого иждивенца может оказаться невыполнимой. При невозможности подтверждать доход на каждого иждивенца по региональному прожиточному минимуму, есть высокая вероятность разрыва семей, где работает только один родитель. Для трудовых мигрантов 15 дней может стать слишком коротким периодом для продажи имущества, расторжения договоров и др. Это толкнет людей к уходу в серую зону из-за отчаяния. Отрезанные от основных средств и возможности легального заработка, трудовые мигранты становятся легкой добычей для теневого рынка труда и криминала. Не стоит сбрасывать со счетов и коррупционные риски. При невозможности выполнения данной нормы есть риск появления посредников, а нужная справка или договоры с завышенной зарплатой под нужную сумму может стать коррупционной услугой. Трудовой мигрант будет платить посредникам ли работодателям за формальное соблюдение закона, а реальные зарплаты останутся в тени. Возможно и вымогательство со стороны работодателей, откаты за оформление в совокупности с угрозами рассказать о недостаточном доходе, что может поставить иностранного работника в зависимое и незащищенное положение. Внесение в реестр и банковские блокировки могут создать спрос на серые схемы при обналичивании денег. Всё это может вызывать нарушения введённого миграционного законодательства.

Опираясь на уже принятые законы и анализируя тенденции миграционной политики, можно предположить некоторые нормы, которые могут появиться в ближайшее время. Например, под усиление контроля могут попасть иностранные студенты, так после вступления в силу требований о доходах не ниже регионального миниму-

ма с коэффициентом для трудовых мигрантов с 2027 года, можно ожидать его адаптации и для иностранных студентов. Так, при оформлении приглашения на учебу, продлении сроков пребывания регистрации и/или визы студента могут обязать подтверждать через банк наличие средств на проживание и обучение, а сумму также могут привязать к прожиточному минимуму региона или определенной сумме, где расположен вуз. Это могло бы позволить исключить ситуации, когда студент въезжает в страну с нулевым бюджетом и сразу уходит в теневой сектор экономики ради выживания. Возможно, также, и введение обязанности образовательных организаций направлять в определённый промежуток времени сведения об академической задолженности и количестве пропущенных занятий. Например, при падении установленного порога успеваемости право на работу приостанавливается автоматически. Отчисленный студент может, также попадать в реестр контролируемых лиц после чего может начаться действовать режим высылки.

Касаемо именно трудовой миграции возможна интеграция патента с базами данных ФНС и банковского сектора. Не исключаются также условия, при которых патент может действовать только при поступлении официального дохода не ниже порога, определенного законодательством, а патент может перестать быть документом и трансформироваться в запись в единой электронной системе, в которой работодатель будет проверять действительность патента через запрос к базам МВД перед допуском к работе. При этом прием на работу без подобной проверки могут признать правонарушением. Электронная карта может содержать биометрию и стать ключевым удостоверением личности для всех финансовых операций трудового мигранта. Не исключено, что будет изменена и патентная система, ограничение действия патента по территориальному принципу в пределах одного субъекта.

В будущем, вероятно, введение организованного набора, как основного канала въезда. Квоты на привлечение иностранной рабочей силы могут выделяться только тем работодателям, которые прошли аккредитацию в МВД. Трудовой мигрант при такой схеме будет въезжать только под конкретное предприятие, а право смены работодателя без выезда будет ограничено, также учитывая международную политическую обстановку, можно предположить увеличение межправительственных соглашений, по которым будущие иностранные работники будут проходить профессиональную подготовку у себя на родине. Также есть вероятность создания реестра недобросовестных работодателей.

В настоящее время идёт работа над законопроектом о введении организованного набора иностранных работников в рамках поправок к действующему миграционному законодательству с 01.01.2027 г. по 31.12.2029 г., планируется про-

вести эксперимент по созданию реестров работодателей и иностранных работников. [1, с. 97-98]

В качестве краткого итога, можно отметить, что закон переводит трудовую миграцию в более цивилизованный вид, позволяет снизить нагрузку на бюджет и социальную сферу, повысить качество иностранной рабочей силы. Однако имеются высокие риски такие как, дефицит рабочих рук в регионах, переход трудовых мигрантов в нелегальную занятость.

В конкретных условиях практического применения данного закона, при очевидных его плюсах, будут вводиться изменения, дополнения, поправки для последующей адаптации закона на местах и отработки механизма взаимодействия структур и организаций, участвующих на рынке труда иностранной рабочей силы для стабилизации этого рынка.

Внедрение такой правовой системы, где потребности экономики гармонично сочетаются с контролем и легальностью трудовой деятельности, снижает социальное напряжение - процесс долгий и постоянный. Появление новых трудно предсказуемых факторов в данной сфере требует своевременности и гибкости правовой системы.

Список литературы:

- [1] Бойко Е.Ю. Перспективы национальной миграционной политики в сфере трудовой миграции // Государственная служба и кадры. 2026. № 1. С. 95-100.
- [2] Бурда М.А. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы: миграция и национальная безопасность // Власть. 2026. № 1. С. 181-191.
- [3] Давыденко, Е. В. Трудовая миграция в Евразийском экономическом союзе: проблемы, вызовы и решения / Е. В. Давыденко // Экономические отношения. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 157-168.
- [4] Леденева, В. Ю. Управление миграционными процессами в странах Евразийского экономического союза: сравнительный анализ // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С.154–166.
- [5] Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738
«О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 - 2030 годы» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510150055> (дата обращения: 15.08.2026).
- [6] Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ (ред. от 26.06.2026) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.07.2026) // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102078147> (дата обращения: 15.08.2026).
- [7] Федеральный закон от 26.07.2026 № 241-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202607260001>

pravo.gov.ru/document/0001202607260001 (дата обращения: 15.08.2026).

[8] Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080069> (дата обращения: 15.08.2026).

References:

[1] Boyko E.Yu. Prospects for national migration policy in the sphere of labor migration // Civil Service and Personnel. 2026. No. 1. P. 95–100.

[2] Burda M.A. The Concept of State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030: migration and national security // Vlast. 2026. No. 1. P. 181–191.

[3] Davydenko E.V. Labor migration in the Eurasian Economic Union: problems, challenges, and solutions / E.V. Davydenko // Economic Relations. 2025. Vol. 15, No. 1. P. 157–168.

[4] Ledeneva V.Yu. Management of migration processes in the countries of the Eurasian Economic Union: a comparative analysis // DEMIS. Demographic

Research. 2024. Vol. 4, No. 3. P. 154–166.

[5] Decree of the President of the Russian Federation No. 738 dated October 15, 2025, «On the Concept of State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510150055> (accessed: August 15, 2026). [6] Federal Law No. 115-FZ dated July 25, 2002 (as amended on June 26, 2026) «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» (with amendments and additions entering into force on July 26, 2026) // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102078147> (accessed: August 15, 2026).

[7] Federal Law No. 241-FZ dated July 26, 2026, «On Amendments to the Federal Law ‘On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation’» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202607260001> (accessed: August 15, 2026).

[8] Federal Law No. 260-FZ dated August 8, 2024, «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080069> (accessed: August 15, 2026).

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.09.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-6724-2026-3-16-19

ТИМОШКИН Никита Евгеньевич,
студент 4 курса,

Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева западносибирский филиал, г. Томск,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ЭМБРИОНА ЧЕЛОВЕКА IN VITRO

Аннотация. В статье рассматривается проблема правового регулирования статуса эмбриона человека *In vitro*, созданного в процессе применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), а также вопросы его защиты в международном и национальном праве зарубежных стран. Исследуются подходы к определению правового статуса эмбриона в правовых системах Швейцарии, Германии, Италии, США, Китая и других государств, а также в рамках международных договоров (Декларация прав ребенка 1959 г., Пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Американская конвенция о правах человека 1969 г.) и решений международных судебных органов.

Ключевые слова: эмбрион, правовой статус, экстракорпоральное оплодотворение, вспомогательные репродуктивные технологии. переведеи на английский.

TIMOSHKIN Nikita Evgenievich,
4th year student,

Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev West Siberian branch, Tomsk

LEGAL ASPECTS OF THE REGULATION OF THE STATUS OF THE HUMAN EMBRYO IN VITRO

Annotation. The article examines the problem of legal regulation of the status of the human embryo *in vitro*, created through the use of assisted reproductive technologies (ART), as well as issues of its protection in international and national law of foreign countries. Approaches to determining the legal status of the embryo are studied in the legal systems of Switzerland, Germany, Italy, the USA, China and other states, as well as within the framework of international treaties (the Declaration of the Rights of the Child of 1959, the International Covenant on Civil and Political Rights of 1966, the American Convention on Human Rights of 1969) and decisions of international judicial bodies.

Key words: embryo, legal status, *in vitro* fertilization, assister reproductive technologies.

Согласно статистическим данным, во всем мире насчитывается порядка 6 миллионов человек, рожденных при помощи экстракорпорального оплодотворения, а в общей массе рожденных детей в Российской Федерации за 2023 год насчитывается порядка 86 000 детей [1]. Однако, механизм ЭКО предполагает ряд пороков, которые могут возникнуть при его применении, так, например, что будет с эмбрионом в случае его повреждения, какую ответственность должен нести виновный, допустимо ли генетическое вмешательство в него?

Применение процедуры ЭКО и создание зародыша (эмбриона) человека опосредует моральные, этические и иные вопросы перед учеными экспертами, единый ответ на которые до сих пор не может дать научное сообщество ни одной страны. Однако большинство ученых поддерживает

позицию касательно защиты эмбриона человека на основании общего права человека на жизнь [7, с.137].

Данная позиция во многом соответствует Декларации прав ребенка, которая была принята резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций от 20.11.1959, согласно которой ребенок ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной защите и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения [2]. Исходя из данного определения, можно сделать вывод о том, что эмбрион человека *In vitro*, представляющий собой зародыш человека, созданный путем зачатия, тоже находится под правовой защитой, равно как и иной ребенок [6, с. 125].

Однако углубляясь в данное расширительное толкование норм Декларации ООН от 20.11.1959,

можно отметить ее существенный недостаток, а именно отсутствие правового закрепления понятия «зачатие» как начальный этап существования эмбриона, т.е. создается правовая неопределенность для механизмов защиты, а именно, с какого момента необходимо считать эмбрион эмбрионом и соответственно защищать его?

Таким образом, стоит отметить определенную устарелость данного нормативного акта, поскольку он не включает в свою сферу действия эмбрион *In vitro* в полном объеме, по причине более редкого применения вспомогательных репродуктивных технологий в то время. Единственная возможность применения данного акта для защиты эмбриона *In vitro*, это использование расширительного толкования.

Далее, считаю необходимым обратиться к Пакту «О гражданских и политических правах» принятый Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций от 16.12.1966 года, согласно которому каждый человек имеет право на жизнь [3]. Однако стоит отметить аналогичную проблему данного международного договора, которая присуща и Декларации ООН от 20.11.1959 года, это необходимость расширительного толкования, которая опосредует возникновения дискуссии на тему «является ли эмбрион человека *In vitro* человеком в том смысле, в котором термин человек употребляется в данном акте?», тем самым создавая аналогичные затруднения в использовании данного акта для защиты эмбриона человека. Таким образом, применение указанного положения Пакта «О гражданских и политических правах» напрямую зависит от того, каким образом юрисдикционный орган понимает понятие «человек». Так, исходя из биологических исследований, можно констатировать, что жизнь человека начинается с момента зачатия, однако согласно подходу определенного ряда стран, в том числе и России, правосубъектность человека начинается с момента рождения, что идет в разрез с данной позицией, поскольку в противном случае подобная позиция законодателя затрагивала бы и иные права лиц, например, право на аборт.

Также, стоит отметить, что согласно ч. 1 ст. 6 данного нормативно-правового акта, право на жизнь может быть ограничено, если ограничение не является произвольным. Отчасти из этого проистекает ч. 5 ст. 6, согласно которой, смертный приговор не приводится в исполнение в отношении беременных женщин, исходя из этого, можно сделать вывод о том, что государства участники данного пакта не допускают возможности лишения жизни эмбриона человека, данный вывод можно сделать на основании того, что отсутствует необходимость дополнительного улучшения прав беременных женщин.

Однако, тем не менее, данный нормативный акт нельзя в полной мере распространить на сферу регулирования отношений связанных с использованием эмбриона человека *In vitro* в процессе

осуществления ВРТ процедур, поскольку ч. 1 ст. 6 Пакта «О гражданских и политических правах», в полной мере не защищает эмбрион человека *In vitro*.

Далее считаю необходимым обратиться к трактовке страна эмбриона в национальном праве некоторых зарубежных стран. Так в докладе комитета Совета Европы по биоэтике «Защита эмбриона человека *In vitro*» от 2003 года, сложились четыре значимых для правового регулирования принципа, среди которых можно выделить:

1. Отсутствие необходимости социальной защиты эмбриона ввиду отсутствия у него значимой моральной ценности;

2. Необходимость защиты эмбриона человека наравне с защитой права человека на жизнь;

3. Необходимость поэтапного изменения механизма защиты прав эмбриона, в соответствии с этапами его биологического развития;

4. Полное достижение правосубъектности эмбриона наступает с момента рождения.

Также в данном докладе отмечено, что правовой статус эмбриона *In vitro* во многом зависит от того, как в национальном праве той или иной страны закреплен статус эмбриона *In vivo*, исходя из чего допускаются различные расхождения в способе производимых с ним манипуляций, а также от чего зависит трактовка его статуса как таковая, т.е. либо он объект права, либо субъект права, либо он особое правовое явление – *sui generis*.

Однако общая характеристика практического закрепления режимов правового регулирования отношений в сфере использования вспомогательных репродуктивных технологий и эмбрионов человека *In vitro* дана в Постановлении Европейского суда по правам человека по делу «Parrillo v. Italy», в котором суд не стал давать решение по существу спора, ввиду расхождения правового регулирования данного вопроса в национальном праве европейских стран [4]. В данном акте отмечаются определенные расхождения в закреплении статуса эмбриона человека в зависимости от культурных различий, технологического развития, а также исторического и политического опыта стран.

Так, например, национальное право Швейцарии устанавливает правовой статус эмбриона человека на уровне конституции. Согласно ст. 119 Конституции Швейцарской Конфедерации были установлены пределы допустимых манипуляций с эмбрионом человека, к числу которых допускается пренатальная генетическая диагностика (только в случае высокого уровня передачи генетического заболевания). Также стоит отметить, что до 2016 года в данном государстве эмбрион человека надлежало немедленно имплантировать в тело материнского организма, тогда как сейчас допускается отбор из 12 доступных экземпляров с выбором наилучшего, у которого будут отсутствовать генетические патологии.

Переходя к анализу национального права Федеративной Республики Германия, стоит отметить,

существенное отличие от Швейцарской Конфедерации, так в ФРГ правовой статус эмбриона закреплен на законодательном уровне, а именно в Законе Федеративной Республики Германия «О защите человеческого эмбриона» от 1990 года. Так, нормами данного закона запрещается половой отбор эмбриона, жестокое обращение с ними, искусственную модификацию половых клеток зародышей, также закон существенно ограничивает криоконсервацию, однако аналогично с Швейцарским опытом допускает проведение генетической диагностики на предмет генетического заболевания.

Стоит отметить, что законодательство европейских стран отдает существенное внимание количеству производимых эмбрионов, а также как отмечалось ранее их дальнейшей судьбе в случае не прохождения генетического отбора. Так законодательство Республики Италия ограничивало количество создаваемых эмбрионов до трех единиц с их последующим незамедлительным имплантацией в тело материнского организма. На данный момент данная норма не действует по причине признания ее Конституционным судом Республики Италия несоответствующим Конституции.

Немаловажным стоит отметить закрепление правового статуса эмбриона человека *In vitro* в Американской конвенции «О правах человека» от 1969 года, согласно п. 1 ст. 4 которой жизнь человека подлежит защите с момента зачатия [5]. Таким образом, данный акт делает тождественным понятие «человек» и понятие «эмбрион человека», однако, не закрепляя и не разъясняя понятие «зачатие», ввиду чего становится затруднительным понять, с какого собственно момента жизнь образуется и подлежит защите. Также стоит отметить особенность, которая присуща данному акту, так большинство стран, ратифицировавших Американскую конвенцию «О правах человека», ратифицировали ее с оговоркой, которая позволяет отделять человека от эмбриона и соответственно допускающую ограничение его прав, иные же страны, такие как Соединенные Штаты Америки и Канада вовсе не подписали данный акт.

Собственно разъяснения по поводу вопроса момента зачатия были даны в решении Межамериканского суда по правам человека по делу «Murillo and Others v. Costa Rica» от 28.11.2012, согласно которым зачатие не начинается с момента оплодотворения эмбриона, или имплантации его в женский организм, а только с момента выделения особого гормона, который сигнализирует о успешном проведении имплантации. Данная позиция позволяет ответить на ряд вопросов, которые возникают при применении вспомогательных репродуктивных технологий, которые не нашли свое отражение в законодательстве ранее рассмотренных стран. Например, она позволяет более четко определить статус эмбриона до момента его имплантации в материнский организм, а после

таковой соответственно будут действовать те нормы, которые применяются в защите материнства и плода в целом.

Также, немаловажным будет отметить опыт регулирования технологий ЭКО в Китайской Народной Республике, которая не имеет соответствующих положений ни в Конституции, ни в законодательстве. Так, правовое регулирование ВРТ и смежных процессов, связанных с использованием эмбриона человека *In vitro*, на подзаконном уровне. Рассматривая данный подход можно с одной стороны отметить, что данный он создает действенные предпосылки для более гибкого регулирования технологий ЭКО, подстраиваясь под постоянные изменения, которые присущи данному сложно-техническому процессу, с другой же стороны, отсутствие выработанной законодательной позиции, принципов, создает почву для возможных злоупотреблений, которые могут привести к таким негативным с этической точки зрения явлениям, как генетические модификации эмбриона, исследование эмбрионов и т.д. Ярким результатом такого подхода, является опыт, проведенный китайским ученым биотехнологом Хэ Цзянькуйем, который впервые модифицировал геном двух эмбрионов, с последующей имплантацией в материнский организм.

В целом, анализируя опыт правового регулирования отношений связанных с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, и эмбрионом человека *In vitro*, можно сделать вывод о том, что единого подхода у государств нет. Так международные правовые договоры, которые устанавливают право человека на жизнь не имеют соответствующих положений, которые касались бы эмбриона *In vitro*, лишь только при помощи расширительного толкования можно выделить отдельные аспекты, которые в теории могли бы устанавливать какие-либо гарантии или механизмы защиты данного явления, однако на практике все сводится к установлению особых правил в отдельно взятых странах на национальном уровне. Те же нормативно-правовые акты, которые напрямую устанавливают какие-то права эмбрионов *In vitro*, имплементируются в законодательство стран с оговоркой об исключении или не признании оных, как например это было с Американской конвенцией «О правах человека» от 1969 года, либо все равно дополняются на уровне внутреннего правового поля.

Нельзя не отметить, что такой важный институт как материнство и защита прав детей является особой категорией в праве каждой страны, и зачатую, в отличие от иных институтов (политических, экономических), устанавливаются и регулируются в строгой зависимости от культурного и исторического опыта отдельно взятой страны, что создает невозможность для установления всеобщего консенсуса в вопросе статуса эмбриона человека, и вызывает затруднения в процессе имплементации отдельных правовых решений в Российскую пра-

вовую действительность. Исключением из данного правила может послужить Рекомендация Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1046 от 24.09.1986 г. «Об использовании эмбрионов и зародышей в диагностических, терапевтических и научных целях», согласной которой при любых обстоятельствах человеческие эмбрионы и плоды требуют обращения, достойного человека, несмотря на неопределенность юридического статуса. Также, предлагаем ввести полный запрет на использование эмбрионов в исследовательских целях, даже в целях совершенствования вспомогательных репродуктивных технологий, соответствующие изменения внести в ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ.

Список литературы:

[1] Письмо Министерства здравоохранения РФ от 30.01.2023 г. N 31-2/И/2-1287 «О формировании и экономическом обосновании территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2023 - 2025 годы» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438795/ (дата обращения: 25.07.2026).

[2] Декларация прав ребенка (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 25.07.2026).

[3] «Международный пакт о гражданских и политических правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 25.07.2026).

[4] Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 августа 2015 г. Дело «Парилло против Италии» [Parrillo v. Italy] (жалоба N 46470/11) (Большая Палата) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=366213> (дата обращения: 25.07.2026).

[5] Американская конвенция о правах человека (Заклучена в г. Сан-Хосе 22.11.1969 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16783> (дата обращения: 25.07.2026).

[6] Белова Д. А. Правовая природа эмбриона in vitro Lex Russica,- 2019.- №16. - С. 120-130.

[7] Гландин С.В. О статусе эмбриона человека в свете права на уважение личной и семейной жизни в европейском и российском праве // Закон. - 2014.- № 4.- С. 133-137.

References:

[1] Letter of the Ministry of Health of the Russian Federation dated January 30, 2023, No. 31-2/И/2-1287 «On the formulation and economic justification of territorial programs of state guarantees for the provision of free medical care to citizens for 2023–2025» // Accessed via the «ConsultantPlus» legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438795/ (accessed: July 25, 2026).

[2] Declaration of the Rights of the Child (Adopted on November 20, 1959, by Resolution 1386 (XIV) at the 841st plenary meeting of the UN General Assembly) // Accessed via the «ConsultantPlus» legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (accessed: July 25, 2026).

[3] «International Covenant on Civil and Political Rights» (Adopted on December 16, 1966, by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly) // Accessed via the «ConsultantPlus» legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (accessed: July 25, 2026).

[4] Judgment of the European Court of Human Rights of August 27, 2015. Case of *Parrillo v. Italy* (Application No. 46470/11) (Grand Chamber) // Accessed via the «ConsultantPlus» legal reference system. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=366213> (accessed: July 25, 2026).

[5] American Convention on Human Rights (Concluded in San José on November 22, 1969) // Accessed via the ConsultantPlus legal reference system. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16783> (accessed: July 25, 2026).

[6] Belova D. A. The Legal Nature of the *In Vitro* Embryo // Lex Russica. – 2019. – No. 16. – P. 120–130.

[7] Glandin S. V. On the Status of the Human Embryo in Light of the Right to Respect for Private and Family Life in European and Russian Law // Zakon. – 2014. – No. 4. – P. 133–137.

СЕРОВАТОВ Александр Игоревич,
аспирант, кафедры гражданского права и процесса
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия,
e-mail: serovatovs@gmail.com

ИНСТИТУТ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: МЕЖДУ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЕЙ И ГАРАНТИЯМИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

Аннотация. На основе анализа действующего процессуального регулирования, разъяснений Верховного Суда РФ и отдельных тенденций правоприменения рассматриваются проблемы перехода от упрощенного производства к общему порядку, а также реализации права на получение мотивированного решения. Обосновывается необходимость корректировки статьи 232.4 ГПК РФ в части противодействия процессуальным злоупотреблениям при запросе мотивированного решения с учетом недопустимости ущемления права на судебную защиту.

Ключевые слова: гражданский процесс, упрощенное производство, арбитражный процесс, процессуальная экономия, судебная статистика, злоупотребление правом, встречный иск, мотивированное решение.

SEROVATOV Alexander Igorevich,
Postgraduate Student, Department of Civil Law and Procedure
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

THE INSTITUTE OF SIMPLIFIED PROCEEDINGS IN CIVIL PROCEEDINGS: BETWEEN PROCEDURAL ECONOMY AND GUARANTEES OF THE RIGHT TO JUDICIAL PROTECTION

Annotation. Based on an analysis of the current procedural regulation, the interpretations of the Supreme Court of the Russian Federation, and certain trends in law enforcement, the paper examines the problems associated with the transition from summary proceedings to the general procedure, as well as the exercise of the right to receive a reasoned decision. The paper substantiates the need to amend Article 222.4 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation in terms of countering procedural abuses when requesting a reasoned decision, taking into account the inadmissibility of infringing on the right to judicial protection.

Key words: civil procedure, simplified proceedings, arbitration procedure, procedural economy, court statistics, abuse of rights, counterclaim, reasoned decision.

Поиск оптимального баланса между оперативностью правосудия и соблюдением фундаментальных процессуальных гарантий остается одной из центральных задач реформирования цивилистического процесса.

Главная научно-практическая проблема функционирования института упрощенного производства заключается в следующем: будучи призванным экономить процессуальное время, данный порядок сталкивается с тем, что отдельные процессуальные права сторон именно в рамках упрощенного производства нередко используются не для защиты нарушенных интересов, а для искусственного затягивания процесса. В таких ситуациях упрощенное производство утрачивает свое целевое назначение и не оправдывает отступлений от ординарных правил традиционного искового

судопроизводства. В связи с этим задача правового регулирования состоит не в ограничении базовых процессуальных прав участников, а в создании четких нормативных критериев для выявления фактов злоупотребления ими.

В условиях стабильно высокой судебной нагрузки упрощенное производство (глава 21.1 ГПК РФ) выступает механизмом оптимизации процесса по малозначительным, хотя и не являющимся бесспорными делам. Как справедливо отмечает А. В. Переверзев, «распространение упрощенных форм судопроизводства является общемировой тенденцией и объясняется необходимостью обеспечения оперативной защиты прав и законных интересов лиц, участвующих в деле, в условиях, когда задачи судебной деятельности могут быть достигнуты без применения всего комплекса процессуальных

механизмов, характерных для классического искового процесса» [7, с. 524].

Последовательное расширение сферы применения письменного судопроизводства подтверждается принятием Федерального закона от 12.06.2024 № 135-ФЗ, которым имущественный ценз по делам о взыскании денежных средств в порядке упрощенного производства был повышен до 250 000 рублей.

По данным формы № 2 Сводной статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ, наблюдается устойчивая тенденция к увеличению доли дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства, что подтверждает востребованность данного института [4; 5]. Вместе с тем, анализ правоприменения показывает, что расширение компетенции упрощенного порядка регулярно сталкивается с проблемой недобросовестного процессуального поведения сторон, использующих механизмы ГПК РФ для затягивания рассмотрения споров.

Одной из системных проблем института остается необоснованный переход к рассмотрению дела по общим правилам (десимплификация). Уязвимым элементом выступает часть 4 статьи 232.2 ГПК РФ, предписывающая суду перейти к ординарной процедуре в случае принятия встречного иска, который не может быть рассмотрен по правилам упрощенного производства.

В практике возможны ситуации, когда в споре о взыскании задолженности ответчик заявляет встречное требование о признании договора или отдельных его условий недействительными. Формально такое требование может быть связано с первоначальным иском, однако фактически оно способно использоваться как средство перехода от письменной процедуры к рассмотрению дела по общим правилам.

Арбитражное процессуальное законодательство и практика его применения представляют интерес в качестве аналога одноименного института гражданского процесса, из которого данный порядок судопроизводства и был первоначально заимствован и введен в ГПК РФ в 2016 году [7, с. 524]. Глава 29 АПК РФ содержит близкую модель упрощенного производства, а разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 (ред. от 05.04.2022) ориентируют суды на необходимость мотивированного подхода к вопросу о переходе к общему порядку. В гражданском процессе осторожность суда при отказе в переходе к ординарной процедуре часто обусловлена риском отмены судебного акта в апелляционном порядке из-за формального нарушения процессуальных гарантий. Возникает функциональное противоречие: норма, созданная для ускорения правосудия, становится механизмом, потенциально используемым для затягивания процесса.

Специфика вынесения судебных актов в упрощенном производстве порождает еще одну про-

блему. В соответствии со ст. 232.4 ГПК РФ, суд выносит лишь резолютивную часть решения; мотивированный судебный акт изготавливается по заявлению участвующих лиц либо при подаче апелляционной жалобы.

В правоприменении встречаются ситуации подачи ходатайств об изготовлении мотивированного решения лицами, не имеющими намерения его обжаловать. Цель таких действий - приостановить вступление решения в законную силу, поскольку изготовление мотивировки занимает до 10 дней, после чего срок на апелляционное обжалование исчисляется со дня принятия решения в окончательной форме. Ю. А. Жукова справедливо указывает, что подобная практика нивелирует саму суть упрощенного производства, возвращая судебский аппарат к классическим временным затратам [5, с. 52].

В научной среде звучат предложения о введении «автоматического» судебного штрафа для лиц, запросивших мотивированное решение, но не подавших апелляционную жалобу. Данный подход представляется юридически ошибочным. Запрос мотивированного решения сам по себе не требует нормативного обоснования - это безусловное право стороны понять мотивы суда. Сторона вправе запросить текст решения для оценки правовых перспектив обжалования, и отказ от апелляции по итогам такого анализа является разумным поведением.

Введение подобной санкции создаст недопустимый «охлаждающий эффект»: добросовестные участники будут воздерживаться от реализации своих процессуальных прав. Как отмечает А. П. Федорова, реализация дискреционных полномочий судом не должна блокировать доступ к правосудию [6, с. 277].

Вместе с тем, точечное противодействие злоупотреблениям необходимо. Применение универсальной нормы ст. 99 ГПК РФ в подобных ситуациях имеет ограниченную эффективность из-за сложностей в доказывании прямой причинно-следственной связи и размера потерь.

Для пресечения недобросовестного поведения без ущерба для конституционных прав сторон предлагается дополнить статью 232.4 ГПК РФ частью 2.1, сформулировав ее следующим образом:

«2.1. Если судом будет установлено, что заявление о составлении мотивированного решения подано участвующим в деле лицом исключительно с целью воспрепятствовать своевременному вступлению судебного акта в законную силу, при наличии иных объективных признаков недобросовестного процессуального поведения, суд вправе применить судебный штраф в порядке, предусмотренном главой 8 настоящего Кодекса, а также разрешить вопрос о распределении судебных расходов, если они были вызваны установленным злоупотреблением. Факт неподачи апелляционной жалобы сам по себе не может рассматриваться как основание для признания действий лица недо-

бросовестными».

Во избежание необоснованного применения санкций судам надлежит оценивать в совокупности следующие критерии оценки недобросовестного процессуального поведения: отсутствие содержательных возражений по существу вынесенного решения; одновременное заявление иных явно необоснованных ходатайств; противоречивое процессуальное поведение; повторяемость аналогичной модели поведения у профессионального представителя; наличие объективной цели отсрочить вступление решения в силу; отсутствие разумного объяснения запроса мотивированного решения.

Институт упрощенного производства подошел к рубежу, когда экстенсивное развитие посредством повышения цены иска (ФЗ № 135-ФЗ) должно сопровождаться качественной «донастройкой» процессуальных фильтров». Предоставление судам общей юрисдикции более четких критериев оценки ходатайств позволит эффективно достигать целей процессуальной экономии.

Предложенная редакция ст. 232.4 ГПК РФ переносит акцент с самого факта совершения формально законного процессуального действия (запроса мотивированного решения) на комплексную оценку недобросовестности заявителя. Такой подход отвечает гарантиям судебной защиты добросовестного истца от необоснованного затягивания разбирательства и в то же время сохраняет состоятельность сторон.

Список литературы:

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // Российская газета. 2017. № 88.

[4] Отчет о работе судов общей юрисдикции по

рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции (Форма № 2) // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

[5] Жукова Ю. А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе : монография. М.: Зерцало-М, 2022. 164 с.

[6] Федорова А. П. Дискреционные полномочия при реализации принципа последовательного обжалования в цивилистическом процессе // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7(223). С. 276–279.

[7] Переверзев А. В. Упрощенное производство // Гражданский процесс : учебник / под ред. А. В. Габова. М.: Статут, 2024. С. 524–535.

References:

[1] Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002 (as amended on April 9, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.

[2] Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated July 24, 2002 (as amended on December 15, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 dated April 18, 2017 (as amended on April 5, 2022) «On Certain Issues Regarding the Application by Courts of the Provisions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation Concerning Simplified Proceedings» // Rossiyskaya Gazeta. 2017. No. 88.

[4] Report on the Work of Courts of General Jurisdiction Regarding the Hearing of Civil and Administrative Cases at First Instance (Form No. 2) // Official Website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation.

[5] Zhukova Yu. A. Simplified Proceedings in Civil and Arbitrazh Procedure: A Monograph. Moscow: Zertsalo-M, 2022. 164 p.

[6] Fedorova A. P. Discretionary Powers in the Implementation of the Principle of Sequential Appeal in Civil Procedure // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 7(223). Pp. 276–279.

[7] Pereverzev A. V. Simplified Proceedings // Civil Procedure: Textbook / Ed. by A. V. Gabov. Moscow: Statut, 2024. Pp. 524–535.

ЛУПЕНКО Игорь Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса
ЮФ Забайкальский государственный университет,
e-mail: lupenko1969@mail.ru

СМИРНОВА Виктория Витальевна,
студент магистратуры
ЮФ Забайкальский государственный университет,
e-mail: vichka_koryakina@inbox.ru

СУДЕБНЫЙ ПРИКАЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН МИРОВЫМИ СУДЬЯМИ

Аннотация. На современном этапе функционирования российского государства права граждан, закрепленные на конституционном уровне, обеспечиваются различными средствами и инструментами, в частности, посредством реализации института мировой юстиции. Одним из инструментов обеспечительного характера выступает приказное производство, обладающее рядом преимуществ по сравнению с исковым, и одновременно не исключает некоторые недостатки, не позволяющие в полной степени обеспечить реализацию конституционных прав граждан России.

Ключевые слова: мировой суд, мировая юстиция, приказное производство, судебный приказ, недостатки, преимущества, проблемы.

LUPENKO Igor Yuryevich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Criminal Law and Criminal Procedure,
Law Faculty, Transbaikal State University

SMIRNOVA Viktoria Vitalyevna,
Master's student, Law Faculty,
Transbaikal State University (ZabGU)

THE COURT ORDER AS AN INSTRUMENT FOR ENSURING CITIZENS' CONSTITUTIONAL RIGHTS BY JUSTICES OF THE PEACE

Annotation. In the current functioning of the Russian state, citizens' constitutionally enshrined rights are safeguarded through various means and instruments—notably, the institution of the justice of the peace. One such protective mechanism is the summary order procedure; while it offers a number of advantages over standard adversarial litigation, it also entails certain shortcomings that prevent the full realization of Russian citizens' constitutional rights.

Key words: magistrate court, magistracy, summary order proceedings, judicial order, disadvantages, advantages, problems.

Сегодня действующая Конституция РФ [1] выделяет основные права граждан России в ранг наиважнейших, закрепляя их в своих нормах, устанавливая гарантии их реализации гражданами, исполнения уполномоченными органами власти и должностными лицами. Ряд прав конституционного значения сформулирован в сфере правосудия, к числу которых относится, в том числе, право на судебную защиту прав и свобод каждого российского гражданина (ст.46 Конституции РФ). Данное право носит фундаментальное значение, позволяющее каждому гражданину воспользоваться судебными инструментами в случаях, когда он считает, что его права и свободы нарушены. В формате использования судебных

инструментов гражданам дается возможность отстоять свои права, установить виновное лицо, принудить его к действиям по изменению своего неправомерного поведения по отношению к потерпевшему, возместить причиненный вред.

Приведенная конституционная норма соответствует ст.45 Конституции РФ, устанавливающей гарантию защиты прав граждан со стороны государства, оформляя таким образом одну из обязанностей государства перед российским населением. Эта же норма носит позитивный характер в отношении действий граждан по защите своих прав любыми правомерными, законными способами, в числе которых – обращение в суд.

Другая гарантия в сфере правосудия касает-

ся подсудности дел, установленной законом, соблюдение которой обязательно в каждом случае, когда любой гражданин обращается в судебный орган с целью защитить свои нарушенные права (ст.47 Конституция РФ). Данная норма отражена, в частности, в ст.23 ГПК РФ [2] и ст.3 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в РФ» [3], фиксирующих выдачу судебного приказа в рамках подсудности мировых судей.

Приказное производство имеет множество преимуществ по сравнению с исковым и призвано упростить гражданский процесс, сократить его временную составляющую, снизить функциональную нагрузку судей. В целом можно данный вид судебного производства охарактеризовать как

механизм процессуальной экономии, имеющий целью минимизировать расходные процессуальные ресурсы при отправлении правосудия. В этой связи допустимо солидаризироваться с мнениями ученых, выдерживающих позицию относительно положительных характеристик приказного производства, его эффективности, достижения им задач процессуальной экономии [4, с. 43], что подтверждается также данными судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ [6].

Так, в среднем 85% гражданских дел рассматриваются с вынесением судебного приказа (табл. 1). При этом наблюдается ежегодный рост дел, рассмотрение которых оканчивается вынесением судебного приказа (рис. 1).

Таблица 1. Удельный вес рассмотренных гражданских дел с вынесением судебного приказа за 2020-2024 гг. в Российской Федерации

Год	Всего рассмотрено гражданских дел	Рассмотрено дел с вынесением судебного приказа	
		Абс.	Уд. вес, %
2020	20777039	17683137	85
2021	22622525	18966318	84
2022	25094332	21187583	84
2023	27548462	23505708	85
2024	28232881	24496759	87

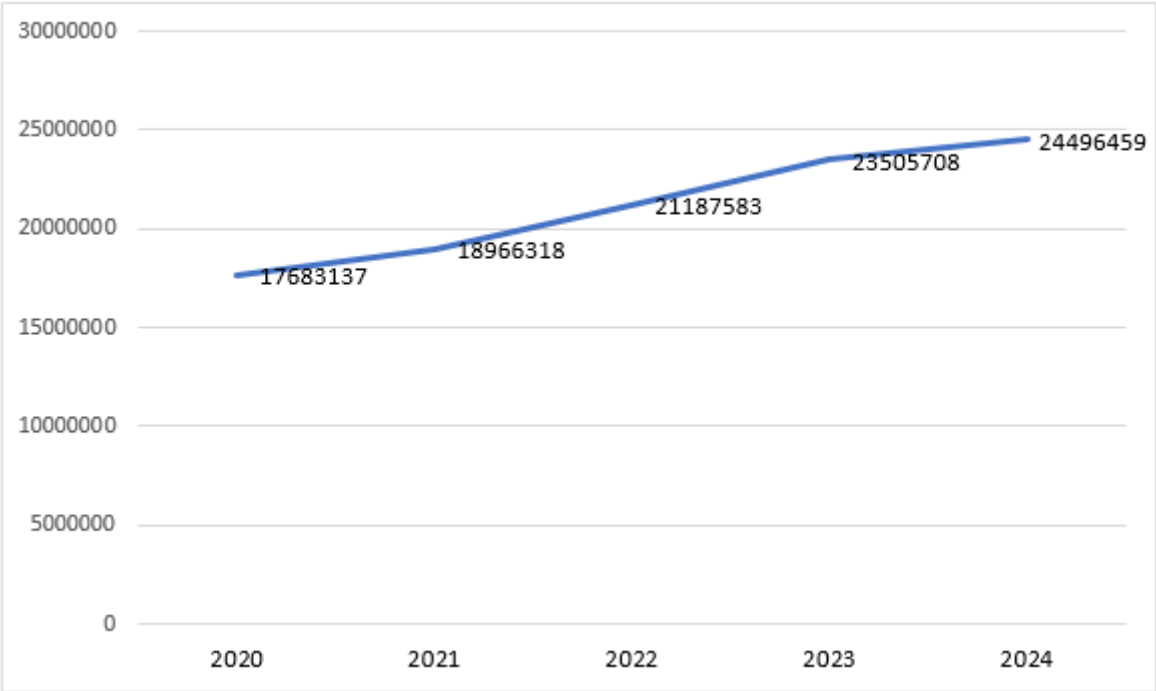

Рисунок 1. Динамика рассмотренных гражданских дел с вынесением судебного приказа за 2020-2024 гг. в Российской Федерации

Среди преимуществ приказного производства выделяются (глава 11 ГПК РФ):

- дело решается без проведения судебного заседания;
- взыскатель и должник в суд не вызываются;
- судебный приказ одновременно выступает исполнительным документом;
- установленный срок для решения дела и вынесения судебного приказа равен 5-ти дням с момента поступления заявления от гражданина.

В то же время имеется ряд законодательных пробелов относительно приказного производства, некоторые из которых были устранены разъяснениями высшей судебной инстанцией, некоторые – не разрешены до сих пор. Так, положения разъяснительного значения сформулированы в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 [5] (далее – постановление № 62), отдельные из них – не лишены недостатков. В частности, в п.3 постановления № 62 говорится о бесспорности требований, рассматриваемых в рамках приказного производства. Оценка бесспорности требований осложнена отсутствием законодательно определенного и единообразно принятого в судебной практике механизма подтверждения того, что требования признаны должником. Как мировой судья должен убедиться в том, что должник признает требования, если решение дела с вынесением судебного приказа осуществляется без вызова должника, без проведения судебного заседания? Должник может не знать о том, что взыскатель обратился с заявлением о выдаче судебного приказа, и не известить суд о своем несогласии с требованиями, как того требует п.4 постановления № 62.

Кроме того, возникает и другой вопрос – можно ли говорить о бесспорности требований, если должник в течение 10-ти дней с момента получения копии судебного приказа правомочен представить возражения относительно исполнения приказа (ст.128 ГПК РФ). То есть, возражая против исполнения судебного приказа, должник выражает свое несогласие с требованиями взыскателя, поэтому невозможно говорить о бесспорном характере требований.

Постановление № 62 в п.3 излагает понятие бесспорности требований: «Бесспорными являются требования, подтвержденные письменными доказательствами, достоверность которых не вызывает сомнений, а также признаваемые должником». Полагаем, что признак бесспорности требований в виде «признания их должником» должен быть исключен из п.3 постановления № 62. Либо законодателю целесообразнее было бы предусмотреть обязательность уведомления должника взыскателем о подаче им заявления о выдаче судебного приказа – в этом случае у должника имела бы возможность уведомить мирового судью о своем несогласии с требованиями. В случае же отсутствия несогласия должника – требования будут считаться бесспорными.

В настоящей работе исследован один из законодательных пробелов относительно судебного приказа, в то время как в теории и практике имеются ряд иных недостатков, не нашедших решения до сих пор ни в законе, ни в разъяснениях высшей судебной инстанции. Их наличие и нерешенность позволяет говорить о неполноценности судебного приказа как инструмента обеспечения конституционных прав граждан мировыми судьями.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 2020. – № 144.

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

[3] О мировых судьях в Российской Федерации: федер. закон [от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 51. – Ст. 6270.

[4] Голованов Н.М. Актуальные проблемы вынесения судебного приказа в гражданском судопроизводстве / Н.М. Голованов // Национальная ассоциация ученых. – 2023. – № 88. – С. 42-46.

[5] О некоторых вопросах применения судами положений ГПК РФ и АПК РФ о приказном производстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 27 декабря 2016 г. № 62 (с посл. изм. и доп.)] // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2017. – № 2. – февраль.

[6] Форма № 2 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции» // Официальный сайт Судебного департамента при ВС РФ. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 18.06.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, December 30, 2008 No. 7-FKZ, February 5, 2014 No. 2-FKZ, July 21, 2014 No. 11-FKZ, and March 14, 2020 No. 1-FKZ) // Rossiyskaya Gazeta. – 2020. – No. 144.

[2] Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law [dated November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended and supplemented)] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 46. – Art. 4532.

[3] On Justices of the Peace in the Russian Federation: Federal Law [dated December 17, 1998

No. 188-FZ (as amended and supplemented)] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 51. – Art. 6270.

[4] Golovanov N.M. Current Issues Regarding the Issuance of a Court Order in Civil Proceedings / N.M. Golovanov // National Association of Scientists. – 2023. – No. 88. – P. 42-46. [5] On Certain Issues Regarding the Application by Courts of the Provisions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation Concerning Summary Order Proceedings:

Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation [No. 62 dated December 27, 2016 (as amended and supplemented)] // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2017. – No. 2. – February.

[6] Form No. 2 “Report on the Work of Courts of General Jurisdiction Regarding the Hearing of Civil and Administrative Cases at First Instance” // Official Website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (accessed: June 18, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.09.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-6724-2026-3-27-29

КРУГЛОВА М.В.,
магистр кафедры Гражданского и корпоративного права
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: kruglovamaria345@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЕЗДОКУМЕНТАРНЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ

Аннотация. В статье анализируется правовая природа и особенности регулирования бездокументарных ценных бумаг в современном российском гражданском праве. Рассматривается эволюция законодательного подхода к определению данного объекта гражданских прав, исследуются механизмы учета и перехода прав, а также способы защиты интересов правообладателей. Отдельное внимание уделяется вопросам обременения и ответственности профессиональных участников рынка.

Ключевые слова: бездокументарные, ценные, бумаги, учет, права, залог, реестр, ответственность.

KRUGLOVA M. V.,
Master of the Department of Civil and Corporate Law
Saint-Petersburg State University of Economics
Saint-Petersburg, Russia

LEGAL REGULATION OF NON-DOCUMENTARY SECURITIES

Annotation. The article analyzes the legal nature and regulatory features of uncertificated securities in modern Russian civil law. The evolution of the legislative approach to defining this object of civil rights is examined, the mechanisms of accounting and transfer of rights are investigated, as well as methods of protecting the interests of rights holders. Special attention is paid to issues of encumbrance and liability of professional market participants.

Key words: uncertificated, securities, accounting, rights, pledge, register, liability, responsibility.

Понятие ценной бумаги в российском гражданском праве претерпело существенную трансформацию за последние десятилетия. Если раньше классическое определение связывало ценную бумагу исключительно с документом на бумажном носителе, то сегодня законодатель признаёт ценными бумагами также права, закреплённые в решении о выпуске или ином акте эмитента [6]. Речь идёт о так называемых бездокументарных ценных бумагах, которые постепенно вытеснили документарные формы в большинстве сегментов финансового рынка. Этот переход связан прежде всего с потребностями оборота — бумажные носители оказались слишком дорогими, неудобными в хранении и передаче, а главное — уязвимыми с точки зрения защиты прав их владельцев.

С юридической точки зрения бездокументарная ценная бумага представляет собой не вещь и не документ, а зафиксированную в установленном порядке совокупность обязательственных и иных прав [2]. Именно эта особенность долгое время порождала споры о месте бездокументарных ценных бумаг в системе объектов гражданских прав. Однако после внесения изменений в статью 128 Гражданского кодекса РФ бездоку-

ментарные ценные бумаги были прямо отнесены к объектам гражданских прав наряду с вещами и иным имуществом [10]. Как справедливо отмечают Н.В. Фирсова и А.С. Мугинов, такая легальная фиксация позволила снять многие теоретические противоречия, хотя отдельные вопросы правовой природы остаются дискуссионными [8].

Ключевое отличие бездокументарных ценных бумаг от документарных заключается в способе фиксации и передачи прав. Если в первом случае право следует за бумагой — владение документом презюмирует наличие права, то во втором случае права существуют исключительно в виде записей по счетам. Эти записи ведутся специализированными лицами, имеющими предусмотренную законом лицензию, — регистраторами (держателями реестра) и депозитариями [3; 5]. Законодатель установил, что распоряжение бездокументарными ценными бумагами, включая их передачу, залог или иное обременение, возможно только через обращение к такому лицу для внесения соответствующих записей [1].

Важно понимать, что момент перехода прав по бездокументарной ценной бумаге не совпадает с моментом заключения договора или передачи каких-либо документов. Права переходят к при-

обретателю с момента внесения лицом, осуществляющим учёт, соответствующей записи по счёту приобретателя [9]. Это правило, закреплённое в пункте 2 статьи 149.2 ГК РФ, имеет принципиальное значение для определения того, кто именно вправе требовать исполнения от обязанного лица. По общему правилу, таким управомоченным лицом признаётся тот, кто указан в учётных записях в качестве правообладателя [3]. Судебная практика последовательно придерживается этой позиции, рассматривая запись по счёту как единственное возможное доказательство наличия права [9].

Особого внимания заслуживают вопросы залога и иного обременения бездокументарных ценных бумаг. В отличие от документарных бумаг, где залог часто оформлялся передачей самого сертификата, здесь залоговое правоотношение возникает исключительно в момент внесения записи о залоге по счёту правообладателя [4]. Более того, в установленных законом случаях обременение может возникать уже с момента зачисления бумаг на специальный счёт, предназначенный для учёта обременённых ценных бумаг. Такой подход, по мнению Т.В. Козловой, существенно повышает прозрачность и надёжность залоговых отношений, но одновременно требует от участников оборота повышенной дисциплины в соблюдении учётных процедур [3].

Распределение ответственности за нарушение правил учёта бездокументарных ценных бумаг также имеет свою специфику. Закон устанавливает солидарную ответственность эмитента и лица, осуществляющего учёт по его поручению, за убытки, причинённые вследствие нарушения порядка учёта, утраты учётных данных или предоставления недостоверной информации [3]. Однако если учёт ведётся лицом, действующим на основании договора непосредственно с правообладателем (например, номинальным держателем), эмитент за действия такого лица ответственности не несёт [1]. Такое разграничение представляется логичным: каждый отвечает за ту операцию, которую контролирует.

Защита прав владельцев бездокументарных ценных бумаг имеет ряд особенностей, обусловленных нематериальной природой объекта. В случае неправомерного списания ценных бумаг со счёта правообладатель вправе требовать их возврата от лица, на счёт которого они были зачислены [7]. Однако из этого правила есть исключения. Так, если речь идёт о бумагах, удостоверяющих только денежное право требования, или о бумагах, приобретённых на организованных торгах, их нельзя истребовать от добросовестного приобретателя [7]. В таких случаях правообладатель может потребовать от виновных лиц приобретения таких же бумаг за их счёт либо возмещения всех необходимых для этого расходов при условии, что аналогичные бумаги доступны на организованных торгах.

Как отмечают Ю.О. Семягина, А.А. Барина

и З.К. Кондратенко, несмотря на достаточно детальную регламентацию, практика применения норм о бездокументарных ценных бумагах сталкивается с рядом проблем. В частности, остаётся не до конца решённым вопрос о соотношении вещно-правовых и обязателственно-правовых способов защиты применительно к этому объекту [6]. М.А. Самойлов в своей работе подчёркивает, что особенности правового функционирования рынка ценных бумаг во многом определяются именно бездокументарной формой большинства современных финансовых инструментов, что требует от участников рынка особой внимательности к процедурным моментам [5].

Показательно, что во многих зарубежных правовых системах, особенно в странах германской правовой семьи, бездокументарные ценные бумаги рассматриваются как разновидность учётных эффектов (нем. *Bucheffekten*). По сути, это свободно отчуждаемое право требования или членства в отношении эмитента, учтённое на счёте приобретателя и действующее в отношении любых третьих лиц [5]. Такой подход близок к российскому пониманию, хотя отдельные нюансы правового режима различаются.

Подводя итог, можно сказать, что правовое регулирование бездокументарных ценных бумаг в России находится в состоянии поступательного развития. Легальное признание их объектами гражданских прав, детальная регламентация учётных процедур и механизмов защиты прав владельцев создали необходимую основу для функционирования современного финансового рынка. Вместе с тем сохраняются дискуссионные вопросы, связанные с природой залога, момента перехода прав и соотношением различных способов защиты. Дальнейшее совершенствование законодательства должно идти по пути гармонизации отечественных норм с международными стандартами и учёта практики правоприменения.

Список литературы:

- [1] Балашова Н. В. Ценные бумаги понятие, виды и общие положения о правовом режиме / Н. В. Балашова, В. Ю. Пластун // Каталог курсовых работ ФГБОУ ВО «Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина». Серия: «Гуманитарные науки» : Сборник статей. – Омск : Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, 2024. – С. 171-172.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. От 31.07.2025) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 05.06.2025).
- [3] Козлова Т. В. Актуальные вопросы правового регулирования оборота бездокументарных ценных бумаг // Актуальные исследования. 2025. №28 (263). Ч.1. С. 49-52.
- [4] Круглова М. В. Правовой режим бездокументарных ценных бумаг в современной

России // Вестник науки. 2026. №2 (95). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-bezdokumentarnyh-tsennyh-bumag-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 31.05.2026).

[5] Самойлов М. А. Особенности правового функционирования рынка ценных бумаг / М. А. Самойлов // Современные правовые проблемы: взгляд студентов и курсантов : Сборник статей. – Тюмень : Тюменский государственный университет, 2023. – С. 117-119.

[6] Семягина Ю. О. Правовой режим бездокументарных ценных бумаг / Ю. О. Семягина, А. А. Барина, З. К. Кондратенко // Вестник Межрегионального открытого социального института. – 2022. – № 1(7). – С. 62-66.

[7] Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О рынке ценных бумаг» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=495276&dst=100001#61CblrU6y6MjfkF1> (дата обращения: 05.06.2025).

[8] Фирсова, Н. В. К вопросу о правовой природе бездокументарных ценных бумаг / Н. В. Фирсова, А. С. Мугинов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 4-4(55). – С. 175-177.

References:

[1] Balashova N. V. Securities: Concept, Types, and General Provisions on the Legal Regime / N. V. Balashova, V. Yu. Plastun // Catalog of Term Papers of the Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin. Series: «Humanities»: Collection of Articles. – Omsk: Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, 2024. – P. 171-172.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on July 31, 2025) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: June 5, 2025).

[3] Kozlova T. V. Topical Issues of Legal Regulation Regarding the Circulation of Scripless Securities // Actual Research. 2025. No. 28 (263). Part I. P. 49-52.

[4] Kruglova M. V. The Legal Regime of Scripless Securities in Modern Russia // Bulletin of Science. 2026. No. 2 (95). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-bezdokumentarnyh-tsennyh-bumag-v-sovremennoy-rossii> (accessed: May 31, 2026).

[5] Samoylov M. A. Specifics of the Legal Functioning of the Securities Market / M. A. Samoylov // Modern Legal Problems: Perspectives of Students and Cadets: Collection of Articles. – Tyumen: Tyumen State University, 2023. – P. 117-119.

[6] Semyagina Yu. O. Legal regime of book-entry securities / Yu. O. Semyagina, A. A. Barinova, Z. K. Kondratenko // Bulletin of the Interregional Open Social Institute. – 2022. – No. 1(7). – P. 62-66.

[7] Federal Law No. 39-FZ dated April 22, 1996 (as amended on December 28, 2024) «On the Securities Market» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=495276&dst=100001#61CblrU6y6MjfkF1> (accessed: June 5, 2025).

[8] Firsova N. V. On the legal nature of book-entry securities / N. V. Firsova, A. S. Muginov // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2021. – No. 4-4(55). – P. 175-177.

КОСТИКОВ Артур Денисович,
студент бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция
факультета подготовки специалистов для судебной системы
очной формы обучения (очный юридический факультет)
Российского государственного университета им. В. М. Лебедева,
e-mail: kostikovartur@bk.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕРВИСОВ РАССРОЧКИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правового регулирования сервисов рассрочки (BNPL) в Российской Федерации и за рубежом. Анализируются причин и условия роста рынка BNPL, связанные с этим риски и предпосылки формирования правовых основ сервисов рассрочки. Критически исследуется содержание Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 283-ФЗ «О деятельности по предоставлению сервиса рассрочки». Сделаны выводы, касающиеся правового статуса операторов сервисов рассрочки и правовой природы услуг сервисов рассрочки. Обозначены перспективы дальнейшего развития российского национального законодательства, регулирующего сервисы рассрочки.

Ключевые слова: BNPL, Банк России, оператор сервиса рассрочки, потребительское кредитование, сервисы рассрочки, финансовые организации, финансовый рынок.

KOSTIKOV Artur Denisovich,
bachelor's degree student in the field of 40.03.01
Jurisprudence at the Faculty of Training Specialists
for the Judicial System (Full-time Law Faculty)
Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

LEGAL REGULATION OF INSTALLMENT PLAN SERVICES: RESULTS AND PROSPECTS

Annotation. This article examines the legal regulation of installment payment services (BNPL) in the Russian Federation and internationally. It analyzes the causes and conditions for the growth of the BNPL market, the associated risks, and the prerequisites for the development of a legal framework for installment payment services. It also critically examines the content of Federal Law No. 283-FZ of July 31, 2025, «On the Activities of Providing Installment Payment Services.» Conclusions are drawn regarding the legal status of installment payment service operators and the legal nature of installment payment services. Prospects for the further development of Russian national legislation regulating installment payment services are outlined.

Key words: BNPL, Bank of Russia, installment service operator, consumer lending, installment services, financial institutions, financial market.

Рынок сервисов рассрочки, или в зарубежной терминологии – рынок BNPL (buy now pay later), процветает по всему миру [1]. Например, по данным 2026 года у шведской компании Klarna, предоставляющей BNPL-услуги для покупателей из Европы и США и являющейся крупным игроком этого рынка, примерно 119 млн. активных пользователей BNPL-сервиса и 1 млн. продавцов-партнеров; за день с использованием ее сервиса совершается порядка 3,4 млн. транзакций [7]. По России приводится статистика, характеризующая рост экономических показателей при использовании BNPL-сервисов. Так, по данным журнала «Т-Бизнес секреты» в 2024 году обороты бизнесов, продававших в рассрочку, в 2,9 раза превысили обороты конкурентов, не предоставивших возможности оплаты по частям, а в онлайн-продажах – более чем в 3,6 раза [8]. «СБЕР Бизнес

Live» приводит следующие данные по 2026 году о продажах с использованием сервисов рассрочки: рост среднего чека составил 15-30%; повышение конверсии до 20-40%; повышение оборота в два-три раза [9].

Рост популярности BNPL-сервисов обусловлен тем, что все лица, вовлеченные в отношения по предоставлению рассрочки имеют профиты: потребители не копят на покупки; продавцы наращивают торговые обороты; банки расширяют кредитный портфель; провайдеры получают комиссии [2].

Важно отметить, что развитие рынка BNPL происходит в условиях юридического вакуума: специально правовое регулирования отношений в сфере сервисов рассрочки отсутствует; правовая природа сервисов рассрочки не выявлена, в том числе, они не соотносены с потребительским

кредитованием. В этой ситуации на практике наблюдается многообразие подходов к оформлению отношений, связанных с предоставлением рассрочек [3; 4].

В отсутствие правового регулирования рынок BNPL функционирует хаотично, неуправляемо, бесконтрольно. Основная проблема – непрозрачность деятельности сервисов рассрочки: данные о должниках, долговых обязательствах, их исполнении, начислении штрафных санкций и т.д. не раскрываются и не накапливаются. Эта проблема освещена Ассоциацией Поставщиков Кредитной Информации (Association of Consumer Credit Information Suppliers, ACCIS) [10]. А в отсутствие релевантных данных, связанных с функционированием сервисов рассрочки, у регуляторов нет возможности сообразно реагировать на возникающие угрозы банковским и денежным системам, финансовым рынкам. Кредитные организации, не располагая информацией о долгах населения за товары, купленные в рассрочку, не в состоянии адекватно оценить платежеспособность клиентов при принятии решения о выдаче кредитов и предоставлении иных финансовых продуктов, что чревато финансовыми потерями. Нерегулируемое и неконтролируемое предоставление рассрочек за проданные товары грозит потребителям потерей имущества из-за долгов, банкротством. Это связано с тем, что многие не в состоянии правильно оценить свою долговую нагрузку самостоятельно, наращивая долги по покупкам, а также кредитам и займам.

В таких условиях очевидна необходимость формирования правовых основ сервисов рассрочки. Соответствующие меры принимаются как за рубежом, так и в России [5].

В Европе в октябре 2023 года была принята Директива CCD II [11], существенно расширившая сферу регулирования потребительского кредита и прямо включающая в нее продукты BNPL. Документ предусматривает такие меры как обязательная оценка кредитоспособности на основе проверяемых финансовых данных, лицензирование BNPL-провайдеров как кредиторов, составление отчетности по BNPL-сделкам, включение информации о долговых обязательствах по BNPL-сделкам в национальные системы кредитной информации. Указанные меры подлежат имплементации в национальное законодательство государств-членов Европейского союза. В Конгресс США в 2026 году внесен законопроект, предусматривающий приравнивание BNPL-сервисов к кредитам [12]. Также регулирование планируется на уровне штатов. Например, в Нью-Йорке принят, но пока не вступил в силу закон о BNPL (NY BNPL Act) [13]. Таким образом, следует констатировать, что правовое регулирование в иностранных юрисдикциях только формируется.

В Российской Федерации уже принят Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 283-ФЗ «О деятельности по предоставлению сервиса рас-

срочки» (далее – Закон № 283-ФЗ) [14].

Закон № 283-ФЗ идентифицировал рынок BNPL как сектор финансового рынка. Из закона следует, что услуги, предоставляемые посредством сервисов рассрочки – специализированных информационных систем – относятся к финансовым; они могут оказываться только специальными субъектами – операторами сервисов рассрочки (далее – операторы) под контролем Банка России.

Важно отметить, что рассрочки оплаты, предоставляемые потребителям непосредственно поставщиками (исполнителями) по договорам купли-продажи (подряд, оказания услуг), под действие закона не подпадают; они регулируются ст. 489 Гражданского Кодекса Российской Федерации. Таким образом, Закон № 283-ФЗ нацелен на регулирование деятельности в сфере финансов, а не реального сектора экономики.

Операторами могут стать кредитные и микрофинансовые организации. Также этот статус могут получить и другие российские хозяйственные общества, соответствующие предъявляемым требованиям. Эти требования стандартны для финансовых организаций и направлены на обеспечение экономической устойчивости и законности их деятельности: они касаются размера уставного капитала (не менее 5 млн. руб., запрещается оплата заемными средствами, ограничена оплата в неденежной форме); размера собственных средств (рассчитываются по методике, утвержденной Банком России); совмещения деятельности по предоставлению сервиса рассрочки с другой деятельностью; квалификации и деловой репутации высшего менеджмента; деловой репутации участников (акционеров) и др. Следует отметить, что доступность статуса операторов широкому кругу лиц представляется правильной: такой подход способствует конкуренции и повышает доступность услуг потребителям.

Право осуществления деятельности по предоставлению сервиса рассрочки предоставляется Банком России в разрешительном порядке; регулятор ведет специальный реестр операторов. При этом Закон № 283-ФЗ предусматривает основания для отказа и прекращения такого права (с исключением из реестра).

Операторы обязаны предоставлять Центробанку отчетность, а также раскрывать иные сведения по его требованию. Также операторы обязаны передавать данные о совершаемых операциях в бюро кредитных историй – если задолженность пользователя превышает 50 тыс. руб.

Принципу открытости операторы должны следовать и в отношении пользователей: они обязаны предоставить широкий доступ к правилам предоставления сервиса рассрочки (порядок заключения и исполнения договора, ответственность за неисполнение обязательств, способы информационного взаимодействия и др.). При этом на оператора возлагается обязанность соблюдения тайны об операциях пользователей, то есть в

законодательстве появилась еще одна категория охраняемой персональной информации. В целях защиты прав потребителей установлены правила разрешения споров, связанных с использованием сервисов рассрочки.

Подзаконное регулирование деятельности операторов сервиса рассрочки, контроль и надзор за соблюдением ими установленных требований, а также применение пресекательных и карательных мер при выявлении нарушений также возложено на Центробанк.

Таким образом, следует констатировать, что российским законодателем в целом проблемы, связанные с функционированием сервисов рассрочки, решены: обеспечена прозрачность этой деятельности; предусмотрены гарантии защиты прав потребителей; организовано регулирование и контроль за деятельностью операторов. Также правильным представляется делегирование Банку России управленческих функций в сфере сервисов рассрочки: с учетом конкуренции услуг сервисов рассрочки и потребительского кредитования регулятор должен обеспечить их разумное соотношение.

Вместе с тем очевидно, что новое законодательство требует пристального изучения в целях его дальнейшего совершенствования. В частности, во много остаются нерешенными вопросы административно-деликтной ответственности операторов [6]. Также представляется необходимым более четкое регулирование правового режима тайны об операциях пользователей. Целесообразно рассмотреть вопрос о возможности защиты пользователей услуг сервисов рассрочки финансовыми омбудсменами. Для более четкой идентификации услуг, предоставляемых на рынке сервисов рассрочки, представляется необходимым уточнить понятия «финансовая услуга», закрепленные в п.2 ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [15].

Список литературы:

[1] Гордя Д.В. Развитие рынка BNPL-сервисов в России и за рубежом: возможности и риски // Современные технологии управления. 2024. № 3 (107).

[2] Чеклаукова Е.Л. BNPL-сервисы как альтернатива банковскому кредиту // Вестник Ангарского государственного технического университета. 2024. № 18. С. 441-444.

[3] Луговых Д.А., Роман Е.М. Правовое регулирование сервиса «Яндекс Сплит» в гражданском праве России // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития : сборник научных статей 15-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Курск, 2025. С. 405-408.

[4] Пудков Ф.Д. Современные системы рассрочек // Архонт. 2025. № 4 (55). С. 297-301.

[5] Конокин Д.В. Регулирование BNPL финтех-сервисов в Российской Федерации и за рубежом // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 7 (182). – С. 236-238.

[6] Бочкарева Е.А. Некоторые проблемы административно-деликтного регулирования деятельности операторов BNPL-сервисов // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2026. С. 683-688.

[7] Klarna. About us. URL: <https://www.klarna.com/uk/about-us/> (дата обращения: 29.06.2026).

[8] Исследование Т Рассрочки: обороты бизнесов, продающих в рассрочку, в три раза выше, чем без нее. 11 февраля 2025. Редактор: Алина Соломенникова // Т-Бизнес секреты. URL: https://secrets.tbank.ru/trendy/oboroty-biznesa-rassrochkoj/?internal_source=copypaste (дата обращения: 29.06.2026).

[9] Рассрочка для бизнеса: что это и как внедрить магазину. 5 июня 2026 // СберБизнес Live. URL: <https://sberbusiness.live/publications/rassrochka> (дата обращения: 29.07.2026).

[10] ACCIS. Protecting and empowering consumers of BNPL products: Best Practices from a Credit Referencing Perspective. 2024. URL: https://accis.eu/wp-content/uploads/2024/03/ACCIS_BNPL-Publication_03-2024_WEB.pdf (дата обращения: 26.06.2026).

[11] Directive (EU) 2023/2225 of the European Parliament and of the Council of 18 October 2023 on credit agreements for consumers and repealing Directive 2008/48/EC // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2023/2225/oj/eng> (дата обращения: 26.06.2026).

[12] Buy Now Pay Later Consumer Protection Act of 2026, H.R. 9275, 119th Cong. (2026). URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/119/hr9275/text> (дата обращения: 26.08.2026).

[13] New York's BNPL Law Takes One Step Closer to the Finish Line with New Proposed Rule // Mayer Brown. — URL: <https://www.mayerbrown.com/fr/insights/publications/2026/08/new-yorks-bnpl-law-takes-one-step-closer-to-the-finish-line-with-new-proposed-rule#1> (дата публикации: 18.08.2026).

[14] Собрание законодательства РФ. — 2025. — 4 авг. — № 31. — Ст. 4637.

[15] Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3434.

References:

[1] Gordya D.V. Development of the BNPL service market in Russia and abroad: opportunities and risks // Modern Management Technologies. 2024. No. 3 (107).

[2] Cheklaukova E.L. BNPL services as an alternative to bank loans // Bulletin of Angarsk State Technical University. 2024. No. 18. P. 441-444.

[3] Lugovkykh D.A., Roman E.M. Legal regulation

of the «Yandex Split» service under Russian civil law // Research into the innovative potential of society and the formation of directions for its strategic development: collection of scientific articles from the 15th All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Kursk, 2025. P. 405-408.

[4] Pudkov F.D. Modern installment payment systems // Arkhont. 2025. No. 4 (55). P. 297-301.

[5] Konokin D.V. Regulation of BNPL fintech services in the Russian Federation and abroad // Eurasian Law Journal. 2023. No. 7 (182). P. 236-238.

[6] Bochkareva E.A. Certain issues regarding the administrative-tort regulation of BNPL service operators' activities // Current issues of administrative and administrative-procedural law (Sorokin Readings): collection of articles based on the proceedings of the international scientific and practical conference. St. Petersburg, 2026. P. 683-688.

[7] Klarna. About us. URL: <https://www.klarna.com/uk/about-us/> (accessed: 29.06.2026). [8] T-Bank Installment Plan Study: Turnover of businesses offering installment plans is three times higher than those that do not. February 11, 2025. Editor: Alina Solomennikova // T-Business Secrets. URL: https://secrets.tbank.ru/trendy/oboroty-biznesa-s-rassrochkoj/?internal_source=copypaste (accessed: June 29, 2026).

[9] Installment plans for business: what they are

and how a store can implement them. June 5, 2026 // SberBusiness Live. URL: <https://sberbusiness.live/publications/rassrochka> (accessed: July 29, 2026).

[10] ACCIS. Protecting and empowering consumers of BNPL products: Best Practices from a Credit Referencing Perspective. 2024. URL: https://accis.eu/wp-content/uploads/2024/03/ACCIS_BNPL-Publication_03-2024_WEB.pdf (accessed: June 26, 2026).

[11] Directive (EU) 2023/2225 of the European Parliament and of the Council of 18 October 2023 on credit agreements for consumers and repealing Directive 2008/48/EC // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2023/2225/oj/eng> (accessed: June 26, 2026).

[12] Buy Now Pay Later Consumer Protection Act of 2026, H.R. 9275, 119th Cong. (2026). URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/119/hr9275/text> (accessed: August 26, 2026). [13] New York's BNPL Law Takes One Step Closer to the Finish Line with New Proposed Rule // Mayer Brown. — URL: <https://www.mayerbrown.com/fr/insights/publications/2026/08/new-yorks-bnpl-law-takes-one-step-closer-to-the-finish-line-with-new-proposed-rule#1> (publication date: August 18, 2026).

[14] Collected Legislation of the Russian Federation. — 2025. — Aug. 4. — No. 31. — Art. 4637.

[15] Collected Legislation of the Russian Federation. — 2006. — No. 31 (Part 1). — Art. 3434.

МУНГАЛОВ Константин Александрович,
аспирант,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ЛИПИНСКИЙ Дмитрий Анатольевич,
профессор, доктор юридических наук,
ФГАУ ВО «МАУ», Мурманск, Россия,
e-mail: mungalovka@yandex.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ КАК ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ИЗМЕНЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье исследуется фактическая основа динамики охранительных правоотношений юридической ответственности. Цель работы - установить, какие группы юридических фактов реально управляют возникновением, изменением и прекращением этих правоотношений в российской правоприменительной практике 2020–2024 гг., и предложить модель, объясняющую расхождение между доктринальной формулой «правонарушение - единственное основание ответственности» и статистически фиксируемым поведением судов. Эмпирическую базу составили обзоры судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2023 и 2024 гг. (совокупность - 640,8 тыс. лиц, в отношении которых в 2024 г. вступили в законную силу судебные акты по существу обвинения). Применены формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический и структурно-функциональный методы. Установлено, что доля правопрекращающих фактов, не связанных с реабилитацией, составила в 2024 г. 18,5 % от общего числа лиц по вступившим в силу судебным актам, а у мировых судей примирение с потерпевшим охватило 44,1 тыс. лиц, или 70,0 % всех прекращений. Предложена трёхуровневая модель фактического основания ответственности, разграничивающая нормативно-фактическую предпосылку, материальный факт-правонарушение и процессуальный правоприменительный акт. Показано, что процессуальный уровень выполняет не удостоверяющую, а конституирующую функцию, что позволяет по-новому объяснить конструкции освобождения от ответственности, судебного штрафа и досрочного прекращения полномочий судьи..

Ключевые слова: юридический факт; юридический состав; юридическая ответственность; охранительное правоотношение; правопрекращающие факты; освобождение от ответственности; судебная статистика; правоприменительный акт.

MUNGALOV Konstantin Alexandrovich,
Postgraduate Student

Academic Supervisor:
LIPINSKY Dmitry Anatolyevich,
Professor, Doctor of Legal Sciences,
MAU (Murmansk Arctic University), Murmansk, Russia

LEGAL FACTS AS GROUNDS FOR THE ORIGIN, MODIFICATION, AND TERMINATION OF LEGAL RELATIONS INVOLVING LEGAL LIABILITY

Annotation. The article examines the factual basis underlying the dynamics of protective legal relations involving legal liability. The study aims to identify which groups of legal facts actually govern the origin, modification, and termination of these legal relations within Russian law enforcement practice from 2020 to 2024. It also proposes a model to explain the discrepancy between the doctrinal formula stating that «an offense is the sole ground for liability» and the behavior of courts as reflected in statistical data. The empirical basis consists of judicial statistics reviews from the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation for 2023 and 2024 (covering a total of 640.8 thousand individuals subject to court rulings on the merits of the charges that entered into legal force in 2024). Formal-legal, comparative-legal, statistical, and structural-functional methods were employed. The study found that in 2024, facts terminating legal relations—excluding those related to rehabilitation—accounted for 18.5% of the total number of individuals subject to court rulings that had entered into legal force; furthermore, regarding cases heard by magistrates, reconciliation

with the victim involved 44.1 thousand individuals, representing 70.0% of all case terminations. A three-level model of the factual basis of liability is proposed, distinguishing between the normative-factual premise, the substantive fact constituting the offense, and the procedural act of law application. It is demonstrated that the procedural level performs a constitutive rather than a merely certifying function; this allows for a novel explanation of the legal constructs of exemption from liability, judicial fines, and the early termination of a judge's tenure.

Key words: *legal fact; composite legal fact; legal liability; protective legal relationship; facts terminating legal relations; exemption from liability; judicial statistics; act of law application.*

Введение

Вопрос о том, что именно приводит в движение правоотношение юридической ответственности, в отечественной теории права до сих пор решается через формулу, сложившуюся ещё в 1960-е гг.: единственным основанием ответственности признаётся правонарушение, а всё остальное относится к «условиям» либо «порядку» её реализации. Между тем практика последних пяти лет эту формулу опровергает арифметически. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 г. судебные акты по существу обвинения вступили в законную силу в отношении 640,8 тыс. лиц, при этом обвинительными приговорами завершились дела лишь 512,8 тыс. лиц (80,0 %), а в отношении 118,8 тыс. лиц (18,5 %) производство прекращено по нереабилитирующим основаниям [11]. Иначе говоря, почти каждое пятое установленное правонарушение не порождает полноценного правоотношения ответственности - его развитие пресекается иным юридическим фактом.

Проблема, вокруг которой строится настоящее исследование, формулируется так: доктринальная модель фактического основания ответственности является одноуровневой (правонарушение), тогда как механизм её возникновения, изменения и прекращения фактически трёхуровневый и включает нормативную предпосылку, материальный факт и процессуальный акт. Такое расхождение не сводится к терминологическому спору. Оно определяет, с какого момента лицо считается несущим ответственность, какие обстоятельства способны изменить объём претерпеваемых лишений и в какой момент охранительная связь прекращается.

Цель работы - выявить и систематизировать юридические факты, обуславливающие динамику правоотношений юридической ответственности, на основе анализа доктрины 2020–2025 гг. и статистики судебной практики 2020–2024 гг.

Достижение цели потребовало решения пяти задач: 1) разграничить понятия «основание ответственности», «юридический факт» и «юридический состав» применительно к охранительным отношениям; 2) описать правообразующие факты и показать роль правоприменительного акта; 3) выделить группу правоизменяющих фактов, влияющих на объём ответственности; 4) провести количественный анализ правопрекращающих фактов по данным за 2020, 2023 и 2024 гг.; 5) проверить работоспособность предлагаемой модели на ма-

териале уголовной, административной, налоговой и дисциплинарной ответственности.

Обзор литературы показывает заметный сдвиг исследовательского интереса. Фундаментальная работа П. П. Серкова объёмом свыше 1500 страниц перевела обсуждение правоотношения в плоскость его внутренней «жизни» и механизма движения, отказавшись от статичного описания структуры [1]. Н. Н. Цуканов, оценивая эту монографию, обратил внимание на философско-правовую направленность исследования и на перспективы практического использования его выводов, но одновременно указал на дискуссионность ряда положений [2, с. 90–99]. Такая оценка показательна: даже развёрнутая теория правоотношения не даёт готового ответа на вопрос о фактическом составе ответственности.

Отдельную линию образуют работы, посвящённые собственно юридическому факту. Н. А. Плахтий исследовал соотношение юридического факта и случая, показав, что категория казуса не поглощается традиционной дихотомией «событие - действие» [6]. В. Б. Исаков, чьи разработки 1980-х гг. остаются базовыми, в новом издании учебного курса 2023 г. сохраняет деление фактов по волевому признаку и последствиям, но уже с оговоркой о возрастающей роли фактических составов [7, с. 455–476]. Обратимся к работам отраслевого уровня: И. В. Глазунова и А. В. Никитина рассматривают досрочное прекращение полномочий судьи как меру юридической ответственности и фиксируют, что фактическое основание здесь распадается на дисциплинарный проступок и решение квалификационной коллегии судей [3, с. 126–135]. И. А. Васильев, анализируя дисциплинарную практику УЕФА, приходит к выводу, что санкция не может иметь исключительно карательный эффект при отсутствии вины субъекта, - этот тезис прямо затрагивает вопрос о достаточности объективного факта для возникновения ответственности [4, с. 93–102]. В. М. Зарипов, разбирая экономическое основание налога, демонстрирует, что даже в фискальной сфере «основание» понимается не как единичное обстоятельство, а как совокупность экономико-правовых предпосылок [5, с. 54–63].

Коллектив авторов под редакцией Т. В. Лету-та исследовал влияние цифровизации на институт ответственности, зафиксировав появление фактов, возникающих в автоматизированной среде без непосредственного участия человека [8]. М. Х. Мазукабзова, обобщая практику административ-

ного наказания, обращает внимание на малозначительность как обстоятельство, влияющее временно на квалификацию деяния, вид и размер наказания [9, с. 402–404].

Что осталось за пределами перечисленных работ? Ни одна из них не связывает доктринальную конструкцию фактического основания с измеримыми показателями правоприменения. Между тем именно статистика позволяет проверить, какие факты действительно управляют охранительным отношением, а какие остаются теоретической фигурой. Восполнение этого пробела и составляет научную новизну настоящей статьи.

Методы

Исследование построено на сочетании доктринального анализа и количественной обработки официальной судебной статистики. Работа выполнялась в четыре этапа.

Первый этап - формирование источниковой базы. Отбор научных публикаций проводился по критериям: год издания 2020–2025, наличие DOI либо устойчивого URL, индексация в РИНЦ или включение журнала в перечень ВАК, прямое соответствие тематике фактических оснований ответственности. Из первоначально просмотренных публикаций в итоговый список включены 9 доктринальных источников, включая две монографии и главу учебного курса. Нормативную часть базы образуют шесть кодифицированных и специальных актов, а также два постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Второй этап - статистическая выборка. Генеральную совокупность образуют лица, в отношении которых по результатам уголовного судопроизводства вступили в законную силу судебные акты по существу обвинения: 721,5 тыс. лиц в 2020 г., 697,4 тыс. в 2023 г. и 640,8 тыс. в 2024 г. [11; 12]. Источником послужили обзоры судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 и 2024 гг., подготовленные Судебным департаментом при Верховном Суде РФ на основе сводных отчетов по формам № 1, № 6, № 8, № 10. Существенное методологическое ограничение оговорено в самом источнике: анализ по форме № 1 проведён по всем судам общей юрисдикции Российской Федерации, не включая сведения по новым субъектам Российской Федерации [11]. Соответственно, все приводимые далее абсолютные значения сопоставимы между собой, но не тождественны показателям, охватывающим территорию страны целиком.

Третий этап - операционализация теоретических понятий через статистические показатели. Каждой группе юридических фактов поставлен в соответствие наблюдаемый индикатор. Правообразующим фактам соответствует число лиц, в отношении которых вынесены обвинительные приговоры; правоизменяющим - число лиц, освобождённых от наказания, а также осуждённых,

имевших неснятую или непогашенную судимость; правопрекращающим - число лиц, дела которых прекращены по нереабилитирующим основаниям, и число лиц, освобождённых от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Такой приём даёт возможность перевести качественную классификацию в проверяемые числовые ряды.

Четвёртый этап - верификация. Каждый числовой показатель сверялся по двум точкам ряда (2020 и 2023 гг. против 2024 г.), а при расхождении абсолютных и относительных величин предпочтение отдавалось абсолютным значениям с указанием базы сравнения. Приросты и снижения рассчитывались как отношение показателя отчётного года к показателю базисного, что оговаривается в тексте всякий раз при использовании глаголов динамики. Данные, приводимые в обзоре в округлённом виде («более 0,4 тыс.», «менее 0,3 тыс.»), в расчётах не использовались.

Ограничения метода очевидны и признаются автором. Судебная статистика фиксирует результат правоприменения, но не мотивы правоприменителя; она не позволяет отделить случаи, когда прекращение дела было обусловлено действительным примирением, от случаев процессуальной экономии. Кроме того, показатели административной ответственности юридических лиц и данные о дисциплинарной практике квалификационных коллегий судей приводятся в обзорах в агрегированном виде, что исключает их корректное сопоставление с уголовно-правовыми рядами. Поэтому выводы по этим сегментам носят иллюстративный характер и опираются преимущественно на доктринальные источники [3; 4].

Результаты и обсуждение

1. Основание ответственности и юридический факт: разграничение понятий

Термины «основание ответственности» и «юридический факт» в литературе нередко употребляются как взаимозаменяемые, хотя объёмы их не совпадают. Юридический факт - обстоятельство реальной действительности, с которым норма связывает наступление правовых последствий. Основание ответственности - достаточный повод для возложения на лицо дополнительных обременений. Первое понятие описывает элемент механизма, второе - его результат. В. Б. Исаков в главе о юридических фактах прямо указывает, что большинство отношений возникает не из единичного факта, а из фактического состава, то есть системы обстоятельств, каждое из которых само по себе последствий не порождает [7, с. 455–476].

Применительно к ответственности этот тезис приобретает конкретное содержание. Правонарушение, взятое изолированно, создаёт лишь материальную предпосылку. Ни один субъект не претерпевает лишения в силу самого факта совершения деяния: между деянием и лишениями всегда стоит акт компетентного органа. Н. А. Плахтий,

анализируя соотношение юридического факта и случая, приходит к сходному выводу - правовой инструмент запускает динамику отношения лишь тогда, когда обстоятельство реально наступило и признано нормой в качестве основания [6]. Признание нормой и признание правоприменителем - две разные операции, и смешение их порождает известную путаницу в вопросе о моменте возникновения ответственности.

Предлагаемая модель различает три уровня фактического основания. Нормативно-фактическая предпосылка - действующая норма, устанавливающая запрет и санкцию, а также правосубъектность лица (возраст, вменяемость, специальный статус). Материальный факт - само правонарушение как совокупность признаков состава. Процессуальный факт - вступивший в законную силу правоприменительный акт, персонализирующий обязанность претерпеть лишения. Первый уровень образует условие, второй - повод, третий - момент возникновения.

Такое разграничение не является чисто умозрительным. Оно объясняет, почему законодатель связывает целый ряд последствий именно с третьим уровнем. Судимость возникает не с момента совершения преступления, а со дня вступления приговора в законную силу; админи-

стративное наказание считается исполненным по истечении года со дня окончания исполнения постановления; срок давности привлечения к ответственности прекращает течь в момент вынесения решения, а не в момент выявления деяния. Все три конструкции немыслимы при одноуровневом понимании основания.

Возражение против такой позиции известно: если ответственность возникает только с актом правоприменения, то оправдание невиновного оказывается не восстановлением справедливости, а простым отказом от возложения ответственности. Возражение снимается указанием на разную природу уровней. Материальный факт создаёт правовое состояние подозреваемого или обвиняемого, порождающее собственный набор прав и обязанностей; охранительное же отношение ответственности в узком смысле возникает позднее. Оправдательный приговор прекращает первое состояние и не допускает возникновения второго.

2. Правообразующие факты и статистика их реализации

Обратимся к данным. Динамика правообразующих фактов за пятилетний период выглядит однонаправленной, но неравномерной по составляющим.

Таблица 1. Динамика фактических оснований уголовной ответственности в 2020–2024 гг. Составлено по: [11; 12]

Показатель (число лиц)	2020 г.	2023 г.	2024 г.	2024 к 2020, %
Судебные акты по существу обвинения, вступившие в силу	721,5 тыс.	697,4 тыс.	640,8 тыс.	– 11,2
Обвинительные приговоры, вступившие в силу	531,0 тыс.	555,7 тыс.	512,8 тыс.	– 3,4
Прекращение по нереабилитирующим основаниям	180,8 тыс.	132,2 тыс.	118,8 тыс.	– 34,3
Оправдание и прекращение по реабилитирующим основаниям	2,6 тыс.	1,7 тыс.	1,6 тыс.	– 37,6
Удельный вес осуждённых, %	73,6	79,7	80,0	+6,4 п.п.

Первое наблюдение касается расхождения темпов. Общее число лиц, прошедших через судебную оценку по существу обвинения, снизилось за пять лет на 11,2 %, тогда как число обвинительных приговоров - всего на 3,4 % [11]. Сокращение произошло преимущественно за счёт нереабилитирующих прекращений, потерявших треть объёма. Удельный вес осуждённых вырос с 73,6 до 80,0 %. Это означает, что фильтрация фактических оснований сместилась: суды всё реже пресекают развитие охранительного отношения и всё чаще

доводят его до стадии возложения наказания.

Второе наблюдение связано с оправданием. Число оправданных и лиц, дела которых прекращены по реабилитирующим основаниям, сократилось на 37,6 % - с 2,6 тыс. до 1,6 тыс., при этом их удельный вес снизился незначительно, с 0,4 до 0,3 % [11]. Показатель ниже статистической погрешности любого социального измерения. Отсюда вытекает практический вывод: в российской модели уголовного процесса материальный факт правонарушения, будучи однажды зафиксирован

органом расследования и принят судом к рассмотрению по существу, почти всегда трансформируется в правообразующий факт ответственности. Процессуальный уровень выполняет функцию не столько проверки, сколько удостоверения - за исключением сегмента дел частного обвинения, где картина принципиально иная.

Именно этот сегмент даёт контрольную точку. У мировых судей в 2024 г. оправдано 0,6 тыс. лиц, из которых более 0,4 тыс., или 79,1 % от общего числа оправданных, приходится на дела частного обвинения, принятые к производству по заявлениям граждан [11]. Там, где обвинение не поддержано государственным аппаратом, вероятность непризнания материального факта правообразующим возрастает на порядок. Данное наблюдение подтверждает тезис о конституирующей, а не удостоверяющей роли процессуального акта: содержание акта зависит не только от деяния, но и от процессуальной конфигурации, в которой деяние оценивается.

Отдельного комментария заслуживает возрастная и социальная структура правообразующих фактов. В 2024 г. 57,6 % осуждённых (295,5 тыс. лиц) составили трудоспособные лица без определённых занятий, тогда как в 2020 г. эта доля достигала 65,1 % [11]. Доля лиц, занимавшихся предпринимательской деятельностью, выросла с 1,5 % в 2020 г. до 2,3 % в 2024 г., а абсолютное число таких осуждённых увеличилось с 8,2 тыс. до 12,0 тыс., то есть на 45,8 % [11]. Число осуждённых за преступления в сфере компьютерной информации (ст. 272–274.1 УК РФ) выросло со 137 лиц в 2020 г. до 380 лиц в 2024 г., в 2,8 раза [11]. Последняя цифра корреспондирует наблюдениям авторов монографии под редакцией Т. В. Летута о формировании нового класса фактов, возникающих в цифровой среде [8]. Правда, абсолютные величины пока не позволяют говорить о качественном сдвиге: 380 лиц - это 0,1 % общей структуры судимости.

3. Правоизменяющие факты: механизм корректировки объёма ответственности

Правоизменяющие факты в теории описываются скупо, а на практике встречаются постоянно. Их особенность в том, что они не создают и не прекращают охранительное отношение, но меняют его содержание - объём претерпеваемых лишений, вид наказания, порядок его отбывания.

Наиболее массовый правоизменяющий факт - рецидив. В 2024 г. 186,1 тыс. лиц (36,3 % осуждённых) имели на момент совершения преступления неснятую или непогашенную судимость; в 2020 г. таких лиц было 212,1 тыс. (39,9 %), в 2023 г. - 216,5 тыс. (39,0 %) [11]. Снижение абсолютного числа на 12,2 % за пять лет сопровождалось снижением доли на 3,6 процентных пункта. Предшествующая судимость - классический пример факта, который сам по себе не порождает нового охранительного отношения, но изменяет параметры возникающе-

го.

Второй по значимости правоизменяющий факт - состояние опьянения. Судами установлено, что в 2024 г. преступления в состоянии алкогольного опьянения совершили 111,9 тыс. лиц против 163,1 тыс. в 2020 г. и 132,3 тыс. в 2023 г., то есть снижение к базисному году составило 31,4 % [11]. Показатель по наркотическому и иному опьянению остаётся стабильным на уровне 0,7 % (3,5 тыс. лиц в 2020 г., 3,7 тыс. в 2024 г.). Различие в динамике двух рядов заслуживает внимания: алкогольный фактор в структуре судимости отстает почти на треть, наркотический удерживается неизменным.

Третья группа - процессуальные правоизменяющие факты, к которым относится согласие обвиняемого с предъявленным обвинением и досудебное соглашение о сотрудничестве. В районных судах в 2024 г. окончено 149,3 тыс. уголовных дел в особом порядке против 171,8 тыс. в 2023 г.; при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве рассмотрено 2,2 тыс. дел, осуждено 2,1 тыс. лиц [11]. Здесь юридический факт создаётся волеизъявлением самого субъекта ответственности - обстоятельство, плохо укладывающееся в традиционную схему, где воля правонарушителя учитывается лишь при установлении вины.

Четвёртая группа - факты, влекущие освобождение от наказания при сохранении осуждения. Доля таких лиц выросла с 1,2 % в 2020 г. (6,5 тыс. лиц) до 3,0 % в 2024 г. (15,4 тыс. лиц), то есть в 2,4 раза [11]. Среди несовершеннолетних показатель поднялся ещё заметнее: с 9,3 % (1,4 тыс. лиц) в 2020 г. до 16,5 % (2,0 тыс. лиц) в 2024 г. [11]. Освобождение от наказания - юридический факт, прекращающий обязанность претерпеть лишения, но не прекращающий состояние осуждённости. Одноуровневая доктринальная модель эту конструкцию описать не в состоянии; трёхуровневая объясняет её как прекращение отношения на третьем уровне при сохранении второго.

Изменения касаются и структуры назначаемых наказаний, что косвенно свидетельствует о смене подхода к оценке правоизменяющих обстоятельств. Число осуждённых к условному лишению свободы снизилось со 147,8 тыс. в 2020 г. до 112,2 тыс. в 2024 г. (- 24,1 %), тогда как штраф в качестве основного наказания назначен 78,9 тыс. лиц против 61,7 тыс. в 2020 г. (+27,8 %) [11]. К обязательным работам осуждено 64,7 тыс. лиц против 92,6 тыс. в 2020 г. (- 30,1 %). Замещение условного осуждения имущественной санкцией меняет саму природу претерпеваемого лишения - от ограничения свободы поведения к умалению имущественной сферы.

4. Правопрекращающие факты: количественный анализ

Насколько велика роль обстоятельств, обрывающих охранительное отношение? Ответ на этот вопрос даёт наиболее показательные результаты исследования.

Таблица 2. Структура правопрекращающих фактов в 2024 г. Доли рассчитаны от разных баз: строки 1, 4, 5 - от числа лиц по вступившим в силу судебным актам (640,8 тыс.); строка 2 - от числа лиц по окончанным делам у мировых судей; строка 3 - от числа лиц, дела которых прекращены мировыми судьями. Составлено по: [11]

Группа правопрекращающих фактов	2024 г., число лиц	Доля, %
Прекращение по нереабилитирующим основаниям (все суды)	118,8 тыс.	18,5
Прекращение мировыми судьями по иным основаниям	63,1 тыс.	40,2
в том числе примирение с потерпевшим	44,1 тыс.	70,0
Освобождение от наказания по приговору	15,4 тыс.	3,0
Оправдание и реабилитирующее прекращение	1,6 тыс.	0,3

У мировых судей соотношение между правообразующими и правопрекращающими фактами практически равновесно. Приговорами завершились 91,1 тыс. уголовных дел, или 55,1 % от числа окончанных производством, а с прекращением производства - 63,0 тыс. дел, или 38,1 % [11]. По числу лиц картина ещё выразительнее: осуждено 90,9 тыс. лиц, прекращено производство по иным основаниям в отношении 63,1 тыс. лиц, то есть 40,2 % от общего числа лиц по окончанным делам. Из них 44,1 тыс. лиц, или 70,0 %, приходится на примирение с потерпевшим [11].

Примирение - юридический факт особого рода. Это двусторонний волевой акт, участниками которого выступают лица, не обладающие властными полномочиями, но чьё соглашение влечёт прекращение публичного охранительного отношения. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 закрепляет условия применения соответствующих норм, включая порядок рассмотрения ходатайств о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа [19]. Практика показывает, что этот механизм у мировых судей стал основным способом завершения охранительного отношения без возложения наказания.

Судебный штраф образует ещё одну конструкцию, плохо совместимую с классической дихотомией. В районные суды в 2024 г. поступило 1,8 тыс. дел без обвинения, с ходатайствами о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, что составило 0,4 % структуры поступивших дел; в 2023 г. - 2,3 тыс. дел при той же доле [11]. Кроме того, менее 0,3 тыс. дел возвращено органам предварительного расследования с отказом в удовлетворении подобных ходатайств [11]. Судебный штраф прекращает уголовно-правовое отношение и одновременно порождает новое - обязанность уплатить денежную сумму под угрозой возобновления производства. Перед нами не прекращение, а трансформация охранительной

связи, для которой в существующей классификации нет отдельной рубрики.

Ещё одна группа правопрекращающих обстоятельств связана с событиями, не зависящими от воли участников. В апелляционной инстанции в 2024 г. обвинительные приговоры районных судов отменены в отношении 6,6 тыс. лиц, из них в отношении 236 лиц - в связи со смертью, примирением с потерпевшим либо деятельным раскаянием; авторы обзора прямо оговаривают, что такие отмены не влияют на оценку качества приговоров судов первой инстанции [11]. У мировых судей аналогичный показатель составил более 0,1 тыс. лиц, или 7,8 % от числа отменённых приговоров [11]. Статистическое ведомство, таким образом, само разграничивает юридические факты по критерию их отношения к правовой оценке деяния - разграничение, которое доктрина проводит недостаточно последовательно.

Приведённые данные позволяют сформулировать первый обобщающий результат. Если условно принять за 100 % совокупность лиц, прошедших через судебную оценку по существу обвинения в 2024 г. (640,8 тыс.), то на долю правообразующих фактов, доведённых до логического завершения, приходится 80,0 %, на долю правопрекращающих нереабилитирующих - 18,5 %, на долю реабилитирующих - 0,3 %. Оставшаяся часть распределяется между применением принудительных мер медицинского характера и иными исходами. Соотношение 4:1 между возникновением и прекращением охранительного отношения - устойчивая характеристика российской правоприменительной системы, сохранявшаяся, впрочем, не всегда: в 2020 г. оно составляло примерно 3:1 (73,6 % против 25,1 %) [11].

5. Проверка модели на отраслевом материале

Трёхуровневая модель фактического основания проверялась на четырёх видах ответственности. Результаты проверки сведены в таблицу 3.

Таблица 3. Трёхуровневая структура фактического основания по видам юридической ответственности (авторская разработка)

Вид ответственности	Нормативно-фактическая предпосылка	Материальный факт	Процессуальный факт
Уголовная	Норма Особенной части УК РФ; возраст и вменяемость	Преступление (состав)	Обвинительный приговор, вступивший в силу
Административная	Норма КоАП РФ; правосубъектность, специальный статус	Административное правонарушение	Постановление о назначении наказания
Налоговая	Норма НК РФ; статус налогоплательщика	Налоговое правонарушение	Решение налогового органа о привлечении
Дисциплинарная (судьи)	Закон о статусе судей; статус судьи	Дисциплинарный проступок	Решение квалификационной коллегии судей
Гражданско-правовая	Норма ГК РФ; наличие обязательства	Нарушение обязательства, причинение вреда	Судебное решение либо добровольное исполнение

Дисциплинарная ответственность судьи представляет наиболее чистый случай трёхуровневого состава. И. В. Глазунова и А. В. Никитина показывают, что досрочное прекращение полномочий судьи является мерой юридической ответственности, а его фактическое основание образуют дисциплинарный проступок и решение квалификационной коллегии судей [3, с. 126–135]. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 в подпункте 13 пункта 1 статьи 14 прямо связывает прекращение полномочий с совершением проступка, «за который решением квалификационной коллегии судей на судью наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи» [17]. Норма сконструирована так, что материальный факт без процессуального акта последствий не влечёт - законодатель фактически воспроизводит предлагаемую трёхуровневую схему. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.2016 № 13 дополняет её требованием учитывать характер проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форму вины, степень нарушения прав граждан и организаций, а также данные о личности судьи [20]. Перечисленные обстоятельства образуют факультативные элементы состава, влияющие на выбор взыскания. А. Г. Дроздов и В. И. Кайнов, проследившая эволюцию института с дореволюционного периода, показывают, что обособление дисциплинарного проступка судьи от иных нарушений служебной дисциплины произошло именно через усложнение процедуры его констатации [10].

Административная ответственность даёт материал для иного вывода. Институт малозначительности, на который обращает внимание М. Х. Мазукабзова, позволяет освободить лицо от ответственности при полном наличии состава

правонарушения [9, с. 402–404]. Малозначительность не входит в состав и не опровергает его; она представляет собой самостоятельный юридический факт оценочного характера, действующий на третьем уровне. Обзор судебной статистики выделяет административную ответственность юридических лиц и административное наказание в виде штрафа в отдельные разделы [11], однако агрегированный характер этих данных не позволил включить их в количественный анализ.

Спортивно-дисциплинарная практика, исследованная И. А. Васильевым, показывает пределы объективного вменения. Автор отмечает, что клубы отвечают за действия своих болельщиков независимо от наличия вины, и приходит к выводу о недопустимости чисто карательного эффекта санкции при отсутствии вины субъекта; необходим учёт превентивной и сдерживающей целей, без которых спортивная ответственность утрачивает признак определённости [4, с. 93–102]. Применительно к нашей модели это означает, что при устранении из состава субъективной стороны материальный факт вырождается в объективное условие, а вся конституирующая нагрузка переносится на процессуальный уровень. Такая конструкция функционирует, но перестаёт быть ответственностью в строгом смысле.

Налоговая сфера подтверждает необходимость первого уровня модели. В. М. Зарипов, рассматривая экономическое основание налога, доказывает, что за юридической конструкцией обязательного платежа стоит совокупность экономических предпосылок - добавленная стоимость, прибыль, чистый доход, природная рента [5, с. 54–63]. Аналогичным образом за составом налогового правонарушения стоит предпосылка в виде действительной налоговой обязанности: при

её отсутствию деяние не может рассматриваться как правонарушение, сколь бы формально ни нарушался порядок отчётности. Нормативно-фактическая предпосылка здесь имеет не только правовое, но и экономическое содержание.

Гражданско-правовая ответственность образует пограничный случай. Процессуальный уровень здесь факультативен: обязанность возместить убытки может исполняться добровольно, без судебного акта. Означает ли это опровержение модели? Скорее, уточнение: в частноправовой сфере функцию третьего уровня выполняет либо судебное решение, либо признание долга самим обязанным лицом. Общим остаётся требование персонификации обязанности - переход от абстрактной нормативной связи к конкретной, с определённым содержанием и определённым адресатом.

6. Сопоставление с позициями других авторов

Полученные результаты соотносятся с существующей литературой неоднозначно. С концепцией П. П. Серкова, рассматривающего правоотношение как непрерывно развивающееся явление [1], настоящее исследование совпадает в исходной посылке, но расходится в акцентах. Монография описывает механизм движения правоотношения преимущественно в философско-правовых категориях; Н. Н. Цуканов, оценивая эту работу, отметил её философско-правовую направленность и одновременно указал на перспективы дальнейшего научного и практического использования полученных выводов [2, с. 90–99]. Настоящая статья предлагает операционализировать этот механизм через измеримые показатели, что позволяет перевести дискуссию из плоскости концептуальных построений в плоскость проверяемых утверждений.

С позицией В. Б. Исакова о фактических составах [7, с. 455–476] предлагаемая модель совместима, но не тождественна ей. Классическая теория состава рассматривает все входящие в него элементы как однопорядковые, различающиеся лишь последовательностью накопления. Настоящее исследование настаивает на их качественной разнородности: нормативная предпосылка, материальный факт и процессуальный акт принадлежат разным слоям правовой реальности и выполняют несовпадающие функции. Накопление здесь не количественное, а качественное.

Расхождение с работой Н. А. Плахтия [6] касается роли случая. Автор рассматривает казус как явление, способное влиять на динамику правоотношений; в предлагаемой же модели случай действует исключительно на первом и втором уровнях, исключая либо материальный факт (при отсутствии вины), либо саму нормативную предпосылку (при отсутствии правосубъектности). На третьем уровне случайность невозможна: правоприменительный акт всегда является результатом волевого решения.

Отдельного обсуждения требует вопрос о по-

зитивной ответственности, разрабатываемый научной школой Тольяттинского государственного университета. Если признавать существование позитивной ответственности как обязанности соблюдать предписания, то её основанием оказывается сама норма, а не факт её нарушения. Предлагаемая модель этому не противоречит: первый уровень - нормативно-фактическая предпосылка - существует независимо от того, будет ли совершено правонарушение. Различие между позитивным и негативным аспектами в этой логике сводится к тому, реализуется ли механизм на одном уровне или проходит все три.

7. Альтернативные объяснения полученных данных

Наблюдаемый рост удельного веса осуждённых с 73,6 % в 2020 г. до 80,0 % в 2024 г. допускает по меньшей мере три интерпретации, и добросовестность исследования требует их перечисления.

Первое объяснение - качественное. Улучшилась работа органов предварительного расследования, в суд стало поступать меньше дел с недостаточной доказательственной базой, отсюда - сокращение прекращений. Косвенным подтверждением служит снижение числа дел, возвращённых прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ: 6,5 тыс. в 2024 г. против 7,1 тыс. в 2023 г. [11]. Однако доля возвращённых дел в общем массиве изменилась незначительно, что ослабляет данную версию.

Второе объяснение - структурное. Изменился состав поступающих дел: доля преступлений против собственности снизилась с 39,4 % в 2023 г. до 36,5 % в 2024 г., тогда как доля тяжких преступлений выросла с 21,8 % в 2020 г. до 26,8 % в 2024 г. [11]. По тяжким составам примирение и прекращение по нереабилитирующим основаниям применяются реже в силу прямых законодательных ограничений. Следовательно, сокращение прекращений может быть механическим следствием утяжеления структуры судимости, а не изменением правоприменительной политики.

Третье объяснение - процессуальное. Часть дел, ранее завершавшихся прекращением в суде, теперь прекращается на досудебной стадии либо вовсе не возбуждается. Проверить эту гипотезу по данным Судебного департамента невозможно: обзоры фиксируют только судебную стадию. Оценка потребовала бы привлечения показателей органов прокуратуры, которые за 12 месяцев 2024 г. зафиксировали 101,4 тыс. нарушений законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства против 81,7 тыс. в 2020 г. [13]. Рост на 24,1 % за пять лет свидетельствует скорее в пользу третьей версии, однако прямое сопоставление рядов методологически некорректно ввиду различия единиц учёта.

Автор склоняется ко второму объяснению как наиболее обеспеченному данными, но признаёт, что окончательный вывод требует отдельного ис-

следования с привлечением ведомственной статистики МВД России и Генеральной прокуратуры РФ. Для целей настоящей работы существенно иное: независимо от причин, соотношение правообразующих и правопрекращающих фактов в течение пяти лет изменилось на 6,4 процентных пункта, что подтверждает подвижность фактической основы ответственности и опровергает представление о ней как о неизменной величине.

8. Практическое значение результатов

Результаты исследования имеют выход в правотворческую и правоприменительную практику по трём направлениям.

Первое направление - юридическая техника. Разграничение трёх уровней фактического основания позволяет точнее конструировать нормы об освобождении от ответственности. Действующее законодательство смешивает обстоятельства, исключающие материальный факт (крайняя необходимость), с обстоятельствами, исключающими возможность вынесения правоприменительного акта (истечение сроков давности). Смешение порождает известные затруднения при решении вопроса о реабилитации: прекращение дела за истечением сроков давности формально не является реабилитирующим, хотя материальный факт при этом судом не устанавливался.

Второе направление - учёт и статистика. Существующие формы отчётности не позволяют выделить группу правоизменяющих фактов в чистом виде, поскольку смешивают обстоятельства, влияющие на квалификацию, и обстоятельства, влияющие на назначение наказания. Введение раздельного учёта дало бы материал для оценки эффективности институтов деятельного раскаяния и досудебного соглашения. Отмечу, что обзор за 2024 г. уже содержит зачатки такого подхода, отдельно выделяя лиц, в отношении которых приговоры отменены по обстоятельствам, не влияющим на оценку качества судебного акта [11].

Третье направление - квалификационная практика. При решении вопроса о дисциплинарной ответственности судьи модель позволяет разграничить обстоятельства, образующие проступок, и обстоятельства, влияющие на выбор взыскания, что прямо соответствует требованиям постановления Пленума Верховного Суда РФ № 13 [20] и позиции, изложенной И. В. Глазуновой и А. В. Никитиной [3, с. 126–135].

Заключение

Проведённый анализ доктринальных источников 2020–2025 гг. и судебной статистики за 2020, 2023 и 2024 гг. позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Фактическое основание правоотношения юридической ответственности имеет трёхуровневую структуру: нормативно-фактическая предпосылка, материальный факт правонарушения и процессуальный правоприменительный акт. Уровни качественно разнородны и выполняют несо-

впадающие функции - условия, повода и момента возникновения соответственно.

2. Процессуальный уровень выполняет конституирующую, а не удостоверяющую функцию. Подтверждением служит различие показателей оправдания в делах публичного и частного обвинения: при общем числе оправданных у мировых судей 0,6 тыс. лиц в 2024 г. на дела частного обвинения приходится 79,1 % оправдательных приговоров.

3. Соотношение правообразующих и правопрекращающих фактов за пятилетний период изменилось в пользу первых. Удельный вес осуждённых в общем числе лиц, по делам которых судебные акты вступили в законную силу, вырос с 73,6 % в 2020 г. до 80,0 % в 2024 г., тогда как доля прекращений по нереабилитирующим основаниям снизилась с 25,1 до 18,5 %.

4. Правопрекращающие факты сохраняют определяющее значение в сегменте мировой юстиции: производство по делам 63,1 тыс. лиц прекращено по нереабилитирующим основаниям, из них 44,1 тыс., или 70,0 %, - в связи с примирением с потерпевшим. Двусторонний волевой акт частных лиц выступает здесь основным способом прекращения публичного охранительного отношения.

5. Освобождение от наказания при сохранении осуждения (15,4 тыс. лиц, или 3,0 % в 2024 г. против 6,5 тыс., или 1,2 % в 2020 г.) и назначение судебного штрафа образуют конструкции, не описываемые дихотомией «возникновение - прекращение». Они представляют собой трансформацию охранительного отношения, требующую самостоятельной классификационной рубрики.

6. Нами выявлено, что модель работоспособна применительно к уголовной, административной, налоговой, дисциплинарной и - с оговоркой о факкультативности третьего уровня - гражданско-правовой ответственности. Наиболее чистое законодательное выражение трёхуровневая структура получила в подпункте 13 пункта 1 статьи 14 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», где материальный факт прямо поставлен в зависимость от решения квалификационной коллегии судей.

7. Проведённый анализ показал, что наблюдаемая динамика допускает несколько объяснений, из которых наиболее обеспечено данными структурное: доля тяжких преступлений в структуре судимости выросла с 21,8 % в 2020 г. до 26,8 % в 2024 г., что механически ограничивает применение институтов прекращения дела. Окончательная проверка требует привлечения ведомственной статистики досудебных стадий.

Практическое значение работы состоит в предложениях по разграничению обстоятельств, исключающих материальный факт, и обстоятельств, препятствующих вынесению правоприменительного акта, а также по введению раздельного статистического учёта правоизменяющих фактов.

Теоретическое значение заключается в переводе дискуссии об основаниях ответственности из плоскости концептуальных построений в плоскость проверяемых количественных утверждений.

Список литературы:

[1] Серков П. П. Правоотношение (теория и практика современного правового регулирования) : монография. - М. : Норма, 2023. - 1544 с.

[2] Цуканов Н. Н. Рецензия на монографию: Серков П. П. Правоотношение (теория и практика современного правового регулирования). М. : Норма, 2023. 1544 с. // Сибирское юридическое обозрение. - 2023. - Т. 20, № 1. - С. 90–99.

[3] Глазунова И. В., Никитина А. В. Досрочное прекращение полномочий судьи как мера юридической ответственности: проблемы правового регулирования и правоприменения // Правоприменение. - 2023. - Т. 7, № 4. - С. 126–135.

[4] Васильев И. А. Цели дисциплинарных санкций за поведение зрителей: спорная практика УЕФА // Правоприменение. - 2023. - Т. 7, № 1. - С. 93–102.

[5] Зарипов В. М. Экономическое основание налога: понятие и принцип // Правоприменение. - 2024. - Т. 8, № 1. - С. 54–63.

[6] Плахтий Н. А. Юридический факт и случай: соотносимость в правовых отношениях // Юридический вестник Самарского университета. - 2021. - Т. 7, № 3. URL: <https://journals.ssau.ru/jjsu/article/view/10046> (дата обращения: 24.08.2026).

[7] Исаков В. Б. Юридические факты // Теория государства и права : учебник для вузов. - 5-е изд., перераб. и доп. - М. : Юрайт, 2023. - Гл. 23. - С. 455–476.

[8] Юридическая ответственность и цифровизация: проблемы права и процесса : монография / Т. В. Летута, Т. В. Ефимцева, Е. В. Мищенко [и др.] ; под ред. Т. В. Летута ; Оренбургский государственный университет. - Оренбург : ОГУ, 2023. - 199 с.

[9] Мазукабзова М. Х. Правонарушение и юридическая ответственность // Молодой ученый. - 2024. - № 48 (547). - С. 402–404.

[10] Дроздов А. Г., Кайнов В. И. Дисциплинарная ответственность судей: история, теория, практика : монография. - М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. - 186 с.

[11] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году. - М. : Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, 2025. - 112 с.

[12] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 году. - М. : Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, 2024. - 116 с.

[13] Основные результаты прокурорской деятельности за 12 месяцев 2024 года : статистические данные Генеральной прокуратуры Рос-

сийской Федерации. - URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 24.08.2026).

[14] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

[15] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 1.

[16] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52 (ч. 1). - Ст. 4921.

[17] О статусе судей в Российской Федерации : Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. - 1992. - № 30. - Ст. 1792.

[18] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

[19] О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2013. - № 8.

[20] О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.2016 № 13 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2016. - № 6. - URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8485/> (дата обращения: 24.08.2026).

References:

[1] Serkov P. P. Legal Relation (Theory and Practice of Modern Legal Regulation): Monograph. - Moscow: Norma, 2023. - 1544 p.

[2] Tsukanov N. N. Review of the monograph: Serkov P. P. Legal Relation (Theory and Practice of Modern Legal Regulation). Moscow: Norma, 2023. 1544 p. // Siberian Law Review. - 2023. - Vol. 20, No. 1. - P. 90–99.

[3] Glazunova I. V., Nikitina A. V. Early termination of a judge's powers as a measure of legal liability: issues of legal regulation and law enforcement // Law Enforcement Review. - 2023. - Vol. 7, No. 4. - P. 126–135.

[4] Vasiliev I. A. Objectives of disciplinary sanctions for spectator behavior: controversial UEFA practice // Law Enforcement Review. - 2023. - Vol. 7, No. 1. - P. 93–102.

[5] Zaripov V. M. Economic basis of a tax: concept and principle // Law Enforcement Review. - 2024. - Vol. 8, No. 1. - P. 54–63.

[6] Plakhtiy N. A. Legal fact and chance event: correlation in legal relations // Legal Bulletin of Samara University. - 2021. - Vol. 7, No. 3. URL: <https://journals.ssau.ru/jjsu/article/view/10046> (accessed:

24.08.2026).

[7] Isakov V. B. Legal facts // Theory of State and Law: Textbook for Higher Education Institutions. - 5th ed., revised and supplemented. - Moscow : Yurayt, 2023. - Ch. 23. - P. 455–476.

[8] Legal Liability and Digitalization: Issues of Substantive and Procedural Law : monograph / T. V. Letuta, T. V. Efimtseva, E. V. Mishchenko [et al.] ; ed. by T. V. Letuta ; Orenburg State University. - Orenburg : OSU, 2023. - 199 p.

[9] Mazukabzova M. Kh. Legal Offense and Legal Liability // Molodoy Ucheny [Young Scientist]. - 2024. - No. 48 (547). - P. 402–404.

[10] Drozdov A. G., Kainov V. I. Disciplinary Liability of Judges: History, Theory, and Practice : monograph. - Moscow ; Berlin : Direct-Media, 2020. - 186 p.

[11] Overview of Judicial Statistics on the Activities of Federal Courts of General Jurisdiction and Justices of the Peace in 2024. - Moscow : Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, 2025. - 112 p.

[12] Overview of Judicial Statistics on the Activities of Federal Courts of General Jurisdiction and Justices of the Peace in 2023. - Moscow : Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, 2024. - 116 p.

[13] Key Results of Prosecutorial Activities for the 12 Months of 2024 : statistical data from the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. - URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (accessed: 24.08.2026). [14] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended in 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 25. - Art. 2954.

[15] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses No. 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended in 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 1 (Part 1). - Art. 1.

[16] Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended in 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2001. - No. 52 (Part I). - Art. 4921.

[17] On the Status of Judges in the Russian Federation: Law of the Russian Federation No. 3132-1 dated June 26, 1992 (as amended on July 10, 2023; with amendments dated November 27, 2023) // Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation. - 1992. - No. 30. - Art. 1792.

[18] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended in 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1994. - No. 32. - Art. 3301.

[19] On the Application by Courts of Legislation Governing the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 dated June 27, 2013 (as amended on November 29, 2016) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2013. - No. 8.

[20] On Judicial Practice Regarding the Application of Legislation Governing Issues of Disciplinary Liability of Judges: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 13 dated April 14, 2016 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2016. - No. 6. - URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8485/> (accessed: August 24, 2026).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.09.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-6724-2026-3-45-49

АВETИСЯН Борис Рафаелович,
Главный научный сотрудник
«Научно-исследовательский институт образования и науки»,
e-mail: Boris.Avetisyan@gmail.com

АВETИСЯН Карэн Рафаелович,
Старший преподаватель кафедры информационных технологий
и организации расследования киберпреступлений
«Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева»,
e-mail: Karen-Avetisyan-1989@bk.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБОРОТА «ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В работе исследуется система правового регулирования оборота цифровых объектов в Российской Федерации. Рассматриваются особенности правового статуса участников: обладателей цифровых объектов, операторов платформ, Отдельное внимание уделено механизмам идентификации и противодействия отмыванию доходов.

Ключевые слова: цифровая валюта, судебная система, идентификаторы, законодательство

AVETISYAN Boris Rafaelovich,
Chief Researcher at the
Research Institute of Education and Science

AVETISYAN Karen Rafaelovich,
Senior Lecturer, Department of Information Technology
and Cybercrime Investigation Moscow Academy of the
Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev

LEGAL FRAMEWORK FOR THE TURNOVER OF «DIGITAL OBJECTS» IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The paper examines the system of legal regulation of the circulation of digital objects in the Russian Federation. The features of the legal status of participants are considered: owners of digital objects, platform operators. Special attention is paid to the mechanisms for identifying and countering money laundering.

Key words: digital currency, judicial system, identifiers, legislation.

Цифровая валюта в этот ряд не входит: лица, обязанного перед каждым обладателем, у неё нет, а значит цифровая валюта – это не право, а иное имущество. Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил, что криптовалюта обладает имущественным содержанием и может быть объектом гражданских прав. Имуществом для целей уголовного и уголовно-процессуального закона её признал Федеральный закон от 20 февраля 2026 года № 38-ФЗ [1].

Таблица 1. Правовые основы оборота криптовалюты в России

Год	Акт	Что решено
2019, март	Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»	в Гражданский кодекс Российской Федерации введена статья 141.1 о цифровых правах

2020, июль	Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»	разграничены цифровые финансовые активы и цифровая валюта, запрещена оплата цифровой валютой в России
2024, март	Федеральный закон от 11 марта 2024 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»	цифровые финансовые активы допущены как встречное предоставление по внешнеторговым договорам
2024, август	Федеральные законы от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ, № 222-ФЗ и № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»	урегулирован майнинг, введены реестры, майнеры и организаторы пулов включены в контур противодействия отмыванию, разрешены расчёты цифровой валютой во внешней торговле в режиме эксперимента
2024, ноябрь	Федеральный закон от 29 ноября 2024 г. № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»	установлен порядок налогообложения майнинга и операций с цифровой валютой
2026, февраль	Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»	цифровая валюта признана имуществом для целей уголовного и уголовно-процессуального закона
2026, август	Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах»	введена отраслевая модель: допуск участников через реестры Банка России, его надзор, условия совершения сделок

В российском правовом поле понятия «цифровая валюта» и «цифровой рубль» строго разграничены и относятся к разным категориям. Под цифровой валютой законодательство понимает децентрализованную криптовалюту, которая признана имуществом, но не деньгами. В свою очередь, цифровой рубль классифицируется как разновидность официальных безналичных денежных средств. В силу принципиальных различий в правовом статусе и механизмах регулирования цифровой рубль не является криптовалютой.

Эмитента у цифровой валюты нет: монеты выпускает сама сеть по правилам протокола. А вот оператор у информационной системы быть может, и это уточнение существенно. Закон прямо выводит из-под признака обязанности оператора и узлы, отвечающие за соответствие записей правилам системы. Признаком служит не отсутствие оператора вообще, а отсутствие того, кто обязан

перед обладателем по самому активу.

В соответствии с пунктом 1 статьи 140 Гражданского кодекса Российской Федерации цифровой рубль является законным платёжным средством на территории Российской Федерации. Правовые основы его оборота заложены двумя федеральными законами от 24 июля 2023 года, вступившими в силу 1 августа того же года [2]. Платформу обеспечивает Банк России, он же оператор, и он же обязанное лицо: остаток на счёте цифрового рубля отражает размер его обязательств перед пользователем. Закон о Центральном банке прямо разводит ответственность государства и Банка России. И ещё одно, что путают чаще всего: цифровым правом цифровой рубль не является, цифровым финансовым активом тоже. В соответствии со статьёй 128 Кодекса цифровой рубль относится к безналичным денежным средствам.

Схема воспроизводит деление статьи 128 Гражданского кодекса: от общей категории к частной, на каждом слое - по одному основанию. Цифровой рубль находится внутри безналичных денежных средств, а не рядом с цифровыми правами. Бездокументарные ценные бумаги, названные статьёй 128 третьим видом имущественных прав, к предмету главы не относятся и опущены.

Рисунок 1. Цифровые объекты в Российском праве
в соответствии со статьей 128 Гражданского кодекса

На рисунке приведено место каждого цифрового объекта в общей структуре объектов гражданских прав, различия указаны в таблице 2.

Таблица 2. Цифровые объекты: чем они различаются

Признак	Цифровые права	Цифровой рубль	Цифровая валюта
Место в статье 128 Гражданского кодекса*	вид имущественных прав	разновидность безналичных денежных средств, то есть тоже имущественное право	поимённо не названа. Перечень статьи не исчерпывающий, и она охватывается категорией иного имущества
Норма, вводящая объект	статья 141.1 Гражданского кодекса	статья 128 Гражданского кодекса; правовые основы – два федеральных закона от 24.07.2023	пункт 1 части 1 статьи 2 Федерального закона от 04.08.2026 № 282-ФЗ; прежде – часть 3 статьи 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ
Есть ли лицо, обязанное перед обладателем	есть: лицо, выпустившее актив	есть: Банк России как оператор платформы	нет. Технический оператор и узлы системы допустимы: закон делает для них прямое изъятие
Кто ведёт учёт	оператор информационной системы либо инвестиционной платформы из реестра Банка России	платформа цифрового рубля; доступ к ней пользователь получает через банк-участник	записи ведёт сама сеть по правилам протокола

Какие виды закон различает	три: цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права и составные (таблица 2)	видов нет: это форма рубля наряду с наличной и безналичной	законодательной классификации нет. Практика различает расчётные, платформенные, стабильные монеты, анонимные и токены – о них сказано выше
Оплата товаров, работ и услуг в России	средством платежа не являются	разрешена: это форма рубля, а не иной актив	запрещена лицам, названным в части 5 статьи 14 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ
Кому направляют запрос по уголовному делу	оператору, включённому в реестр Банка России	Банку России и банку-участнику платформы; адресат зависит от предмета запроса	организациям из реестров Банка России; сведения берут также с изъятых устройств

* Статья 128 устанавливает и другие объекты гражданских прав; они приведены на схеме.

Таблица 3. Виды цифровых прав

Признак	Цифровые финансовые активы	Утилитарные цифровые права	Составные цифровые права
Норма	часть 2 статьи 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ	статья 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ	часть 6 статьи 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ
Что удостоверяет	денежные требования; возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам; права участия в капитале непубличного акционерного общества; право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг	право требовать передачи вещи; требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав их использования; требовать выполнения работ и (или) оказания услуг	одновременно цифровой финансовый актив и иное цифровое право
Как возникает	предусматривается решением о выпуске; выпуск, учёт и обращение возможны только через записи в информационной системе	первоначально возникает по договору, заключённому через инвестиционную платформу	выпускается в той же информационной системе, что и обычный цифровой финансовый актив
Кто ведёт учёт	оператор информационной системы из реестра Банка России	оператор инвестиционной платформы из реестра Банка России	тот же оператор информационной системы
Чем быть не может	ограничений по предмету закон не устанавливает	требованием имущества, права на которое либо сделки, с которым подлежат государственной регистрации или нотариальному удостоверению	ограничения обеих составляющих действуют вместе
Предел для физического лица без статуса квалифицированного инвестора	600 000 рублей в год, предел установлен Банком России	600 000 рублей в год по статье 6 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ, считая вложения на всех платформах вместе	пределы обеих составляющих действуют вместе
Самостоятельный ли это вид	да, назван законом	да, назван законом	нет: закон описывает их как соединение цифрового финансового актива с иным цифровым правом

Составные права часто относят к видам цифровых финансовых активов. Закон описывает их не как разновидность, а как соединение цифрового финансового актива с иным цифровым правом, и содержание такого права берётся от обеих его частей. Разграничение цифрового рубля и цифровой валюты разобрано в литературе.

Оплата цифровой валютой внутри России запрещена, причём круг тех, кого запрет касается, задан по субъекту, а не по сделке [3]. Отдельно запрещено предлагать цифровую валюту неограниченному кругу лиц [4].

Правовая природа актива определяет и порядок работы с ним, там, где обязанное лицо есть, есть и организация, которой адресуют запрос, и она включена в реестр Банка России. У цифровой валюты такого лица нет, и сведения о её владельце устанавливаются через организации, обеспечивающие её обращение, либо через изъятые устройства. Соотношение цифрового и виртуального имущества в гражданско-правовой доктрине разработано отдельно.

Криптовалютный адрес и адрес-идентификатор. Понятие адреса-идентификатора введено в часть 3.6 статьи 1 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ Федеральным законом от 8 августа 2024 года № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Действующее определение дано в пункте 5 части 1 статьи 2 Федерального закона от 4 августа 2026 года № 282-ФЗ: адрес-идентификатор есть уникальная последовательность символов, предназначенная для учёта в информационной системе приходных и расходных операций с цифровыми валютами и цифровыми правами, а также в соответствии с пунктом 7 той же части определен ключ доступа к адресу-идентификатору как уникальной последовательности символов, однозначно связанной с адресом-идентификатором и предназначенной для получения доступа к нему и подтверждения внесения записей о распоряжении активами [5].

Порядок наложения ареста, изъятия и конфискации установлен уголовно-процессуальным законом [6]. 20 февраля 2026 года статья 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации была дополнена правилами наложения ареста на цифровую валюту, где речь идёт об изъятии носителя с ключами доступа и о переводе валюты на адрес-идентификатор, обеспечивающий её сохранность.

В процессуальных актах употребляется термин «адрес-идентификатор» как нормативный. Обозначения «криптовалютный адрес», «адрес кошелька», «кошелёк» встречаются в ответах криптобирж, в заключениях специалистов и в за-

рубежных документах, и при их использовании в протоколе даётся пояснение, что имеется в виду адрес-идентификатор.

Список литературы:

[1] О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ.

[2] О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ.

[3] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ.

[4] Часть 8 статьи 14 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ в редакции Федерального закона от 08.08.2024 № 221-ФЗ.

[5] О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ.

[6] Тисен О. Н. Арест, изъятие и конфискация криптовалюты: новые нормы УК и УПК и рекомендации практикам // Уголовный процесс. 2026. № 1 (253). С. 62-69.

References:

[1] On Amendments to Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 38-FZ of February 20, 2026.

[2] On Amendments to Articles 128 and 140 of Part One, Part Two, and Articles 1128 and 1174 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 339-FZ of July 24, 2023; On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 340-FZ of July 24, 2023.

[3] On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020.

[4] Part 8 of Article 14 of Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020, as amended by Federal Law No. 221-FZ of August 8, 2024.

[5] On Digital Currencies and Digital Rights: Federal Law No. 282-FZ of August 4, 2026.

[6] Tisen O. N. Seizure, Removal, and Confiscation of Cryptocurrency: New Provisions of the Criminal Code and Criminal Procedure Code and Recommendations for Practitioners // Criminal Procedure. 2026. No. 1 (253). Pp. 62-69.

ВАЛИЕВА Кристина Вячеславовна,
магистрант, Новосибирский юридический институт (филиал)
Томского государственного университета, Новосибирск, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ В КОНКУРСНУЮ МАССУ ОТДЕЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Аннотация. Работа посвящена проблематике включения в конкурсную массу отдельных видов объектов. Одна группа проблем связана с особой правовой природой объектов, с тем, что они появились в правовой системе недавно в связи с цифровизацией. Это, прежде всего, цифровые финансовые активы и цифровая валюта, в частности, криптовалюта. Автор делает вывод о пробелах в законодательстве в части регулирования порядка выявления среди имущества должника таких активов, их оценки, реализации на торгах. Другая группа проблем формирования конкурсной массы связана с изначальной спецификой ряда объектов, неопределенностью их правового режима. Это касается, в частности, объектов интеллектуальной собственности. Предлагается устранить правовые пробелы, разработав недостающие нормы права. В рамках вопроса о включении в состав конкурсной массы заложенного имущества уделено внимание проблематике режима имущества, являющегося обеспечением по договорам об открытии возобновляемой кредитной линии. Предложены варианты решения спорных вопросов.

Ключевые слова: конкурсная масса; состав конкурсной массы; банкротство; криптовалюта; цифровая валюта; интеллектуальная собственность; заложенное имущество.

VALIEVA Kristina Vyacheslavovna,
master's student, Novosibirsk Law Institute (branch)
of Tomsk State University, Novosibirsk, Russia

PROBLEMS OF INCLUSION OF INDIVIDUAL CIVIL RIGHTS OBJECTS IN THE BANKRUPTCY ESTATE

Annotation. The paper is devoted to the problem of inclusion of certain types of objects in the bankruptcy estate. One group of problems is related to the special legal nature of these objects, with the fact that they appeared in the legal system recently in connection with digitalization. These include, first and foremost, digital financial assets and digital currency, particularly cryptocurrency. The author concludes that there are gaps in the legislation regarding the regulation of the procedure for identifying such assets among the debtor's property, their valuation, and sale at auction. Another group of problems in the formation of a bankruptcy estate is associated with the initial specificity of a number of objects and the uncertainty of their legal regime. This applies, in particular, to intellectual property objects. It is proposed to eliminate legal gaps by developing the missing legal norms. In the context of the issue of including pledged property in the bankruptcy estate, attention is paid to the issue of the regime of property that serves as security under agreements on opening a revolving credit line. Options for resolving these contentious have been proposed.

Key words: bankruptcy estate; composition of the bankruptcy estate; bankruptcy; cryptocurrency; digital currency; intellectual property; pledged property.

Вопросы включения в состав конкурсной массы (далее также – КМ) того или иного имущества являются важными для всего гражданского оборота. Актуальность возрастает в связи с цифровизацией и появлением новых объектов гражданских прав: цифровых финансовых активов и цифровой валюты, криптовалюты. В целом, такие объекты получили законодательное закрепление. Однако в рамках института несостоятельности (банкротства), сохраняются пробелы. Если среди имущества должника есть, допустим, криптоактивы, арбитражному управляющему необходимо их выявить и включить в конкурсную массу. Возникает вопрос о выявлении таких акти-

вов, определении их стоимости (оценки), порядке реализации на торгах. Соответствующие правовые нормы отсутствуют.

В статье также будут затронуты вопросы, связанные с включением в КМ объектов интеллектуальной собственности и заложенного имущества. Такие объекты хоть и появились достаточно давно, но их включение в конкурсную массу имеет сложности, обусловленные спецификой их правового режима.

Можно говорить о специальном режиме конкурсной массы как имущественного комплекса, так как в её состав включается различное имущество в широком смысле, то есть не только

вещи, но и имущественные права. «Однако даже в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) термин «имущество» подразумевает различный состав объектов гражданских прав, в то время как официальное его толкование в гражданском законодательстве отсутствует» [1, с. 104]. Все объекты из перечисленных в статье 128 ГК РФ, за исключением разве что нематериальных благ, могут включаться в состав КМ.

Наряду со стандартным имуществом (недвижимость, оборудование, автомобили и т.п.) в эпоху цифровизации в состав КМ подлежат включению и иные объекты. В.Ф. Попондопуло отмечает, что в орбиту имущественной базы для расчетов с кредиторами вовлекается всё более широкий спектр активов должника, которые ранее не рассматривались как потенциальные источники погашения долговых обязательств [2, с. 45]. Несомненно, такое положение вещей вызвано необходимостью, продиктованной эпохой цифровизации, развитием экономики.

Новеллой в российском законодательстве стало принятие федерального закона от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту – Закон о ЦФА). Определение цифровых финансовых активов (ЦФА) закреплено в ч. 2 ст. 1 названного Закона, это «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске ЦФА в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы» [3, ч. 2 ст. 1].

Остаётся много дискуссионных вопросов, связанных с правовой природой и оборотом ЦФА. Судя по тому, как сформирована статья 128 ГК РФ, законодатель относит ЦФА к иному имуществу. По своей природе ЦФА в определенной степени схожи с бездокументарными ценными бумагами. «В экспертном заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства указано, что существенным признаком отличия цифровых прав от бездокументарных ценных бумаг является отсутствие в информационной среде посредников (регистраторов, депозитариев). Действительно, транзакции с криптовалютой производятся без участия посредников, в них нет необходимости в виртуальном пространстве» [4, с. 41].

Определение цифровой валюты также даёт Закон о цифровых финансовых активах в ч. 3 ст. 1. Закон о банкротстве прямо не регулирует вопрос включения в состав конкурсной массы циф-

ровой валюты, ЦФА. В целом, конечно, названные объекты признаны объектами гражданских прав, хоть и оборот цифровой валюты в определенной степени ограничен на территории Российской Федерации, что закреплено в нормах статьи 14 Закона о ЦФА.

Сложность включения в состав КМ таких нетипичных новых объектов гражданских прав проявляется в следующем. Их особая правовая природа требует и отдельного законодательного регулирования, чего в настоящее время нет. Эту проблему выделяют Ю.А. Гартин и Н.В. Авдеев, отмечая, что ключевая проблема заключается в фундаментальной правовой неопределенности. Так, гражданское законодательство (ст. 128 ГК РФ) лишь в общем виде упоминает криптовалюту, относя ее к «иному имуществу» [5, с. 218].

В связи с тем, что криптовалюта и иные схожие объекты не имеют ни единого эмитента, ни централизованной системы учета (например, какого-либо реестра), ни персональной определенности владеющего субъекта, поиск и выявление таких объектов в целях включения в состав КМ должника затруднителен. Арбитражный управляющий может направить запросы самым популярным платформам онлайн-кошельков для поиска активов должника, однако это не даёт гарантии результата, так как не урегулировано законодательно. Действующий арбитражный управляющий Пугачева Т.М. в своей научной статье тоже выделяет такую проблему и называет способы, которые арбитражные управляющие используют на практике для выявления криптоактивов: «анализ банковских выписок на предмет транзакций с криптобиржами, проверку декларирования доходов в налоговых органах, направление запросов в криптовалютные биржи, а также привлечение специализированных организаций, осуществляющих поиск криптовалют» [6, с. 226].

Знаковым стало Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 №09АП-16416/2018 по делу №А40-124668/2017. Финансовый управляющий должника обратился в суд с ходатайством о разрешении разногласий, а именно с требованием включить содержимое криптокошелька, находящегося в сети Интернет по адресу www.blockchain.info, в конкурсную массу гражданина – должника Царькова И.И., и обязать Царькова И.И. предоставить финансовому управляющему доступ к криптокошельку (передать пароль). Суд первой инстанции (Арбитражный суд города Москвы) отказал финансовому управляющему в удовлетворении требований. Апелляционная инстанция отменила определение суда первой инстанции. Криптовалюта была включена в КМ [7].

В целом, судебная практика идёт сейчас по пути признания криптовалюты частью КМ должника, однако практические проблемы остаются. Так, помимо сложностей с поиском и выявлением криптовалюты, отсутствуют меры воздействия

на должника, отказывающегося передать финансовому управляющему ключ доступа к криптокошельку. Самостоятельно управляющий получить такой доступ не может, отсутствуют соответствующие механизмы. В результате криптовалюта может так и остаться за пределами КМ. Указанный правовой пробел отмечает Т.П. Шишмарева [4, с. 40-41]. В таких случаях налицо – недобросовестность должника. Если поведение гражданина в рамках дела о банкротстве было добросовестным, то при завершении процедуры реализации имущества гражданин освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, в том числе требований, не заявленных в процедурах банкротства. Есть определенные исключения – требования, от исполнения которых гражданин в любом случае не может быть освобожден (например, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью), но сейчас не об этом. П. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве закрепил, когда вообще не допускается освобождение гражданина от обязательств. Один из таких случаев – гражданин не предоставил необходимые сведения или предоставил заведомо недостоверные сведения финансовому управляющему или арбитражному суду, и это обстоятельство установлено соответствующим судебным актом, принятым при рассмотрении данного дела о банкротстве. Если гражданин скрывает свои криптоактивы, уклоняется от передачи доступа к криптокошельку финансовому управляющему, то это, конечно, можно расценить как недобросовестное поведение. Так, пароль от криптокошелька – очевидно необходимые сведения для включения криптовалюты должника в конкурсную массу и последующей реализации. Если будет принят судебный акт, которым будет установлен факт непредоставления необходимых сведений, то к гражданину не будут применены положения об освобождении от дальнейшего исполнения требований кредиторов, долги не будут списаны. Это, однако, очень общий механизм. Именно получить доступ к криптоактивам недобросовестного должника не представляется возможным, если сам должник не идет на встречу.

Как указывает Верховный Суд, «процедура банкротства не предназначена для недобросовестного ухода от ответственности по долгам и для незаконного прекращения обязательств перед кредиторами (пункт 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве). Законодательство о банкротстве позволяет освободиться от долгов только добросовестному гражданину-должнику, попавшему в затруднительное финансово-экономическое положение, открытому для сотрудничества с финансовым управляющим, судом и кредиторами и оказывавшему им активное содействие в проверке его имущественной состоятельности, определении состава его имущественной массы и соразмерном удовлетворении требований кредиторов» [8, п. 6].

Отдельно следует сказать об оценке криптовалюты. Курс криптовалюты постоянно колеблется, поэтому сложно определить её реальную стоимость, что справедливо отмечает Т.П. Шишмарева [4, с. 41-42]. На финансовом языке такая изменчивость обозначается термином волатильность. На данную проблему указывает и Т.М. Пугачева, отмечая, что «высокая волатильность криптовалютного рынка существенно затрудняет применение традиционных методов оценки имущества. Стоимость крипто-валюты может изменяться на десятки процентов в течение суток, что создает значительные риски как для кредиторов, так и для должника» [6, с. 226].

В настоящее время отсутствуют какие-либо нормы права, регулирующие вопросы оценки и определения стоимости криптовалюты.

Из данного правового пробела следует еще один аспект: в рамках процедур банкротства представляется сильно затруднительным реализовать на торгах криптовалюту должника. Кроме практической невозможности оценки, нет и подходящих электронных торговых площадок. В настоящее время у торговых площадок, занимающихся торгами в рамках банкротства, отсутствуют технические механизмы для продажи криптовалюты. Отдельные исследователи предлагают пути решения данной проблемы, указывая, к примеру, на необходимость создания специализированных площадок для реализации цифровых активов в процедурах банкротства либо интеграции существующих криптобирж в систему торгов по банкротству.

Как итог – на настоящем этапе цифровая валюта и ЦФА в определенной степени выпадают из правового поля, нет достаточных условий для выявления таких объектов, отсутствует возможность оценки и эффективной продажи таких объектов на привычных торгах, а также отсутствуют конкретные меры воздействия на недобросовестных должников, скрывающих свои активы.

Если затронуть вопрос включения объектов интеллектуальной собственности в КМ, то здесь необходимо иметь в виду, что интеллектуальная собственность – специфичный актив.

Отметим, что не всякий объект интеллектуальной собственности может быть включен в состав КМ должника, что объясняется по большей части нематериальным характером интеллектуальной собственности и неразрывной связью с личностью. Статья 1241 ГК РФ предусматривает основания перехода исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации к другим лицам без договора. Одно из таких оснований – это обращение взыскания на имущество правообладателя. В целом, эта правовая норма применима и к институту несостоятельности, когда правообладатель признан банкротом, так считает и Евстафьев И.Н. [9, с. 97].

В то же время в силу ст. 150 ГК РФ на некото-

рые результаты интеллектуальной деятельности (а вернее – права на них) не может быть обращено взыскание, они не могут быть включены в состав КМ и реализованы в ходе процедуры банкротства. Понятно, что, к примеру, произведение литературы само по себе, право авторства на него неотчуждаемо и непередаваемо, так как неразрывно связано с личностью автора. Но, кроме этого, в рамках процедур банкротства по общему правилу запрещен и переход исключительного права. Так, п. 1 ст. 1284 ГК РФ гласит, что «на принадлежащее автору исключительное право на произведение обращение взыскания не допускается, за исключением случая обращения взыскания по договору залога, который заключен автором и предметом которого является указанное в договоре и принадлежащее автору исключительное право на конкретное произведение» [10, п. 1 ст. 1284]. Аналогичные нормы, запрещающие обращение взыскания, содержатся в ГК в отношении принадлежащего исполнителю исключительного права на исполнение (п. 1 ст. 1319 ГК РФ) и на секретное изобретение (п. 6 ст. 1405 ГК РФ).

В отношении же отдельных результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации возможны переход права и включение их в состав КМ. В большей степени это относится к средствам индивидуализации. Так, в статье 110 Закона о банкротстве урегулирован порядок продажи предприятия должника. В силу пункта 3 статьи коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания должника, в отношении которого введена процедура банкротства, включаются в состав имущества (предприятия) должника при продаже.

Несмотря на принятие Федерального стандарта оценки «Оценка интеллектуальной собственности и нематериальных активов (ФСО XI)», утвержденного Приказом Минэкономразвития России от 30.11.2022 г. № 659, проблема оценки объектов интеллектуальной собственности остаётся достаточно существенной и до конца не решённой. А оценка, как известно, необходима для последующей продажи данных объектов и распределения вырученных средств между кредиторами.

Следует выделить также проблему, связанную с ноу-хау (секретами производства). При продаже таких объектов на торгах теряется сама идея их секретности, что недопустимо. А соответствующего правового регулирования ноу-хау в конкурсной массе законодательство о банкротстве не содержит. В отношении ноу-хау было бы логичным наличие в части 4 ГК РФ правовой нормы, аналогичной норме, запрещающей обращение взыскания на исключительное право на секретное изобретение.

Значительную специфику имеет включение заложенного имущества в состав конкурсной массы.

Оно включается в КМ, но занимает в ней особое место. Оно обособляется от иного имущества

и реализуется отдельно (абз. 2 п. 2 ст. 131, п. 7.1 ст. 16, абз. 6 п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве) [11].

Важно отметить, что требования залоговых кредиторов удовлетворяются в приоритетном порядке именно за счет стоимости предмета залога (ст. 138 Закона).

В контексте реализации залогового имущества возникает несколько вопросов. Так, распространенными являются ситуации, когда существует некое связанное между собой имущество, но одна часть является залоговым, а другая часть нет. К примеру, дом является предметом залога, а земельный участок, на котором расположен дом – нет. Можно ли в таком случае осуществлять продажу единым лотом? Ответ положительный, но с определенными оговорками. Абз. 3 п. 4 ст. 138 Закона о банкротстве закрепляет, что если реализация предмета залога осуществляется совместно с продажей иного имущества должника, то порядок и условия такой продажи не могут быть установлены без согласия конкурсного кредитора, требования которого обеспечены залогом реализуемого имущества.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в Определении от 20.11.2017 №305-ЭС16-10852(3) по делу № А41-21198/2015 подтвердила, что совместная реализация имущества должника, являющегося и не являющегося предметом залога, возможна, однако без получения письменного согласия залоговых кредиторов такая реализация недопустима. Также обязательным условием является выделение доли залогового кредитора в составе полученной выручки [12].

Как видим, между залоговыми и незалоговыми кредиторами может возникнуть определенный спор, однако Закон о банкротстве и судебная практика исходят из того, что реализация имущества единым лотом возможна. На наш взгляд, это объясняется общей целью использования имущества, реализуемого единым лотом, а также отвечает целям конкурсного производства. Такое объяснение усматривается и из судебных актов Верховного Суда.

Одной из общих проблем ипотечного обеспечения является отсутствие в ЕГРН сведений об объеме обязательства, обеспеченного залогом того или имущества. Лицо, приобретая заложенное имущество, полагается только на информацию, предоставленную залогодателем (продавцом имущества). При недостоверности такой информации взыскание убытков в случае банкротства продавца-залогодателя практически невозможно. В литературе справедливо указывается, что проблема ограниченности содержания ЕГРН должна быть решена на законодательном уровне [13].

Можно выделить определенную проблематику, связанную с взаимоотношениями с банками при обеспечении залогом обязательств по договорам об открытии возобновляемой кредитной

линии (договорам с лимитом задолженности). Кредитная линия предполагает предоставление займодавцем заёмщику денежных средств частями (траншами) в течение определённого периода.

Договор возобновляемой кредитной линии подразумевает, что для заёмщика установлен определённый предел долга, за который он не может выйти. При соблюдении лимита заёмщик вправе частями то погашать часть задолженности, то снова брать определённую сумму. При этом договорные отношения, по нашему мнению, не прекращаются. Поэтому такой договор и называют договором возобновляемой кредитной линии. Однако существуют различные мнения насчёт того, что происходит с правоотношениями, когда заёмщик полностью погашает задолженность, а затем снова принимает от займодавца определённую сумму. Эту проблему поднимает Т.А. Савельева [14]. Определённые авторы, например, Л.Г. Ефимова, считают, что, если заёмщик полностью погасил задолженность, то при новом получении транша обязательства прекращаются и возникают вновь [15, п. 10.7 гл. 10]. Мы рассматриваем правоотношения, вытекающие из договора кредитной линии, как основное обязательство. И обязательством, обеспечивающим это основное обязательство, вполне может быть залог. Если придерживаться мнения Л.Г. Ефимовой, то получается, что залог каждый раз прекращается и возникает вновь при выдаче нового транша, ведь согласно пп. 1 п. 1 ст. 352 ГК РФ залог прекращается с прекращением обеспеченного залогом обязательства. При банкротстве залогодателя это приобретает важное значение. В частности, возникает проблема, связанная с возможностью оспаривания сделок банкрота. Риск оспаривания увеличивается, так как он зависит, в том числе, от того, когда была совершена сделка.

Говоря о режиме залогового имущества, следует отметить вероятность недостоверности реестра кредиторов в делах о банкротстве залогодателей по «чужим долгам». В реестр включается сумма, соответствующая оценке предмета залога, хотя залоговый кредитор получит удовлетворение в другом размере, исходя из суммы от реализации предмета залога. При этом залоговый кредитор не пользуется правами обычного кредитора (участие в голосовании и т.п.) в том объеме, в котором его требования учтены как залоговые. Это создаёт определённые проблемы. В литературе предлагается использовать потенциал искусственного интеллекта и смарт-контрактов в кредитовании [16]. Представляется, что эти предложения были бы применимы и для целей включения в реестр требований залоговых кредиторов.

Выводы:

1. Неопределённость правового режима объектов, возникших в процессе цифровизации (цифровые финансовые активы, цифровая валюта), порождает практические проблемы в рамках института банкротства, а именно пробел отно-

сительно порядка выявления таких объектов у должника, их оценки (определение стоимости), порядка продажи. Требуется внесение изменений в Закон о банкротстве или принятие подзаконных правовых актов о механизме обеспечения доступа к криптокошельку.

2. Для решения проблемы, связанной с волатильностью (изменчивостью) криптовалюты, представляется целесообразным создание специализированных электронных торговых площадок для реализации цифровых активов.

3. Законом о банкротстве предусмотрен запрет продажи на торгах отдельных категорий объектов интеллектуальной собственности (исключительное право на произведение, исполнение, секретное изобретение), однако не разрешённым остается вопрос о реализации прав на ноу-хау (секрет производства) с учетом того, что секретность утратится в процессе торгов.

4. Несмотря на принятие Федерального стандарта «Оценка интеллектуальной собственности и нематериальных активов (ФСО XI)», утв. Приказом Минэкономразвития России от 30.11.2022 г. № 659, вопрос оценки интеллектуальной собственности не является до конца проработанным.

5. Анализ формирования конкурсной массы в части включения в нее заложенного имущества позволяет выделить проблемы, требующие решения:

- неопределённость судьбы залогового обременения имущества залогодателя при его банкротстве в рамках возобновляемой кредитной линии (в ситуации погашения кредита и возобновления кредитования) влияет на дату приоритета, сроки оспаривания и т.п.;

- для преодоления проблемы недостоверности реестра при залоге по «чужим долгам» предлагается использовать потенциал искусственного интеллекта и смарт-контрактов.

Список литературы:

- [1] Никонова М.Ю. Конкурсная масса должника: понятие, правовая природа и состав // Проблемы экономики и юридической практики. Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2016. — 3'2016. — С. 104-113.
- [2] Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование: научно-практическое пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2020. — 433 с.
- [3] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ: принят Гос. Думой 22 июля 2020 г. (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 16.07.2026).
- [4] Шишмарева Т.П. Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2020. — 7/2020. — С. 37-43.

[5] Гартин Ю.А., Авдеев Н.В. Правовой статус цифровых активов в процедуре несостоятельности (банкротства) // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 7. — С. 218-221.

[6] Пугачева Т.М. Криптовалюта в составе конкурсной массы при реализации процедуры банкротства физического лица. Продажа с торгов криптовалюты в рамках конкурсной процедуры // Юридическая наука. — 2026. — № 2 2026 [ЮН]. — С. 225-227.

[7] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 16.07.2026).

[8] О судебной практике разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2025 год: тематический обзор Верховного Суда РФ № 5/2026, утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 29 апреля 2026 г. № 7А/2026 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 16.07.2026).

[9] Евстафьев И.Н. Некоторые аспекты защиты интеллектуальной собственности при несостоятельности (банкротстве) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2024. — № 8 (август). — С. 96-101.

[10] Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4: федер. закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ: принят Гос. Думой 24 ноября 2006 г. (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп. вступ. в силу с 04.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 16.07.2026).

[11] О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ: принят Гос. Думой 27 сентября 2002 г. (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 16.07.2026).

[12] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.11.2017 №305-ЭС16-10852(3) по делу № А41-21198/2015. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 16.07.2026).

[13] Савельева Т.А. Некоторые аспекты залога вещей // Правовые проблемы укрепления Российской государственности: Сборник статей. — Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. — 2025. — С. 28-30.

[14] Савельева Т.А. Договор об открытии кредитной линии: возможные правовые модели, влияние квалификации на интересы заемщика и лиц, предоставивших обеспечение // Закон и власть. — 2025. — № 9. — С. 97-102.

[15] Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г., Ефимова Л.Г. Частное банковское право: учебник. — М.: Проспект, 2020. — 776 с.

[16] Савельева Т.А. Использование потенциала искусственного интеллекта и смарт-контрактов при ипотечном кредитовании // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 20 сентября 2024 года.

— Казань: Издательство «Познание», 2024. — С. 101-113.

References:

[1] Nikonova M.Yu. The debtor's bankruptcy estate: concept, legal nature, and composition // Problems of Economics and Legal Practice. Business in Law. Economic and Legal Journal. — 2016. — No. 3. — P. 104-113.

[2] Popondopulo V.F. Bankruptcy. Legal Regulation: A Scientific and Practical Guide. — 2nd ed., revised and supplemented. — Moscow: Prospekt, 2020. — 433 p.

[3] On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ dated July 31, 2020: adopted by the State Duma on July 22, 2020 (as amended on Dec. 15, 2025, and Jan. 20, 2026) // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: July 16, 2026).

[4] Shishmareva T.P. Cryptocurrency as part of the bankruptcy estate of an insolvent debtor // Bulletin of the O.E. Kutafin University. — 2020. — No. 7. — P. 37-43.

[5] Gartina Yu.A., Avdeev N.V. Legal status of digital assets in insolvency (bankruptcy) proceedings // Agrarian and Land Law. — 2025. — No. 7. — P. 218-221.

[6] Pugacheva T.M. Cryptocurrency as part of the bankruptcy estate during individual bankruptcy proceedings. Sale of cryptocurrency at auction within the framework of bankruptcy proceedings // Legal Science. — 2026. — No. 2 2026 [UN]. — P. 225-227.

[7] Resolution of the Ninth Commercial Court of Appeal dated May 15, 2018, No. 09AP-16416/2018 in Case No. A40-124668/2017. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (accessed: July 16, 2026).

[8] On Judicial Practice Regarding the Resolution of Insolvency (Bankruptcy) Disputes in 2025: Thematic Review by the Supreme Court of the Russian Federation No. 5/2026, approved by the Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 29, 2026, No. 7А/2026 // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: July 16, 2026).

[9] Evstafyev I.N. Certain Aspects of Intellectual Property Protection in Insolvency (Bankruptcy) // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. — 2024. — No. 8 (August). — P. 96-101.

[10] Civil Code of the Russian Federation, Part 4: Federal Law No. 230-FZ dated December 18, 2006; adopted by the State Duma on November 24, 2006 (as amended on July 23, 2025) (with amendments and additions entering into force on January 4, 2026) // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: July 16, 2026).

[11] On Insolvency (Bankruptcy): Federal... Law No. 127-FZ of October 26, 2002: adopted by the State Duma on September 27, 2002 (as amended on April 9, 2026) // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: July 16, 2026).

[12] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 20, 2017, No. 305-ES16-10852(3) in Case No. A41-21198/2015. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (accessed: July 16, 2026).

[13] Savelyeva T.A. Certain aspects of the pledge of chattels // Legal Problems of Strengthening Russian Statehood: Collection of Articles. — Tomsk: National Research Tomsk State University. — 2025. — P. 28–30.

[14] Savelyeva T.A. Credit line agreement: possible legal models, impact of legal characterization on the

interests of the borrower and the providers of security // Law and Power. — 2025. — No. 9. — P. 97–102.

[15] Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G., Efimova L.G. Private Banking Law: Textbook. — Moscow: Prospekt, 2020. — 776 p.

[16] Savelyeva T.A. Utilizing the potential of artificial intelligence and smart contracts in mortgage lending // Digital Technologies and Law: Collection of Scientific Papers of the 3rd International Scientific and Practical Conference. In 6 volumes, Kazan, September 20, 2024. — Kazan: Poznanie Publishing House, 2024. — Pp. 101–113.

ГРАНЕВ Никита Дмитриевич,
Управляющий партнёр ЮК «Гранев и Партнеры»
Студент 2-го курса магистратуры, обучающегося по направлению
40.04.01 «Юриспруденция»,
e-mail: granev.nikita@gmail.com

ПРАВОВОЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ КОРПОРАЦИИ: ИМУЩЕСТВЕННЫЕ И НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье анализируется правовой статус участников корпоративных организаций через призму их имущественных и неимущественных прав и обязанностей. Рассматривается природа корпоративных правоотношений, соотношение организационно-управленческих и имущественных прав участников, а также основания и пределы их ответственности. Особое внимание уделено спорным вопросам применения такой меры, как исключение участника из общества, и отсутствию законодательной обязанности участия в общем собрании. Автор приходит к выводу о необходимости сохранения диспозитивного характера реализации корпоративных прав и предлагает пути устранения законодательных коллизий.

Ключевые слова: корпоративные права, участники корпорации, ответственность, исключение из общества, корпоративный договор, имущественные права, управленческие права, Гражданский кодекс РФ.

GRANEV Nikita Dmitrievich,
Managing Partner of the Law Firm "Granev and Partners"
2nd-year master's student in the field of study
40.04.01 "Jurisprudence"

LEGAL STATUS OF CORPORATION PARTICIPANTS: PROPERTY AND NON-PROPERTY ASPECTS OF LIABILITY

Annotation. In the article, the legal status of participants in corporate organizations is analyzed through the prism of their property and non-property rights and obligations. The nature of corporate legal relations, the ratio of organizational-management and property rights of participants, as well as the grounds and limits of their liability are considered. Special attention is paid to controversial issues of application of such a measure as exclusion of a participant from the company, and the absence of a statutory obligation to participate in a general meeting. The author comes to the conclusion of the need to preserve the discretionary character of realization of corporate rights and proposes ways to eliminate legislative collisions.

Key words: corporate rights, participants in the corporation, liability, exclusion from the company, corporate agreement, property rights, management rights, Civil Code of the Russian Federation.

Корпоративные права, неразрывно связанные с соответствующими обязанностями, образуют фундамент корпоративных правоотношений. Эти права, носящие субъективный характер, обладают особым правовым режимом, который принципиально отличается от вещных и обязательственных прав. Основанием возникновения корпоративных прав служат правоотношения участия, складывающиеся между корпорацией и её участником в момент приобретения последним доли или акции. Данные правоотношения, в свою очередь, порождают производные связи, обладающие чертами обязательственных.

Природа правоотношений участия предопределяет состав прав, входящих в них. Традиционно

выделяются имущественные права (право на получение прибыли, часть имущества при ликвидации) и неимущественные (организационно-управленческие) права, существующие в неразрывном комплексе. Ключевая особенность корпоративных прав заключается в том, что при отчуждении доли (акции) весь комплекс прав переходит к новому владельцу одновременно. Это отличает их от личных неимущественных прав, которые в силу своей неразрывной связи с личностью правообладателя неотчуждаемы [1, с. 56].

В доктрине ведется дискуссия о соотношении указанных элементов. Так, Д.В. Ломакин утверждает, что корпоративные отношения носят имущественный характер, а неимуществен-

ные права выполняют лишь вспомогательную функцию, обеспечивая реализацию имущественных интересов [2, с. 34]. В противовес этому И.С. Шиткина справедливо отмечает, что организационно-управленческие права не являются вторичными. Именно возможность влиять на управление определяет сущность корпорации и служит гарантией получения прибыли. Преимущество права участников представляют собой превентивный механизм защиты, наделяющий обладателей привилегиями, недоступными иным субъектам [3, с. 92].

Объем корпоративных прав варьируется в зависимости от организационно-правовой формы (ООО или АО) и типа общества (публичное или непубличное). В обществах с ограниченной ответственностью устав может предоставлять участникам дополнительные права, тогда как в акционерных обществах объем прав жестко привязан к категории акций. В большинстве случаев размер прав пропорционален доле в уставном капитале, однако закон допускает исключения. В непубличных обществах устав или корпоративный договор (при условии внесения сведений в ЕГРЮЛ) может устанавливать иной порядок. Возможность регулирования прав акционеров корпоративным договором появилась в России лишь с принятием Федерального закона № 99-ФЗ от 05.05.2014, до этого считалось, что права акционера определяются исключительно количеством акций.

Особый интерес представляет правовая природа права на обжалование решений органов управления, оспаривание сделок и предъявление косвенных исков. Часто эти правомочия причисляют к корпоративным правам на защиту. Однако, по мнению автора, они являются вторичными механизмами (способами защиты), обеспечивающими восстановление нарушенных корпоративных прав, но не тождественны самим правам на управление или получение дивидендов. Отдельные корпоративные права, например, право требовать выкупа доли, занимают промежуточное положение, не вписываясь в классическую классификацию.

Систематизация обязанностей участников была проведена в рамках реформы гражданского законодательства. Статья 65.2 ГК РФ закрепляет обязанности: участвовать в образовании имущества корпорации, не разглашать конфиденциальную информацию, участвовать в принятии решений (если это необходимо для деятельности корпорации), а также не совершать действия, направленные на причинение вреда или существенно затрудняющие деятельность корпорации [4].

Однако законодательная техника порождает неоднозначность. Так, исключение участника из общества (п. 1 ст. 67 ГК РФ) возможно, если его действия (бездействие) причинили существенный вред или иным образом затрудняют деятельность общества. Возникает вопрос: является ли для исключения обязательным наличие нарушения кон-

кретной обязанности, или достаточно только факта негативных последствий?

В доктрине высказываются разные точки зрения. Часть исследователей настаивает на необходимости совокупности двух элементов: нарушения обязанности и вредоносных последствий. По их мнению, причинение вреда без нарушения обязанностей должно влечь деликтную ответственность (возмещение убытков), а не исключение, и наоборот — нарушение без последствий не может служить основанием для столь суровой санкции. Вместе с тем, буквальное прочтение ст. 67 ГК РФ допускает исключение и при отсутствии формального нарушения, если действия участника привели к существенному затруднению деятельности ООО. Судебная практика, как правило, требует доказательств нарушения и причинно-следственной связи, но наличие пробела в законе сохраняет риски злоупотреблений.

Отдельной проблемой является вопрос об обязанности участия в общих собраниях. Традиционно считалось, что участник сам определяет степень реализации своих прав. Законодательство не содержит императивной нормы, обязывающей акционера или участника ООО лично присутствовать на собраниях. Попытки обосновать такую обязанность представляются несостоятельными.

Приобретая долю на возмездной основе, участник становится конечным бенефициаром, а общество создается для удовлетворения его интересов, а не наоборот. Введение обязанности участия в собраниях под угрозой санкций нивелировало бы добровольный характер реализации прав. Участник не является должностным лицом и не получает вознаграждение за управленческое участие. Поэтому законодательное закрепление обязанности посещать собрания, а тем более введение ответственности за ее неисполнение, является необоснованным.

Не менее важным является вопрос о пределах установления обязанностей корпоративным договором. Согласно п. 1 ст. 67.2 ГК РФ, корпоративный договор регулирует лишь порядок осуществления уже существующих прав и не может создавать новые права или обязанности, не предусмотренные законом или уставом. Участники могут договориться о порядке голосования, но не могут возложить друг на друга дополнительные обязательства, выходящие за рамки закона. Это положение направлено на защиту прав участников и предотвращение злоупотреблений со стороны мажоритариев.

Таким образом, правовой статус участников корпорации представляет собой сложный комплекс субъективных прав и обязанностей. Основной проблемой остается несовершенство законодательных формулировок, допускающих двойное толкование (в частности, оснований для исключения). Представляется необходимым уточнить редакцию ст. 67 ГК РФ, указав, что исключение

возможно только при доказанности совокупности противоправного поведения и существенных негативных последствий для деятельности общества. Также следует однозначно закрепить диспозитивный характер участия в управлении, отказавшись от идеи введения императивной обязанности посещения собраний. Гармонизация законодательства в данной сфере позволит обеспечить баланс интересов как самой корпорации, так и ее участников, что, безусловно, будет способствовать стабильности гражданского оборота.

Список литературы:

[1] Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. Е.А. Суханова. — М.: Статут, 2020. — С. 56.

[2] Ломакин, Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. — М.: Инфра-М, 2022. — С. 34.

[3] Шиткина, И.С. Корпоративное право. — М.: КНОРУС, 2021. — С. 92.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

References:

[1] Civil Law: Textbook: in 3 vols. Vol. 1 / ed. by E.A. Sukhanov. — Moscow: Statut, 2020. — P. 56.

[2] Lomakin, D.V. Corporate Legal Relations: General Theory and Practice of Application in Business Entities. — Moscow: Infra-M, 2022. — P. 34.

[3] Shitkina, I.S. Corporate Law. — Moscow: KNORUS, 2021. — P. 92.

[4] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on June 28, 2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.09.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-6724-2026-3-60-63

ГРИНЕВА Анна Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права,
Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

СОВРЕМЕННАЯ ДОКТРИНА РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается исследования в сфере родительских правоотношений, положенных в основу формирования современной теории. Автором показаны ключевые выводы российских ученых. Обосновывается, что современная теория родительских правоотношений в настоящее время не сформулирована, что дает основание для вывода о необходимости ее создания и разработки. Автор полагает, что развитие научно-технического прогресса стало серьезным вызовом для науки семейного права, главным образом, произошла значительная корректировка понятия «родительство», выступающего в качестве отправной точки для возникновения родительского правоотношения. Делаются выводы об отсутствии единства в суждениях и выводах отдельных авторов, единой сквозной линии, позволяющей представить полное представление о родительском правоотношении.

Ключевые слова: родительство, родительское правоотношение, семейное право, семейно-правовое регулирование, теория семейного права.

GRINEVA Anna Vladimirovna,
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russia

MODERN DOCTRINE OF PARENTAL LEGAL RELATIONSHIPS

Annotation. The article examines research in the field of parental legal relationships that has formed the basis for the development of modern theory. The author presents the key conclusions of Russian scholars. It is substantiated that the modern theory of parental legal relationships has not yet been formulated, which gives grounds for the conclusion that it is necessary to establish and develop it. The author believes that the advancement of scientific and technological progress has become a serious challenge for the science of family law, primarily resulting in a significant adjustment of the concept of «parenthood», which serves as the starting point for the emergence of parental legal relationships. Conclusions are drawn regarding the lack of unity in the judgments and conclusions of individual authors, as well as the absence of a coherent overarching framework that would provide a comprehensive understanding of parental legal relationships.

Key words: parenthood, parental legal relationship, family law, family law regulation, theory of family law.

Формирование теории родительского правоотношения имеет длительную историю. Однако существенного влияния на нее политико-технологическое развитие не оказывало. И только начиная с середины 60-х годов XX столетия вопросы, связанные с теорией родительства, родительского правоотношения, стали приобретать новые грани, не известные ранее. В частности, главным образом речь идет о развитии репродуктивных технологий, восстановлении значения традиционных семейных ценностей, постановка во главу угла прав и законных интересов ребенка. Обращение к трудам ученых, посвященных проблематике родительских правоотношений, позволяет выявить характерные направления развития современной доктрины родительских правоотношений.

Современная теория семейного права представлена многочисленными исследованиями, а для формирования теории родительских и смежных с ними правоотношений весьма значимы их результаты, прежде всего, с точки зрения установления пределов вмешательства органов публичной власти в дела семьи. Основоположителем разработки проблем, связанных с родительством и соответствующими отношениями, является О. Ю. Ильина. В ее фундаментальном труде о гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве [1] проецируется плоскость отношений по воспитанию детей, что дало основания впервые в науке семейного права предложить классификацию принципов осуществления родительских прав, являющуюся теоретической базой для разработки принципов воспитания ребенка

родителями и (или) иными лицами, которые имеют соответствующий статус.

Н. С. Шерстнева, разрабатывая систему принципов семейного права, весьма много внимания уделяла принципам правового регулирования отношений между родителями и детьми. Так, теория семейного права была пополнена сформулированным данным автором принципом обеспечения качества жизни детей [2], в том числе при воспитании ребенка в замещающей семье или в специальных организациях. А. М. Нечаева, имея опыт работы в органах опеки и попечительства, в своих научных трудах всегда акцентировала внимание на участии органов опеки и попечительства в разрешении споров, связанных с воспитанием детей [3; 4].

Ряд постулатов в сфере осуществления родителями права на воспитание детей предложен и обоснован В. Н. Лежениным, по мнению которого отечественное законодательство «построено только по типу абсолютности права родителей на воспитание, что не может способствовать правильной организации и осуществлению семейного воспитания» [5].

Вопросы применения Конвенции ООН о правах ребенка в последнее время приобретают особое звучание в контексте соотношения принципов, зафиксированных в Конвенции, и принципов, предусмотренных отечественным законодательством, прежде всего, в части обеспечения интересов ребенка.¹ Справедливым видится замечание ученых о явном несовпадении акцентов: с «наилучшего обеспечения интересов ребенка» на «обеспечение наилучших интересов ребенка» [7]. В ст. 1 СК РФ среди основных начал семейного законодательства есть указание на «обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних членов семьи», в ст. 65 СК РФ законодатель в качестве ориентира отмечает, что «обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей», в связи с чем ремарки представителей науки международного права вполне уместны и обоснованы.

Современная доктрина родительских правоотношений основывается в том числе и на судебной практике. В частности, именно Верховный Суд Российской Федерации ввел в оборот понятие «потенциальное родительство». В данной части наука семейного права обогатилась за счет вклада в ее развитие суждениями Ю. Ф. Беспалова, значительная часть научных трудов которого посвящена толкованию норм материального и процессуального права, подлежащих применению при разрешении семейно-правовых споров [8]. Аналогичные акценты сделаны в трудах П. Я. Якушева, что тоже представляет ценность для развития теории семейных правоотношений, поскольку пропагандируемые традиционные семейные цен-

ности при отсутствии научного обоснования могут стать своеобразным клише при разрешении споров, связанных с воспитанием ребенка, в контексте защиты прав и интересов как ребенка, так и лиц, претендующих на его воспитание [9].

Существенный вклад в развитие имеющихся научных воззрений об установлении правоотношения между родителями и детьми, а также осуществлении родительских прав и обязанностей внесла Н. Н. Тарусина, в трудах которой представлен комплексный взгляд на многие дискуссионные вопросы. В то же оригинальный подход данного автора позволяет акцентировать внимание на отдельных вопросах, не меняя концептуальное представление о родительском правоотношении в принципе [10; 11; 12].

Новый этап в развитии теории правоотношения между родителями и детьми представлен исследованиями Е. Г. Комиссаровой [13; 14]. Современная наука семейного права обогатилась системным научным описанием и объяснением понятия «происхождение ребенка», условий и правил «родительской идентификации». Суждения Е. Г. Комиссаровой послужили и стимулом для дальнейшей научной дискуссии в плоскости проблематики установления происхождения детей в контексте взаимосвязи соответствующих юридических фактов с возникновением непосредственно прав и обязанностей родителей.

Обращают на себя внимание и результаты исследования Е. А. Татаринцевой отдельных видов правоотношений по воспитанию ребенка [15; 16]. Примечательно, что в отличие от распространенного в теории семейного права подхода к возможной классификации правоотношений (статус лиц, воспитывающих ребенка; совместное или раздельное проживание родителей ребенка и др.), Е. А. Татаринцева формирует и развивает идею договора как основания возникновения исследуемого правоотношения. Кроме того, существенным вкладом в развитие науки семейного права стала предложенная данным автором концепция новых моделей правоотношений семейного воспитания, сформировавшаяся на соответствующем этапе развития нашего государства и общества и нашедшая отражение в решениях Европейского суда по правам человека. Оставив за пределами обсуждения вопросы политики, следует отметить негативные последствия распространения практики ЕСПЧ, что нашло отражение в попытках распространения и в нашем обществе моделей организации семейной жизни, явно несоответствующих традициям российского общества. Некоторые ученые прямо заявляли еще в 2017 г. об «антисемейной политике» Европейского суда по правам человека [17].

Обобщение опыта формирования семейного законодательства на территории постсоветского

¹ В научной литературе можно встретить парадоксальное мнение о необходимости денонсации Конвенции о правах ребенка ООН, ставшую, по мнению автора «оружием против нашего народа и государства» в связи с необходимостью введения в отношении детей «естественного воспитательного принуждения» в виде «безвредных телесных наказаний». [6]

пространства, предложенное А. Н. Левушкиным, позволило в том числе выявить и теоретически обосновать некоторые закономерности и тенденции в становлении институтов семейного права [18]. Исследования данного автора позволили очередной раз подтвердить неизбыточность принципов формирования родительского правоотношения, основанного на кровном происхождении ребенка от его родителей, как правило, являющихся супругами.

Определенным импульсом к развитию науки семейного права в целом стали уже неоднократно упоминаемые ранее изменения, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г. Согласимся с Т. Н. Михеевой в том, что конституционные новации дополнили и конкретизировали такие базовые ценности как защита семьи, материнства и детства. Позитивно и с большой надеждой, по мнению указанного автора, воспринимается посыл на создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними обязанностями обязанности заботиться о родителях (п. «ж.1» ч.1 ст.72 Конституции РФ), хотя «пока остается лишь предполагать, как и какими средствами заявленные условия будут реализовываться». Не менее обоснованными являются опасения Т. Н. Михеевой и в отношении используемой в конституционной норме оценочной категории «достойное воспитание детей в семье». В частности, какие критерии могут быть использованы при попытке отграничить достойное воспитание от недостойного, какие последствия «отклонений от достойного воспитания» могут быть определены законодателем, и не станут ли соответствующие предположения поводом для необоснованного отобрания ребенка у родителей? «Очевидно, – заявляет автор, расшифровка всех «вопросительных знаков» произойдет в отраслевом законодательстве» [19].

Вышеизложенное однозначно свидетельствует о том, что теория семейного права включает в себя в качестве самостоятельного направления теорию родительского правоотношения, представленную отдельными самостоятельными исследованиями, результаты которых, безусловно, обладают теоретической и практической значимостью, представляют интерес для ученых, законодателя и представителей сферы правоприменения. В то же время мы констатируем наличие разрозненности в суждениях и выводах отдельных авторов, отсутствие единой сквозной линии, позволяющей представить полное представление о родительском правоотношении.

Список литературы:

- [1] Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Издательский Дом «Городец», 2007. 192 с.
- [2] Шерстнева Н.С. Понятие, сущность и система принципов семейного права: Монография. М.: ЗАО Юстицинформ, 2006.
- [3] Нечаева А.М. Судебная защита прав ребенка. Учебно-практическое значение. М.: Издательство «Экзамен», 2003. 128 с.
- [4] Нечаева А.М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М.: Издательский дом «Граль», 2000. 239 с.
- [5] Леженин В.Н. Избранные труды. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. 165 с.
- [6] Токарчук Р. Е. Влияние преследования родителей и преподавателей за воспитательное принуждение детей на демографию, воспитание патриотизма, гражданственности и уважения к старшим // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. В. Врнадского. 2026. Т 12 (78). № 2. С. 997-609.
- [7] Кабанов В.Л. Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в международном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 4–5.
- [8] Комментарий к судебной практике по семейным спорам / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Издательство Юрайт, 2011. 298 с.; Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации: монография. М.: Проспект, 2015. 240 с.
- [9] Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография. М.: Проспект, 2024. 181 с.
- [10] Тарусина Н.Н. Семейное право: очерки из классики и модерна: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 616 с.
- [11] Тарусина Н.Н. Российский семейный закон: между конструктивностью и неопределенностью: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2012. 236 с.
- [12] Тарусина Н.Н. Ребенок в пространстве семейного права: монография. М.: Проспект, 2014. 144 с.
- [13] Комиссарова Е.Г. Родители и родительство по нормам российского семейного права (теоретико-правовое исследование): монография. М.: Проспект, 2024. 581 с.
- [14] Комиссарова Е.Г. Происхождение ребенка и порядок его установления по нормам семейного права: монография. М.: Статут, 2025. 242 с.
- [15] Татаринцева Е.А. Проблемы соотношения частных и публичных интересов в правоотношениях семейного воспитания: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. 2017.
- [16] Татаринцева Е.А. Юридические факты в правоотношениях по воспитанию ребенка в семье: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. 2017.
- [17] Защита традиционных ценностей и международное право: монография / под ред. Н.С. Семеновой, Е.В. Киселевой. М.: РУДН, 2017.
- [18] Левушкин А.Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства государств – участников СНГ: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014.
- [19] Михеева Т.Н. Ожидаемое и неожиданное:

о некоторых конституционных изменениях 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 10–14.

References:

- [1] Ilyina O.Yu. Issues of Interest in the Family Law of the Russian Federation. Moscow: Gorodets Publishing House, 2007. 192 p.
- [2] Sherstneva N.S. The Concept, Essence, and System of Family Law Principles: A Monograph. Moscow: Justitsinform CJSC, 2006.
- [3] Nechaeva A.M. Judicial Protection of Children's Rights: Educational and Practical Significance. Moscow: Ekzamen Publishing House, 2003. 128 p.
- [4] Nechaeva A.M. Russia and Its Children (The Child, the Law, the State). Moscow: Graal Publishing House, 2000. 239 p.
- [5] Lezhenin V.N. Selected Works. Voronezh: Voronezh State University, 2006. 165 p.
- [6] Tokarchuk R.E. The Impact of Prosecuting Parents and Teachers for Coercive Child-Rearing Practices on Demographics and the Fostering of Patriotism, Civic Consciousness, and Respect for Elders // Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. 2026. Vol. 12 (78). No. 2. P. 997–609.
- [7] Kabanov V.L. Implementation of the Principle of the Best Interests of the Child in International Law: Abstract of Doctoral Dissertation (Law). Moscow, 2019. P. 4–5.
- [8] Commentary on Judicial Practice Regarding Family Disputes / Ed. by Yu.F. Beshpalov. Moscow: Yurayt Publishing House, 2011. 298 p.; Beshpalov Yu.F. The Family-Law Status of the Child in the Russian Federation: A Monograph. Moscow: Prospekt, 2015. 240 p.
- [9] Yakushev P.A. Disputes Concerning Children: Traditional Values and Judicial Practice: A Monograph. Moscow: Prospekt, 2024. 181 p.
- [10] Tarusina N.N. Family Law: Essays on the Classical and the Modern: A Monograph. Yaroslavl: YarGU, 2009. 616 p.
- [11] Tarusina N.N. Russian Family Law: Between Constructiveness and Uncertainty: A Monograph. Yaroslavl: YarGU, 2012. 236 p.
- [12] Tarusina N.N. The Child in the Sphere of Family Law: A Monograph. Moscow: Prospekt, 2014. 144 p.
- [13] Komissarova E.G. Parents and Parenthood under Russian Family Law Norms (A Theoretical-Legal Study): A Monograph. Moscow: Prospekt, 2024. 581 p.
- [14] Komissarova E.G. Child Parentage and the Procedure for Its Establishment under Family Law Norms: A Monograph. Moscow: Statut, 2025. 242 p.
- [15] Tatarintseva E.A. Issues Regarding the Balance of Private and Public Interests in Family Upbringing Legal Relations: A Monograph. Moscow: UNITY-DANA: Zakon i pravo, 2017.
- [16] Tatarintseva E.A. Legal Facts in Legal Relations Concerning Child Upbringing within the Family: A Monograph. Moscow: UNITY-DANA: Zakon i pravo, 2017.
- [17] Protection of Traditional Values and International Law: A Monograph / Ed. by N.S. Semenova, E.V. Kiseleva. Moscow: RUDN, 2017.
- [18] Levushkin A.N. A Theoretical Model for Constructing the Family Legislation System of CIS Member States: A Monograph. Moscow: UNITY-DANA: Zakon i pravo, 2014.
- [19] Mikheeva T.N. The Expected and the Unexpected: On Certain Constitutional Amendments of 2020 // Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 2. P. 10–14.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.09.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-6724-2026-3-64-67

МОХОВ Артем Юрьевич,
старший преподаватель кафедры теории права
и государственно-правовых дисциплин
Волгоградского института управления-филиала РАНХиГС,
e-mail: aumohov@mail.ru

ТИТОВА Елена Андреевна,
студентка 4го курса бакалавриата юридического факультета
Волгоградского института управления-филиала РАНХиГС,
e-mail: elenat1tov4@yandex.ru

НОТАРИАЛЬНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ ДОГОВОРА ДАРЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА: НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье анализируются изменения правового регулирования договора дарения недвижимости в связи с введением обязательной нотариальной формы с 2025 года. Рассматриваются типичные схемы обхода закона с использованием дарения земельных участков: притворное дарение, обход преимущественного права покупки через микродолю, дробление участков, скрытое завещание и маскировка пожизненного содержания. Особое внимание уделено алгоритму нотариальной проверки законности сделки, включающему оценку дееспособности, выявление пороков воли, анализ юридической чистоты объекта, проверку согласия супруга, предупреждение легализации незаконных доходов. Обосновывается усиление контрольных функций нотариуса, а также предлагаются меры по снижению профессиональных рисков.

Ключевые слова: нотариальное удостоверение, договор дарения, земельный участок, обход закона, притворная сделка, порок воли, нотариальная проверка, ответственность нотариуса.

MOKHOV Artem Yuryevich,
Senior Lecturer, Department of Theory of Law and Public Law Disciplines
Volgograd Institute of Management, Branch of the RANEPA

TITOVA Elena Andreevna,
4th-year undergraduate student, Faculty of Law,
Volgograd Institute of Management, Branch of RANEPA

NOTARIZATION OF THE LAND DONATION AGREEMENT: NOVELTIES OF LEGAL REGULATION

Annotation. The article analyzes changes in the legal regulation of the real estate donation agreement following the introduction of mandatory notarization in 2025. It examines typical schemes of circumventing the law using land plot donations: sham donation, evasion of the preemptive right through a micro-share, parcel fragmentation, disguised will, and masking of lifelong maintenance. Special attention is paid to the algorithm of notarial verification of the transaction's legality, which includes assessment of legal capacity, identification of defects of will, analysis of the object's legal purity, verification of spousal consent, and anti-money laundering control. The transformation of the notary's is substantiated, and measures to reduce professional risks are proposed.

Key words: notarial certification, donation agreement, land plot, circumvention of law, sham transaction, defect of will, notarial verification, notary's liability.

С 13 января 2025 года вступил в силу Федеральный закон от 13.12.2024 № 459-ФЗ [7], который внёс кардинальные изменения в статью 574 Гражданского кодекса Российской Федерации [2]. Все договоры дарения недвижимого имущества, заключаемые между гражданами, отныне

подлежат обязательному нотариальному удостоверению. Принятие данной новеллы было мотивировано как необходимостью минимизации рисков мошеннических действий и защиты социально уязвимых категорий дарителей (пожилых людей, лиц с психическими расстройствами, введённых в

заблуждение относительно природы сделки), так и реакцией на многолетнюю практику злоупотреблений, когда дарение использовалось в качестве инструмента обхода императивных предписаний – от уклонения от налогов до сокрытия имущества от кредиторов и супругов. Ранее обязательная нотариальная форма охватывала лишь частные случаи, и, как отмечал С. Р. Фахрутдинов, «законодатель не требует обязательного нотариального удостоверения договора дарения недвижимого имущества, есть частные исключения, которые касаются отчуждения имущества несовершеннолетними, ограниченно дееспособными, дольщиками в праве общей собственности» [10, с. 445]; применительно к земельным участкам обязательному удостоверению подлежали также договоры ренты (ст. 584 ГК РФ) и некоторые сделки, предусмотренные Семейным кодексом РФ (например, алиментное соглашение) [3]. Как отмечается в науке, такой «правовой вакуум создавал почву для злоупотреблений, а уровень правовых гарантий при нотариальной форме был несопоставимо выше, чем при простой письменной» [9, с. 197].

С введением нового регулирования можно отметить, что нотариус окончательно превращается из формального регистратора в «превентивного судью», ответственного за фильтрацию незаконных сделок. Правовые последствия несоблюдения формы носят императивный характер: сделка ничтожна (п. 3 ст. 163, ст. 166–167 ГК РФ [1]) независимо от судебного признания, и даже государственная регистрация перехода права не исцеляет порок формы, что создаёт колоссальные риски для оборота. Как показал И. Н. Кашурин на примере земельных долей, которые длительное время регистрировались в простой письменной форме вопреки запрету, зарегистрированное право может опираться на ничтожную сделку [12, с. 103]. Всё это требует детального анализа типичных схем обхода закона при дарении земельных участков и выработки алгоритма нотариальной проверки их юридической чистоты.

Анализируя безвозмездный характер дарения, традиционно воспринимаемый как проявление щедрости и родственной привязанности [8, с. 250], можно утверждать, что он делает данную конструкцию привлекательным инструментом для обхода императивных предписаний закона. Систематизация наиболее распространённых схем представляется необходимой для выработки эффективного нотариального алгоритма проверки. Наиболее распространённой схемой является притворное дарение, прикрывающее возмездное отчуждение земельного участка. Целями использования данной конструкции мог являться и уход от налогообложения (освобождение от уплаты НДФЛ для дарителя-продавца), и сокрытие имущества от кредиторов или супруга, и обход правил о преимущественном праве покупки. Судебная практика изобилует примерами подобных споров: договор носит притворный характер, так

как фактически между сторонами был заключен договор купли-продажи, в другом же случае одна из сторон указывает, что «при заключении договора купли-продажи земельного участка и договора дарения были выплачены денежные средства».

Согласно пункту 2 статьи 170 ГК РФ, притворная сделка ничтожна, и к ней применяются правила о прикрываемой сделке. Для нотариуса «маркерами» такой схемы выступают: отсутствие родственных или иных близких отношений между дарителем и одаряемым, встречная передача денежных средств, выявляемая при беседе с участниками, дарение в пользу риелтора, юриста или иного профессионального участника рынка недвижимости, несоответствие уровня благосостояния одаряемого стоимости объекта, а также одновременное совершение нескольких сделок с одним объектом (предварительный договор купли-продажи и последующее дарение). Как справедливо отмечает М.И. Сулейманова, через установленный механизм периодически блокируются «попытки граждан прикрыть дарением куплю-продажу недвижимости» или «замаскировать формат мены под „перекрестное дарение“» [13, с. 127].

Другой распространённой схемой является обход преимущественного права покупки через «микродолю». Статья 250 ГК РФ предоставляет участникам общей долевой собственности преимущественное право покупки отчуждаемой доли, однако данная гарантия действует лишь при возмездном отчуждении – купле-продаже или мене, тогда как дарение, будучи безвозмездной сделкой, формально выведено из-под действия преимущественного права. А. И. Зырянов и В. В. Лукина прямо указывают, что «довольно часто практикуется дарение долей, поскольку такой сделкой можно обойти преимущественное право покупки сособственников, предусмотренное статьей 250 Гражданского кодекса Российской Федерации» [11, с. 69]. Указанная схема представляет собой следующее: собственник дарит постороннему лицу незначительную долю (1/100, 1/50) в праве на земельный участок, вводя его в состав сособственников, после чего продаёт оставшуюся часть этому же лицу, уже ставшему сособственником, не обременяя себя уведомлением иных совладельцев. Для нотариуса первоочередным является анализ добросовестности цели вхождения одаряемого в долю: если размер доли очевидно не предполагает реального участия в использовании земельного участка, а одаряемый не имеет к нему хозяйственного интереса, высока вероятность обходной схемы. Так же можно подчеркнуть отсутствие на законодательном уровне правовых механизмов, которые бы препятствовали недобросовестным участникам общей долевой собственности совершать дарение своей доли третьим лицам в обход положения ст. 250 ГК РФ, что возлагает на нотариуса дополнительную ответственность по выявлению и фильтрации подобных сделок.

Отдельного внимания заслуживает схема дробления земельных участков для обхода градостроительных и налоговых норм, проявляющаяся в двух основных разновидностях. Первая – обход минимальных размеров земельных участков: предельные размеры устанавливаются градостроительными регламентами (п. 1 ст. 11.9 ЗК РФ), и дарение участка площадью ниже минимально допустимой является ничтожной сделкой, что обязывает нотариуса проверять соответствие предмета договора правилам землепользования и застройки, действующим в соответствующем муниципальном образовании. Вторая – «веерное» дарение, предполагающее отчуждение крупного земельного массива по частям между взаимозависимыми лицами с целью сохранения фактического контроля над землёй без уплаты налогов, которые возникли бы при продаже единым объектом. Формально каждая сделка законна, однако их совокупность может свидетельствовать о направленности воли на достижение противоправной цели – уклонение от уплаты налогов, поэтому нотариусу также надлежит отслеживать систематичность и хронологическую взаимосвязь таких сделок.

Не менее изощрённой является дарение под условием, маскирующая скрытое завещание или пожизненное содержание. Статья 572 ГК РФ императивно устанавливает: договор, предусматривающий передачу дара одаряемому после смерти дарителя, ничтожен; наличие встречной передачи вещи или права либо встречного обязательства лишает договор качества дарения. Однако практика выработала механизмы обхода данного запрета. При скрытом завещании договор дарения заключается с одновременным заключением договора безвозмездного пользования земельным участком с дарителем на неопределённый срок: де-факто даритель сохраняет полный контроль над имуществом до своей смерти, а одаряемый приобретает право собственности, «чистое» от обременений с точки зрения ЕГРН, что может свидетельствовать о пороке воли и мнимости дарения. Маскировка пожизненного содержания используется для прикрытия отношений пожизненного содержания с иждивением, требующих нотариального удостоверения в силу ст. 584 ГК РФ: стороны устно договариваются о том, что одаряемый будет содержать дарителя, однако в тексте договора это условие не фиксируется. Нотариусу в таких случаях надлежит выяснять истинные мотивы сторон в ходе индивидуальной беседы с дарителем.

Переходя к алгоритму проверки нотариусом законности дарения, необходимо отметить, что нотариальное удостоверение сделки, согласно статье 163 ГК РФ, означает проверку её законности, в том числе наличия у каждой из сторон права на её совершение. А. И. Зырянов и В. В. Лукина отмечают, что нотариус, реализуя властные полномочия, «посредством совершения отнесенных к

его компетенции действий лишь содействует заинтересованным лицам в осуществлении их прав, не призывая под страхом принуждения к определенному поведению» [11, с. 67]. Вместе с тем, объём проверки императивно определён: стороны не могут влиять на него и не могут «воспрепятствовать нотариусу в проверке имеющих значение для обстоятельств дела фактов, не могут изъять из нотариального производства сомнительные с точки зрения нотариуса документы» [11, с. 67]. Первичным этапом нотариального производства выступает идентификация личности участников сделки на основании паспорта или иного документа, исключающего любые сомнения (ст. 42 Основ законодательства РФ о нотариате [5]), однако формальная проверка документов – лишь первый шаг. Комплексная оценка дееспособности и выявление порока воли – также важные и взаимосвязанные этапы нотариальной проверки. Оценка дееспособности предполагает наблюдение за поведением дарителя: адекватность реакций, понимание сути сделки, логичность изложения. При обоснованных сомнениях нотариус вправе запросить сведения в психоневрологическом диспансере и органах ЗАГС.

Завершающим элементом проверки выступает антиотмывочный контроль, поскольку нотариусы являются субъектами Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» [6]. Применительно к дарению земельных участков нотариус обязан идентифицировать участников сделки, оценить, не является ли сделка подозрительной с точки зрения легализации преступных доходов, и при наличии соответствующих оснований направить сообщение в Росфинмониторинг. Подозрительными маркерами выступают: несоответствие уровня доходов одаряемого кадастровой стоимости земельного участка, систематическое совершение гражданином безвозмездных сделок с дорогостоящей недвижимостью, участие в сделке лиц, включённых в перечень экстремистов и террористов.

Удостоверение сделки, содержащей пороки формы или содержания, влечёт для нотариуса серьёзные правовые риски, образующие многоуровневую систему ответственности. Исходя из этого, комплексному механизму проверки законности и обоснованности проверяемой сделки по дарению земельного участка, реальной направленности действий сторон на безвозмездную передачу конкретного объекта недвижимости (без «маскировки» иных сделок, других противоправных целей) следует уделять особое внимание.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

[3] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

[4] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

[5] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 // Российская газета. – 1993. – 13 марта.

[6] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33. – Ст. 3418.

[7] Федеральный закон от 13.12.2024 № 459-ФЗ «О внесении изменений в статью 574 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2024. – 16 декабря.

[8] Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2023. – Т. 1. Общая часть. – 640 с.

[9] Нотариальное право России: учебник / под ред. В. В. Яркова. – М.: Статут, 2022. – 576 с.

[10] Фахрутдинов С. Р. Отдельные проблемы договора дарения недвижимого имущества / С. Р. Фахрутдинов // Молодой учёный. 2023. – № 49 (496). – С. 445–447.

[11] Зырянов А. И., Лукина В. В. Нотариальная форма удостоверения сделок с земельными участками и вопросы ограничения совершения сделок по распоряжению совместной собственностью супругов / А. И. Зырянов, В. В. Лукина // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 4. – С. 67–72.

[12] Кашурин И. Н. Проблемы правового регулирования отчуждения долей в праве общей долевой собственности земельных участков / И. Н. Кашурин // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 5. – С. 102–106.

[13] Сулейманова М. И. Особенность нотариального удостоверения сделок договора дарения недвижимого имущества: проблема теории и практики // М. И. Сулейманова // Закон и право. – 2025. – № 7. – С. 124–128.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 // Collection of

Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) No. 14-FZ dated January 26, 1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.

[3] Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated December 29, 1995 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 1. – Art. 16.

[4] Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ dated October 25, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 44. – Art. 4147.

[5] Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries No. 4462-1 dated February 11, 1993 // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – March 13.

[6] Federal Law No. 115-FZ dated August 7, 2001 «On Countering the Legalization (Laundering) of Income Obtained by Criminal Means and the Financing of Terrorism» // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 33. – Art. 3418.

[7] Federal Law No. 459-FZ dated December 13, 2024 «On Amendments to Article 574 of the Civil Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. – 2024. – December 16.

[8] Civil Law: Textbook: in 4 vols. / Ed. Ed. by E. A. Sukhanov. – 3rd ed., revised and supplemented. – Moscow: Statut, 2023. – Vol. 1. General Part. – 640 p.

[9] Notarial Law of Russia: Textbook / Ed. by V. V. Yarkov. – Moscow: Statut, 2022. – 576 p.

[10] Fakhruddinov S. R. Specific Issues Regarding Real Estate Gift Contracts / S. R. Fakhruddinov // Molodoy Ucheny [Young Scientist]. – 2023. – No. 49 (496). – P. 445–447.

[11] Zyryanov A. I., Lukina V. V. Notarial Certification of Transactions Involving Land Plots and Issues Regarding Restrictions on Transactions Disposing of Spouses' Joint Property / A. I. Zyryanov, V. V. Lukina // Probely v Rossiyskom Zakonodatelstve [Gaps in Russian Legislation]. – 2014. – No. 4. – P. 67–72.

[12] Kashurin I. N. Issues of Legal Regulation Regarding the Alienation of Shares in the Right of Common Shared Ownership of Land Plots / I. N. Kashurin // Probely v Rossiyskom Zakonodatelstve [Gaps in Russian Legislation]. – 2018. – No. 5. – P. 102–106.

[13] Suleymanova M. I. Specifics of Notarial Certification of Real Estate Gift Contracts: Theoretical and Practical Issues / M. I. Suleymanova // Zakon i Pravo [Law and Right]. – 2025. – No. 7. – P. 124–128.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.09.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-6724-2026-3-68-72

АВETИСЯН Борис Рафаелович,

Главный научный сотрудник

«Научно-исследовательский институт образования и науки»,

e-mail: Boris.Avetisyan@gmail.com

АВETИСЯН Карэн Рафаелович,

Старший преподаватель кафедры информационных технологий

и организации расследования киберпреступлений

«Московская академия Следственного комитета

Российской Федерации имени А.Я. Сухарева»,

e-mail: Karen-Avetisyan-1989@bk.ru

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБОРОТА ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ ПРИ ТРАНСГРАНИЧНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Аннотация. В статье исследуется правовой режим оборота цифровой валюты при трансграничном взаимодействии с учётом российского и международного законодательства и практики. Особое внимание уделено экспериментальным правовым режимам, механизмам комплаенса и коллизиям норм разных юрисдикций, систематизированы ключевые идентификаторы и атрибуты криптовалютных операций.

Ключевые слова: криптовалюта, трансграничное взаимодействие, систематизация атрибутов.

AVETISYAN Boris Rafaelovich,

Chief Researcher at the

Research Institute of Education and Science

AVETISYAN Karen Rafaelovich,

Senior Lecturer, Department of Information Technology

and Cybercrime Investigation Moscow Academy of the Investigative Committee

of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev

LEGAL REGIME FOR THE CIRCULATION OF DIGITAL CURRENCY IN CROSS BORDER INTERACTION

Annotation. The article examines the legal regime governing the circulation of digital currency in cross border interactions, taking into account Russian and international legislation and practice. Special attention is paid to experimental legal regimes, compliance mechanisms, and conflicts between the norms of different jurisdictions; the key identifiers and attributes of cryptocurrency transactions are systematized.

Key words: cryptocurrency, cross border interaction, systematization of attributes.

Для внешнеторговых расчётов законодательством установлены два механизма расчетов. Первый – цифровые финансовые активы. Федеральный закон от 11 марта 2024 года № 45-ФЗ. Российские и иностранные цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права могут быть использованы по внешнеторговым договорам между резидентами и нерезидентами, и такие операции подлежат обязательному контролю [1].

Второй – цифровая валюта. Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 223-ФЗ наделил Банк России полномочием утверждать программы экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций на финансовом рынке [2]. Рамочные правила таких режимов установле-

ны Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ [3]. Смысл конструкции состоит в том, что для названных в программе субъектов на срок эксперимента изменяется действие общих норм. В этих границах криптовалюта используется во внешнеторговых расчётах, а Банк России определяет условия операций и вправе вводить ограничения по отдельным видам сделок.

Законность расчёта цифровой валютой определяется субъектным составом: участник, не включённый в программу экспериментального правового режима, действует вне разрешённого канала независимо от содержания договора. Поэтому проверка начинается с правового статуса резидента по данным Банка России.

Таблица 1. Что с цифровой валютой в России разрешено и что запрещено

Действие	Допустимо ли	Основание
Владеть цифровой валютой	да	запрета нет; актив отнесён к имуществу пунктом 1 части 1 статьи 2 Федерального закона № 282-ФЗ
Купить или продать за рубли через российского участника рынка	да, при соблюдении условий допуска	статьи 31 и 32 Федерального закона № 282-ФЗ
Заплатить цифровой валютой за товар, работу, услугу в России	нет, для лиц, названных в норме	часть 5 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ
Рассчитаться цифровой валютой с иностранным контрагентом	да	Федеральный закон № 223-ФЗ; часть 4 статьи 31 Федерального закона № 282-ФЗ
Рассчитаться цифровыми финансовыми активами по внешнеторговому договору	да, под обязательным контролем	Федеральный закон № 45-ФЗ
Добывать цифровую валюту юридическому лицу или предпринимателю	да, со дня включения в реестр	Федеральный закон № 221-ФЗ
Добывать цифровую валюту гражданину	да, в пределах 6000 киловатт-часов в месяц	постановление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2024 г. № 1469 «Об установлении лимита энергопотребления при осуществлении майнинга цифровой валюты... без включения в реестр...»
Рекламировать цифровую валюту	нет	пункты 13 и 14 статьи 7 Федерального закона «О рекламе» в редакции Федерального закона № 221-ФЗ
Предлагать цифровую валюту неограниченному кругу лиц	нет	часть 8 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ
Получить цифровую валюту в порядке наследования	да; зачисление на цифровой счёт – по основанию универсального правопреемства	часть 5 статьи 31 Федерального закона № 282-ФЗ

Владение и оборот не запрещены; запрещено платить цифровой валютой внутри государства. Прочее законодатель не запретил, а обусловил – реестром, тестированием, годовым пределом, надзором.

Имущественную природу выводили из статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации – открытый перечень объектов гражданских прав. Этим путём шли суды при банкротстве и при рассмотрении дел о легализации преступных доходов. На сегодняшний день статья 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации дополнена примечанием: цифровая валюта признаётся имуществом для целей этой статьи и других статей Кодекса. Соответствующие изменения внесены и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Закон действует с 3 марта 2026 года

[4]. В августе 2026 года тот же признак вошёл и в общее определение цифровой валюты в отраслевом законе [5].

Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах». Закон принят Государственной Думой 21 июля 2026 года, одобрен Советом Федерации 24 июля 2026 года и опубликован 4 августа 2026 года. Он содержит девять глав и пятьдесят шесть статей и охватывает майнинг, размещение цифровых прав, организацию обращения цифровых валют, их учёт, сделки с ними, требования к профессиональным участникам и надзорные полномочия Банка России.

Различие сроков имеет прямое прикладное значение, и по каждому эпизоду проверяют, действовала ли норма на тот день, когда совершена

операция.

В юрисдикции государственного регулятора формируется круг организаций, которые располагают сведениями о владельцах криптоактивов.

Приобретение цифровой валюты брокером по поручению резидента, не имеющего статуса квалифицированного инвестора, сопряжено с условиями:

- физическое лицо прошло тестирование в порядке статьи 32;
- резидент получил уведомление о повышенных рисках;
- годовая сумма приобретений не превышает предел, установленный Банком России;
- сам актив допущен к публичному обращению на организованных торгах.

Совет директоров Банка России вправе установить исключение на срок не более шести месяцев. Активы, в перечень не вошедшие, доступны только квалифицированным инвесторам, и публичным обращением такие торги не признаются (часть 15).

Отдельно стоит отметить, что в соответствии с частью 4 статьи 31 того же закона расчёты по внешнеторговым договорам выводятся из-под общих ограничений. В виду чего внешнеэкономический сценарий расчетов, функционирующий в режиме эксперимента, остается закреплённым в отраслевом законе.

Зачисление и вывод средств. Часть 5 статьи 31 Федерального закона № 282-ФЗ устанавливает закрытый перечень из четырнадцати оснований, по которым цифровая валюта может быть зачислена на цифровой счёт депонента-резидента. В их числе приобретение через брокера или организацию по обмену, универсальное правопреемство, раздел совместно нажитого имущества супругов, получение в результате майнинга, а также приобретение на основании вступившего в законную силу судебного акта или исполнительного документа (пункт 7).

Если поступление не подпадает ни под одно основание, цифровой депозитарий уведомляет депонента и переводит активы обратно на адрес-идентификатор отправителя либо не даёт согласия на операции, кроме возврата (части 6 и 7).

Перевод с адреса-идентификатора, администрируемого цифровым депозитарием, на адрес, не администрируемый ни одним депозитарием, допускается в ограниченном перечне случаев (часть 8). Для трёх из них – перевода физическому лицу, прошедшему тестирование, юридическому лицу, ознакомленному с уведомлением о рисках, и в иных случаях, установленных Банком России, – добавлено условие: принимающий адрес администрируется иностранной организацией, уполномоченной на это по своему личному закону (часть 9). Для внешнеторговых расчётов, лиц, организующих обращение, майнеров и возвратов такого условия нет. Нарушение влечёт обязанность вы-

купить актив за свой счёт и возместить убытки и расходы (часть 12).

Для расследования здесь появляется новый источник: поднадзорная организация фиксирует и отклонённое зачисление, и возврат, и хранит эти документы. Сам возврат уже говорит о том, что актив пришёл извне без основания, названного в законе.

Обязанности хранить и предоставлять сведения. Статьи 39 и 40 Федерального закона № 282-ФЗ возлагают на профессиональных участников обязанности хранить информацию о клиентах, сделках и операциях и предоставлять её уполномоченным органам. Сроки хранения, состав данных и порядок, в котором их истребуют, разобраны в параграфе 4: это уже порядок действий по конкретному делу.

Переходный период. В соответствии со статьей 55 рассматриваемого федерального закона определен сценарий регуляции:

- специальное регулирование, установленное программами экспериментальных правовых режимов, сохраняет действие до истечения предусмотренных в них сроков;
- субъекты таких режимов вправе до 1 сентября 2027 года подать документы для внесения сведений в реестры цифровых депозитариев и организаций по обмену цифровых валют;
- организации, включённые в реестр операторов информационных систем по Федеральному закону № 259-ФЗ, руководствуются прежним законом до приведения деятельности в соответствие с новыми требованиями, но не позднее 1 сентября 2028 года;
- до 1 сентября 2027 года не применяются ограничения зачисления, предусмотренные частями 5 и 7 статьи 31;
- до 30 июня 2027 года резиденты вправе систематически совершать сделки купли-продажи цифровых валют за свой счёт без включения в реестр;
- до 1 марта 2027 года операторы обмена цифровых финансовых активов действуют по Федеральному закону № 259-ФЗ;
- до 1 января 2029 года применяются послабления по бухгалтерскому учёту.

Отсюда вывод, значимый для квалификации. До истечения указанных сроков одинаковые по внешним признакам действия получают разную правовую оценку в зависимости от статуса субъекта и даты совершения. Применимую редакцию приходится устанавливать отдельно, уже при проверке сообщения о преступлении.

Налоги. Порядок налогообложения установлен [6]. Цифровая валюта и операции по её реализации не облагаются налогом на добавленную стоимость. Для граждан применяется налог на доходы физических лиц, для организаций – налог на прибыль. Валюта, полученная в результате майнинга, учитывается как доход в натуральной форме на дату получения права распоряжаться ею.

Расходы подтверждают банковскими выписками о списании средств и отчётами платформ и бирж, где зафиксирован курс на день сделки. Нет документов – нет вычета, и налог считают со всей выручки.

Специальные налоговые режимы к майнингу и к операциям с цифровой валютой не применяются.

Противодействие отмыванию доходов. [7; 8]. К организациям, осуществляющим операции с денежными средствами или иным имуществом, статья 5 этого закона относит операторов информационных систем, в которых выпускаются цифровые финансовые активы, и операторов обмена цифровых финансовых активов. Отсюда их обязанности: идентифицировать клиента, вести постоянный мониторинг операций, приостанавливать подозрительные операции и направлять сведения в Федеральную службу по финансовому мониторингу.

Оператора майнингowej инфраструктуры в этом перечне нет [9]. При наличии оснований полагать, что добытая цифровая валюта может пойти на легализацию преступных доходов либо на финансирование терроризма, они обязаны уведомить об этом уполномоченный орган. У оператора инфраструктуры обязанность своя – сообщать сведения о клиентах в налоговый орган по статье 86.5 Налогового кодекса Российской Федерации, о чём сказано выше. Организации, работающие по Федеральному закону от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ, включены в тот же контур. Круг поднадзорных субъектов расширился, и данные о клиентах и операциях накапливаются теперь у российских участников рынка. Адресат всех этих сведений – Федеральная служба по финансовому мониторингу. Служба создана как орган финансовой разведки, и по криптовалютным делам [10; 11].

Таким образом, российский режим оборота криптовалют:

- внутри страны платить цифровой валютой нельзя, и запрет адресован определённому кругу лиц, а не сделке как таковой;
- во внешней торговле расчёты допущены: цифровыми финансовыми активами – в общем порядке, цифровой валютой – через экспериментальные правовые режимы.

Список литературы:

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 11.03.2024 № 45-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс.

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 08.08.2024 № 223-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс.

[3] Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от

31.07.2020 № 258-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс.

[4] О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс.

[5] О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс.

[6] О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2024 № 418-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс.

[7] О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

[8] Тисен О.Н. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве // Судебная власть и уголовный процесс. 2013, №2, С. 91-95.

[9] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 08.08.2024 № 222-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

[10] Аветисян Б. Р., Аветисян К. Р. Взаимодействие органов власти при расследовании преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты // Образование и право. 2026. № 4. С. 670-675.

[11] Гончар В.В. Теоретические и правовые аспекты розыскной деятельности следователя. Инфра-М., 2017.

References:

[1] On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 45-FZ dated March 11, 2024. // ConsultantPlus Legal Reference System.

[2] On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 223-FZ dated August 8, 2024. // ConsultantPlus Legal Reference System.

[3] On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation: Federal Law No. 258-FZ dated July 31, 2020. // ConsultantPlus Legal Reference System.

[4] On Amendments to Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 38-FZ dated February 20, 2026. // ConsultantPlus Legal Reference System.

[5] On Digital Currencies and Digital Rights: Federal Law No. 282-FZ dated August 4, 2026. // ConsultantPlus Legal Reference System.

[6] On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 418-FZ dated November 29, 2024. //

ConsultantPlus Legal Reference System.

[7] On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds Obtained by Criminal Means and the Financing of Terrorism: Federal Law No. 115-FZ dated August 7, 2001 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 33 (Part I). Art. 3418.

[8] Tisen O.N. Subjects of a Pre-trial Cooperation Agreement // Judicial Power and Criminal Procedure. 2013, No. 2, pp. 91–95.

[9] On Amendments to Certain Legislative Acts

of the Russian Federation: Federal Law No. 222-FZ dated August 8, 2024 // ConsultantPlus Legal Reference System.

[10] Avetisyan B. R., Avetisyan K. R. Interaction between authorities during the investigation of crimes committed using cryptocurrency // Education and Law. 2026. No. 4. pp. 670–675.

[11] Gonchar V. V. Theoretical and legal aspects of the investigative officer's search activities. Infra-M, 2017.

КАПИТОНОВА Эльвира Вильусовна,
ведущий специалист прокуратуры Республики Татарстан,
ORCID ID 0009-0001-1501-8591,
e-mail: sadykova.elvira2013@mail.ru

ПРОКУРОРСКИЙ ЧЕК-ЛИСТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы систематизации прокурорской проверки материалов уголовных дел о взяточничестве. Автор обосновывает необходимость внедрения специализированных чек-листов как инструмента повышения эффективности надзорной деятельности. На основе анализа действующего законодательства и правоприменительной практики разработаны методические рекомендации по проведению проверки законности и обоснованности привлечения к уголовной ответственности по статьям 290, 291, 291.1, 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматривается зарубежный опыт применения аналогичных инструментов в Боснии и Герцеговине, Китае, Албании, Молдове и Республике Корея. Делается вывод об актуальности и практической значимости внедрения чек-листов в деятельность органов прокуратуры.

Ключевые слова: прокурорский чек-лист, взяточничество, уголовно-процессуальное доказывание, допустимость доказательств, прокурорский надзор, коррупционные преступления, методика проверки.

KAPITONOVA Elvira Vilusovna,
Senior Specialist at the Prosecutor's Office
of the Republic of Tatarstan

PROSECUTOR'S CHECKLIST AS A TOOL FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF PROOF IN CRIMINAL CASES OF BRIBERY

Annotation. The article is devoted to the problem of systematization of the prosecutor's verification of materials of criminal cases on bribery. The author substantiates the necessity of introducing specialized checklists as a tool for increasing the efficiency of supervisory activities. Based on the analysis of current legislation and law enforcement practice, methodological recommendations have been developed for conducting verification of the legality and validity of bringing to criminal responsibility under Articles 290, 291, 291.1, 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The foreign experience of using similar tools in Bosnia and Herzegovina, China, Albania, Moldova and the Republic of Korea is considered. The conclusion is made about the relevance and practical significance of introducing checklists into the activities of prosecutor's offices.

Key words: prosecutor's checklist, bribery, criminal procedure proof, admissibility of evidence, prosecutor's supervision, corruption crimes, verification methodology.

Введение

Взяточничество относится к числу наиболее сложных для доказывания категорий уголовных дел. Коррупционные деяния крайне трудно выявить и практически невозможно доказать и привлечь виновных к ответственности без применения системных методических подходов [1, с. 112]. Материальные доказательства часто либо отсутствуют, либо не отражают реальной картины происшедшего. Кроме того, коррупция чаще всего совершается без свидетелей, а если свидетели и имеются, то они, как правило, являются лицами, получившими выгоду, поэтому достоверность их показаний вызывает обоснованные сомнения [2, с. 45]. В этих условиях возрастает роль прокурорского надзора за процессуальной

деятельностью органов предварительного расследования. Согласно статье 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», предметом надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие [3]. Прокурорская проверка материалов уголовного дела о преступлении коррупционного характера включает две основные составляющие: во-первых, проверку законности производства предварительного

го следствия в целом, то есть соблюдения норм уголовно-процессуального закона; во-вторых, содержательную оценку полученных доказательств и принятых решений, включая правильность квалификации, полноту установления обстоятельств дела [4, с. 78]. При изучении материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, прокурор должен провести сравнительный анализ содержания обвинительного заключения с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, а также сопоставить эти документы с иными материалами уголовного дела [5, с. 234]. Кроме того, прокурор обязан проверить достоверность установления всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по статье 73 УПК РФ, оценить каждое доказательство в отдельности и всю их совокупность с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности [6, с. 45].

Цель настоящей статьи состоит в обосновании необходимости внедрения специализированных чек-листов как инструмента систематизации прокурорской проверки материалов уголовных дел о взяточничестве и разработке практических рекомендаций по их применению. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: проанализировать правовые основания для применения чек-листов в деятельности прокурора; разработать методические рекомендации по проведению проверки по каждому составу коррупционных преступлений; изучить зарубежный опыт применения аналогичных инструментов; обосновать актуальность внедрения чек-листов в практику органов прокуратуры.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания: диалектический, системно-структурный, логический. В работе использовались также частно-научные методы: формально-юридический (при анализе норм Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), сравнительно-правовой (при изучении зарубежного опыта), конкретно-социологический (при анализе правоприменительной практики), метод правового моделирования (при разработке чек-листов).

Результаты

Содержание чек-листа по статье 290 УК РФ (получение взятки)

Разработанный чек-лист по статье 290 УК РФ включает следующие блоки вопросов.

Первый блок посвящён проверке наличия оснований для применения статьи 290 УК РФ. Прокурору предлагается установить три обстоятельства. Во-первых, определён ли в материалах дела размер полученного должностным лицом вознаграждения. Во-вторых, превышает ли размер полученного вознаграждения десять тысяч рублей.

В-третьих, является ли получатель вознаграждения должностным лицом в соответствии с примечанием 1 к статье 285 УК РФ.

Второй блок содержит вопросы, направленные на проверку наличия документов, подтверждающих должностное положение лица. Прокурору предлагается проверить наличие приказа либо распоряжения о назначении лица на должность. Установлен ли точный объем служебных прав и обязанностей лица, привлекаемого к ответственности. Выполняет ли данное лицо организационно-распорядительные функции в отношении подчиненных ему сотрудников либо иных лиц. Выполняет ли данное лицо административно-хозяйственные функции по управлению имуществом и денежными средствами. Является ли данное лицо представителем власти, наделенным распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости. Занимает ли лицо государственную должность Российской Федерации или субъекта Российской Федерации для квалификации по части 3 статьи 290 УК РФ.

Третий блок посвящён проверке предмета взятки. Прокурор должен установить, что именно признано предметом взятки в материалах дела. Имеется ли документальное подтверждение стоимости предмета взятки. Зафиксированы ли в протоколах следственных действий индивидуальные признаки предмета взятки. Правильно ли исчислен размер взятки с учетом суммирования или разделения эпизодов. Установлен ли источник происхождения предмета взятки. Проведена ли денежная оценка оказанных услуг имущественного характера в случае их получения в качестве взятки.

Четвертый блок содержит вопросы по проверке объективной стороны преступления. Установлены ли точные дата и время получения взятки. Установлено ли точное место получения взятки. Установлен ли способ передачи взятки. За совершение каких именно действий должностного лица была получена взятка. Входили ли эти действия в служебные полномочия должностного лица. Являются ли действия, за которые получена взятка, незаконными. Имело ли место общее покровительство или попустительство по службе. Принял ли взяткополучатель хотя бы часть от общей суммы взятки для определения момента окончания преступления. Установлен ли общий размер полученной взятки.

Пятый блок содержит вопросы по проверке субъективной стороны. Имеются ли доказательства прямого умысла должностного лица на получение взятки. Осознавало ли должностное лицо, что получает именно незаконное вознаграждение. Имеются ли доказательства корыстного мотива. Действовало ли должностное лицо в интересах взяткодателя или представляемых им лиц. Имеются ли доказательства предварительной договоренности о совершении действий за вознаграждение.

Шестой блок направлен на проверку допустимости доказательств. Проведена ли проверка каждого доказательства на допустимость в соответствии со статьей 75 УПК РФ. Имеются ли в материалах дела доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ. Проверены ли результаты оперативно-розыскной деятельности на допустимость. Имеется ли судебное решение на проведение оперативно-розыскного мероприятия. Исключены ли признаки провокации взятки. Проверена ли цепочка хранения вещественных доказательств. Имеются ли хэш-суммы изъятых электронных носителей информации. Участвовал ли специалист в области информационных технологий при изъятии электронных носителей информации. Соблюдена ли процедура осмотра электронных носителей.

Седьмой блок содержит вопросы по проверке квалифицирующих признаков. Установлен ли значительный размер взятки, превышающий двадцать пять тысяч рублей. Установлен ли крупный размер взятки, превышающий сто пятьдесят тысяч рублей. Установлен ли особо крупный размер взятки, превышающий один миллион рублей. Имело ли место вымогательство взятки. Совершено ли получение взятки группой лиц по предварительному сговору. Совершено ли получение взятки организованной группой. Получена ли взятка за незаконные действия должностного лица [7; 8; 9].

Содержание чек-листа по статье 291 УК РФ (дача взятки)

Разработанный чек-лист по статье 291 УК РФ включает следующие блоки вопросов.

Первый блок посвящён проверке наличия оснований для применения статьи 291 УК РФ. Прокурору предлагается установить три обстоятельства. Установлен ли в материалах дела размер переданного взяткодателем вознаграждения. Превышает ли размер переданного вознаграждения десять тысяч рублей. Является ли получатель вознаграждения должностным лицом в соответствии с примечанием 1 к статье 285 УК РФ.

Второй блок содержит вопросы по проверке установления личности взяткодателя. Установлена ли личность взяткодателя. Имеются ли в деле документы, подтверждающие достижение взяткодателем возраста уголовной ответственности. Имеются ли доказательства того, что взяткодатель осознавал, что передает вознаграждение именно должностному лицу.

Третий блок посвящён проверке предмета взятки. Что именно признано предметом взятки в материалах дела. Имеется ли документальное подтверждение стоимости предмета взятки. Правильно ли исчислен размер взятки при передаче частями. Установлен ли источник происхождения предмета взятки.

Четвертый блок содержит вопросы по проверке объективной стороны. Установлены ли точ-

ные дата и время передачи взятки. Установлено ли точное место передачи взятки. Установлен ли способ передачи взятки. За совершение каких именно действий должностного лица была передана взятка. Входили ли указанные действия в служебные полномочия должностного лица. Установлен ли общий размер переданной взятки.

Пятый блок содержит вопросы по проверке субъективной стороны и оснований для освобождения от ответственности. Имеются ли доказательства прямого умысла взяткодателя на дачу взятки. Осознавал ли взяткодатель, что передает именно взятку, а не законное вознаграждение. Имело ли место вымогательство взятки со стороны должностного лица. Сообщило ли лицо добровольно о даче взятки в орган, имеющий право возбудить уголовное дело. Активно ли лицо способствовало раскрытию и расследованию преступления. Является ли заявление о даче взятки добровольным и не связано ли оно с задержанием по подозрению [7; 8; 9].

Содержание чек-листа по статье 291.1 УК РФ (посредничество во взяточничестве)

Первый блок посвящён проверке наличия оснований для применения статьи 291.1 УК РФ. Прокурору предлагается установить три обстоятельства. Установлен ли размер взятки, в отношении которой осуществлялось посредничество. Превышает ли размер взятки двадцать пять тысяч рублей. Установлены ли взяткодатель и взяткополучатель, между которыми осуществлялось посредничество.

Второй блок содержит вопросы по проверке установления личности посредника. Установлена ли личность посредника. Достиг ли посредник возраста уголовной ответственности. Действовал ли посредник по поручению взяткодателя или взяткополучателя. Имеются ли доказательства того, что посредник знал о незаконном характере передаваемых ценностей.

Третий блок содержит вопросы по проверке объективной стороны. Установлен ли факт непосредственной передачи взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя. Установлено ли иное содействие взяткодателю и взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения. Имело ли место обещание или предложение посредничества во взяточничестве. Сопровождалось ли обещание или предложение посредничества совершением конкретных действий.

Четвертый блок содержит вопросы по проверке квалифицирующих признаков. Совершено ли посредничество в значительном размере, превышающем двадцать пять тысяч рублей. Совершено ли посредничество в крупном размере, превышающем сто пятьдесят тысяч рублей. Совершено ли посредничество в особо крупном размере, превышающем один миллион рублей. Совершено ли посредничество группой лиц по предварительному

сговору или организованной группой.

Пятый блок содержит вопросы по проверке оснований для освобождения от ответственности. Имело ли место вымогательство взятки со стороны должностного лица. Сообщило ли лицо добровольно о посредничестве в орган, имеющий право возбудить уголовное дело. Активно ли лицо способствовало раскрытию и расследованию преступления [7; 8; 9].

Содержание чек-листа по статье 291.2 УК РФ (мелкое взяточничество)

Первый блок посвящён проверке размера взятки. Прокурору предлагается установить два обстоятельства. Установлен ли точный размер переданной или полученной взятки в рублях. Не превышает ли размер взятки десять тысяч рублей.

Второй блок содержит вопросы по проверке субъекта и объективной стороны. Установлены ли взяткодатель и взяткополучатель. Установлен ли факт передачи взятки. Установлены ли время, место и способ передачи взятки. Установлено ли, за какие конкретно действия передана или получена взятка.

Третий блок содержит вопросы по проверке субъективной стороны. Имеются ли доказательства прямого умысла на дачу или получение мелкой взятки. Осознавало ли лицо, что передает или получает незаконное вознаграждение.

Четвертый блок содержит вопросы по проверке квалифицирующего признака по части 2 статьи 291.2 УК РФ. Имеет ли лицо непогашенную судимость за совершение преступлений, предусмотренных статьями 290, 291, 291.1 УК РФ.

Пятый блок содержит вопросы по особенностям квалификации при множественности эпизодов. Если взятка передавалась несколькими частями, охватывались ли они единым умыслом. Если взятки передавались нескольким лицам или от нескольких лиц, имеется ли единый умысел [7; 8; 9].

Алгоритм применения чек-листа

Предлагаемый алгоритм применения чек-листа включает следующие этапы. Прокурор определяет, по какой статье УК РФ квалифицированы действия обвиняемого, открывает соответствующий раздел чек-листа, изучает материалы уголовного дела и по каждому вопросу ставит отметку «Да» или «Нет». Затем подсчитывается количество ответов «Нет» и проверяется наличие критических нарушений. На основании количества нарушений и наличия критических нарушений принимается итоговое решение. Критическими нарушениями признаются: размер взятки, составляющий десять тысяч рублей или менее, что влечёт переквалификацию на статью 291.2 УК РФ; отсутствие признаков должностного лица, что означает отсутствие состава преступления; установление признаков провокации взятки, что влечёт прекращение уголовного дела; отсутствие судебного решения на проведение оперативно-розыскного мероприя-

тия, что влечёт недопустимость доказательств. При отсутствии критических нарушений и наличии 0-3 ответов «Нет» рекомендуется утвердить обвинительное заключение. При наличии 4-6 ответов «Нет» дело подлежит возврату для дополнительного расследования в соответствии со статьёй 221 УПК РФ. При наличии 7 и более ответов «Нет» дело подлежит возврату прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ либо прекращению по основаниям, предусмотренным статьями 24, 27 УПК РФ.

Мировой опыт применения прокурорских чек-листов

В Боснии и Герцеговине в рамках программы «Судебная власть против коррупции» разработан Чек-лист индикаторов качества следственных действий и отчётов правоохранительных органов по резонансным делам о коррупции и организованной преступности. Этот инструмент с конца 2021 года используется Финансовой полицией Федерации Боснии и Герцеговины и Налоговой администрацией [10]. После начала применения чек-листа произошло улучшение внешнего вида, объёма и качества содержания документов, которые являются ключевыми для возбуждения прокурорского расследования. Проведены специализированные семинары для инспекторов Финансовой полиции и прокуроров по применению чек-листа для обнаружения и документирования коррупционных деяний [10]. Как отметил прокурор Тузланского кантона Драган Радованович, высококачественные отчёты правоохранительных органов являются ключевым фактором для обнаружения и доказывания коррупции, и именно поэтому чек-лист является важнейшим инструментом для привлечения к ответственности за коррупцию [10]. В Китае, в провинции Хубэй, город Сяньян внедрил цифровую платформу «Лунчжун Чжизянь» — систему управления качеством дел со встроенным модулем самопроверки [11]. Система обеспечивает автоматическую проверку формата обвинительных заключений, проверку полноты элементов в отчётах о расследовании, выявление потенциальных рисков, интеграцию правил контроля качества, выявленных при перекрёстных проверках [11]. По состоянию на 2026 год система выдала 65 предупреждений о рисках, касающихся правильности оформления отчётов. На основе 419 перекрёстно проверенных дел были обобщены 33 правила контроля качества и интегрированы в платформу в виде подсказок [11]. Время рассмотрения дел о преступлениях, связанных с управлением транспортными средствами в состоянии опьянения, сократилось на 31,18 процента после внедрения подсказок о соблюдении процессуальных сроков [11]. В Албании Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе представила Руководство по государственным закупкам для судей и прокуроров, которое предлагает практические рекомендации по выявлению, расследованию и судебному разбирательству преступле-

ний, связанных с государственными закупками [12]. Руководство отличается междисциплинарным подходом, интегрирующим три измерения: предупреждение, расследование и судебное разбирательство, ориентацией на международные правовые стандарты и систематическим изложением процедур, обеспечивающих единообразие судебной практики [12]. В Республике Корея разработана и активно применяется система оценки добросовестности государственных учреждений, которая используется как инструмент профилактики коррупции [13]. В 2025 году состоялся обмен опытом между Кореей и странами-партнёрами по внедрению корейских антикоррупционных методик. Шри-Ланка находится на этапе подготовки к пилотному запуску Национальной системы оценки добросовестности, которая позволит выявлять различные формы коррупции. Черногория внедрила Методологию оценки антикоррупционных мер в пяти секторах, включая судебную систему, где в течение одного месяца были приняты и реализованы 227 документов и мероприятий [13]. Узбекистан в 2021 году запустил портал EAnticor.uz, вдохновлённый корейской системой «Чистый портал», для проведения ежегодной оценки антикоррупционной деятельности государственных органов [13].

Соответствие международным стандартам

Группа государств против коррупции (GRECO) в своём двадцать шестом Общем отчёте о деятельности за 2025 год подчёркивает, что эффективные антикоррупционные усилия требуют не только формальных правил, но и независимых, эффективных и заслуживающих доверия институтов [14]. Особое внимание уделяется проведению оценок коррупционных рисков, проверке деклараций активов и интересов, а также защите лиц, сообщающих о нарушениях [14]. Разработанные чек-листы являются именно таким инструментом, обеспечивающим системный подход к проверке и снижению коррупционных рисков. Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции также подчёркивает важность системных мер для обеспечения неподкупности судебных органов и органов прокуратуры. Как отмечается в официальных документах ООН, государства-участники нуждаются в эффективных механизмах предотвращения конфликта интересов и поощрения неподкупности.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Прокурорские чек-листы являются актуальным и востребованным инструментом в международной практике противодействия коррупции. Опыт Боснии и Герцеговины, Китая, Албании, Молдовы и Республики Корея подтверждает их эффективность. Основные результаты внедрения чек-листов за рубежом включают улучшение качества и полноты процессуальных документов, сокращение сроков рассмотрения

дел до 31 процента в Китае, систематизацию проверки и выявление нарушений на ранних стадиях, интеграцию правил контроля качества в автоматизированные системы, повышение эффективности международного сотрудничества. Разработанные чек-листы соответствуют требованиям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, международным стандартам (Конвенция ООН против коррупции, рекомендации GRECO) и передовой мировой практике систематизации прокурорской проверки. Необходимость применения чек-листов вызвана высокой латентностью коррупционных преступлений, сложностью доказывания из-за отсутствия прямых доказательств, необходимостью системного подхода к проверке на основе статей 73, 75, 88 УПК РФ, требованием формальной и содержательной оценки каждого доказательства. Внедрение чек-листов в практику органов прокуратуры позволит существенно повысить эффективность проверки материалов уголовных дел о коррупционных преступлениях, сократить сроки рассмотрения дел и снизить риск принятия необоснованных процессуальных решений.

Список литературы:

- [1] Христинина Е.В. Особенности изучения цифровых следов преступления при расследовании взяточничества // Современное право. 2025. № 4. С. 112-117.
- [2] Юдина Э.И. О вопросах оценки достаточности доказательств по делам о взяточничестве // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2025. № 1. С. 3-18.
- [3] О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
- [4] Криминалистическая методика расследования взяточничества / под ред. А.И. Дворкина. М. : Юрлитинформ, 2025. 400 с.
- [5] Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2019. 240 с.
- [6] Зажицкий В.И. Допустимость доказательств в уголовном процессе // Государство и право. 2020. № 8. С. 77-82.
- [7] Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
- [8] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
- [9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. 17 июля.
- [10] USAID Justice Against Corruption

Activity (JACA). Checklist for Quality Indicators of Investigative Actions and Reports // USAID Bosnia and Herzegovina. 2022. URL: <https://www.usaid.gov/bosnia> (дата обращения: 15.08.2026).

[11] Xiangyang City Procuratorate. Digital Case Quality Management Platform «Longzhong Zhijian» // Hubei Procuratorate Annual Report. 2026. P. 45-52.

[12] OSCE Presence in Albania. Public Procurement Guide for Judges and Prosecutors. Tirana : OSCE, 2023. 120 p.

[13] Anti-Corruption and Civil Rights Commission of the Republic of Korea. Integrity Assessment System: International Cooperation Report. Seoul : ACRC, 2025. 85 p.

[14] Group of States against Corruption (GRECO). 26th General Activity Report (2025). Strasbourg : Council of Europe, 2026. 78 p.

References:

[1] Khristinina E.V. Specifics of examining digital traces of a crime during the investigation of bribery // *Sovremennoe pravo* [Modern Law]. 2025. No. 4. P. 112–117.

[2] Yudina E.I. Issues regarding the assessment of the sufficiency of evidence in bribery cases // *Vestnik Moskovskoy akademii sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation]. 2025. No. 1. P. 3–18.

[3] On the Prosecutor's Office of the Russian Federation : Federal Law No. 2202-1 dated January 17, 1992 (as amended on December 30, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 47. Art. 4472.

[4] Forensic Methodology for Investigating Bribery / ed. by A.I. Dvorkin. Moscow : Yurlitinform, 2025. 400 p.

[5] Sheyfer S.A. Evidence and Proof in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation.

Moscow : Norma, 2019. 240 p.

[6] Zazhitsky V.I. Admissibility of Evidence in Criminal Proceedings // *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 2020. No. 8. P. 77–82.

[7] Criminal Code of the Russian Federation : Federal Law No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on December 30, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

[8] Criminal Procedure Code of the Russian Federation : Federal... Law No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on October 27, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 of July 9, 2013 (as amended on December 24, 2019) «On Judicial Practice in Cases Involving Bribery and Other Corruption-Related Crimes» // *Rossiyskaya Gazeta*. 2013. July 17.

[10] USAID Justice Against Corruption Activity (JACA). Checklist for Quality Indicators of Investigative Actions and Reports // USAID Bosnia and Herzegovina. 2022. URL: <https://www.usaid.gov/bosnia> (accessed: August 15, 2026).

[11] Xiangyang City Procuratorate. Digital Case Quality Management Platform «Longzhong Zhijian» // Hubei Procuratorate Annual Report. 2026. P. 45-52.

[12] OSCE Presence in Albania. Public Procurement Guide for Judges and Prosecutors. Tirana : OSCE, 2023. 120 p.

[13] Anti-Corruption and Civil Rights Commission of the Republic of Korea. Integrity Assessment System: International Cooperation Report. Seoul : ACRC, 2025. 85 p.

[14] Group of States against Corruption (GRECO). 26th General Activity Report (2025). Strasbourg : Council of Europe, 2026. 78 p.

ЛОПАТИН Семён Викторович,
следователь Военного следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации
по Восточному военному округу,
e-mail: semenlopatin75@mail.ru

АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию уголовной ответственности за преступления против военной службы в условиях современной геополитической ситуации. Актуальность данной темы обусловлена наличием проблем квалификации преступлений против военной службы в условиях вооруженного конфликта и ведения боевых действий. Автором раскрывается понятие преступлений против военной службы, их виды и особенности. В работе детально проанализированы поправки, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации за последние 5 лет, а также особое внимание уделено проблемам, возникающим при применении норм уголовного законодательства о преступлениях против военной службы. На основе проведенного анализа автором были представлены к рассмотрению некоторые пути решений этих проблем и предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: преступления против военной службы; безопасность; военнослужащий; специальная военная операция; изменения в УК РФ; самовольное оставление места службы; дезертирство; добровольная сдача в плен.

LOPATIN Semyon Viktorovich,
Investigator of the Military Investigative Department
of the Investigative Committee of the Russian Federation
for the Eastern Military District

ANALYSIS OF CRIMES AGAINST MILITARY SERVICE: PROBLEMS OF QUALIFICATION AND THE NEED TO IMPROVE LEGISLATION

Annotation. The article is devoted to the study of criminal liability for crimes against military service in the current geo-political situation. The relevance of this topic is due to the existence of problems in the qualification of crimes against military service in the context of armed conflict and warfare. The author reveals the concept of crimes against military service, their types and features. The paper analyzes in detail the amendments made to the Criminal Code of the Russian Federation over the past 5 years, and also pays special attention to the problems that arise when applying the norms of criminal legislation on crimes against military service. Based on the analysis, the author presented for consideration some solutions to these problems and proposals for improving legislation.

Key words: crimes against military service; safety; serviceman; special military operation; changes to the Criminal Code of the Russian Federation; unauthorized abandonment of a place of service; desertion; voluntary surrender.

В связи с обострением геополитического конфликта между Российской Федерацией и другими государствами, важное значение приобретает тема уголовной ответственности за преступления против военной службы. Действия, нарушающие порядок прохождения военной службы, представляют собой особую угрозу для общественной безопасности, так как не только наносят вред и ущерб отдельным гражданам, но и подрывают государственную и национальную безопасность. В условиях нарастающего конфликта преступления против военной службы мо-

гут подрывать боевой потенциал и эффективность Вооруженных сил Российской Федерации.

Актуальность данной темы обусловлена стремительно меняющейся ситуацией в мире, ростом числа преступлений в условиях мобилизации, спецификой субъекта преступлений, а также необходимостью в совершенствовании военного уголовного законодательства в целях поддержания боеготовности и обеспечения безопасности государства и его граждан.

В соответствии с ч. 1 ст. 331 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее – УК РФ) пре-

ступлениями против военной службы признаются предусмотренные главой 33 УК РФ преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

Общественная опасность преступлений против военной службы заключается в нарушении установленного законодательством порядка прохождения военной службы и создании угрозы военной безопасности и обороноспособности Российской Федерации [2, с. 401]. Главная опасность рассматриваемых деяний определяется не столько фактом несоблюдения военно-служебного порядка, отношений или дисциплинарных норм, а сколько тяжестью наступивших или потенциально возможных последствий, ставших результатом данных нарушений.

Согласно позиции В.Б. Малинина и В.П. Бодаевского, дефиниция понятия «преступления против военной службы» имеет значимое прикладное значение в правовой системе: оно способствует правильному пониманию и раскрытию сущностных характеристик данных деяний, устанавливает основания для отличия воинских преступлений от иных составов преступлений, а также обозначает границу между преступлением против военной службы и дисциплинарным проступком [3, с. 156].

Согласно подходу С.М. Малькова, система преступлений против военной службы структурирована по объекту посягательства и специфике деятельности. Автор выделяет четыре основные категории:

1. Общие составы преступлений против военной службы;
2. Деяния, препятствующие исполнению служебных обязанностей, против порядка подчиненности и уставных взаимоотношений.
3. Преступления, совершаемые в рамках специальных видов военной службы;
4. Нарушения правил безопасности при обращении с военной техникой и имуществом, охватывающие неправомерные действия с оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами, а также несоблюдение регламентов эксплуатации и порядка сохранности военного имущества [4, с. 78–83].

Согласно статистике, в условиях боевой обстановки и ведения вооруженного конфликта наиболее распространенными правонарушениями в сфере военной службы стали дезертирство, самовольное оставление части или места службы, неуставные взаимоотношения, применение насилия между военнослужащими, а также потеря вверенного вооружения [5, с. 922].

После начала специальной военной операции нормативная правовая база, регулирующая уголовную ответственность за преступления против военной службы, претерпела значительные кор-

ректировки.

Важнейшим этапом в развитии уголовной законодательной деятельности стало принятие Федерального закона от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [6].

Указанный Федеральный закон реформировал подход к уголовной ответственности за преступления против военной службы. Во-первых, из УК РФ была исключена ч. 3 ст. 331, которая отсылала к особому законодательству военного времени при квалификации воинских преступлений. Вместо выделения данной нормы в отдельную часть статьи законодатель предусмотрел включение в перечень отягчающих обстоятельств преступления совершение деяния в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

Во-вторых, в УК РФ введена статья 352.1, криминализовавшая добровольную сдачу в плен. При этом законодатель предусмотрел возможность освобождения от уголовной ответственности для военнослужащего, впервые совершившего данное деяние, при условии принятия им мер для освобождения, и возвращения в часть, а также несоблюдения иных преступлений в период пребывания в плену.

Вслед за Федеральным законом было принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 года № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» [7], которое не только детально уточняет процессуальные аспекты рассмотрения уголовных дел, связанных с преступлениями против военной службы, но и предлагает новую классификацию данных преступлений, а также разъясняет соответствующую терминологию. Ключевым стало официальное отнесение добровольной сдачи в плен к категории преступлений против порядка прохождения военной службы, совершаемых в особые периоды.

24 июня 2023 года вступил в силу Федеральный закон № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» [8]. Данный нормативный акт закрепил новый механизм освобождения от уголовной ответственности и наказания. Теперь шанс на освобождение от уголовной ответственности и наказания предоставляется для лиц: 1) призываемых на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации; 2) заключающих или заключивших контракт о прохождении военной службы; 3) проходящих военную службу в период мобилизации, в период военного положения или в военное время. Таким образом государство поддерживает граждан, готовых встать на защиту страны.

Е.Ю. Антонова обращает внимание на важный момент: приняв данный Федеральный закон законодатель фактически сделал шаг назад, возвратившись к концепции существования уголовного законодательства военного времени. Данный факт создает предпосылки для постановки вопроса о соответствии указанной нормы ч. 1 ст. 1 УК РФ, где четко сказано, что Уголовный кодекс Российской Федерации является единственным источником уголовно-правового воздействия [9, с. 38].

В следствие 23 марта 2024 года был принят Федеральный закон № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [10], которым в Уголовном кодексе была установлена норма об освобождении от уголовной ответственности и от наказания в связи с прохождением военной службы. Данные поправки исключили возможные противоречия, упомянутые Е.Ю. Антоновой.

С началом специальной военной операции в юридической литературе не раз поднимался вопрос об уголовной ответственности добровольцев. К добровольцам относятся лица, зачисленные в государственные добровольческие формирования с целью содействия Вооруженным Силам Российской Федерации при выполнении задач в области обороны. Деятельность таких формирований осуществляется в особые периоды: при мобилизации, в период действия военного положения или военного времени, в ходе вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при выполнении военных задач за пределами территории Российской Федерации.

На добровольцев распространяется правовой статус военнослужащих, они наделяются соответствующими правами и обязанностями. В связи с этим указанные граждане потенциально могут совершать преступления против военной службы. Однако долгое время глава 33 УК РФ не содержала положений, прямо устанавливающих уголовную ответственность для данной категории лиц, что свидетельствовало о существенном упущении в законодательном урегулировании и создавало немало споров о целесообразности отнесения добровольцев к специальным субъектам воинских преступлений.

Ученые (Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова и С.Л. Богданов) подчеркивали необходимость устранения этого упущения путем корректировки нормативно-правовой базы [11, с. 55]. В свою очередь, Р.В. Закомолдин и П.С. Данилов выдвинули инициативу по дополнению ч. 1 ст. 331 УК РФ упоминанием добровольцев [12, с. 120].

С принятием Федерального закона от 28 декабря 2024 года № 507-ФЗ «О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [13] данный пробел был

устранен: была установлена уголовная ответственность для лиц, состоящих в добровольческих отрядах за отдельные деяния против военной службы.

По нашему мнению, признание добровольцев специальными субъектами преступлений против военной службы представляется обоснованным и оправданным, так как их противоправные деяния и ненадлежащее исполнение своих обязанностей дестабилизируют воинский правопорядок. Данная мера позволяет устранить правовую неопределенность, обеспечить принцип неотвратимости уголовной ответственности, а также гармонизировать действующее законодательство.

Крайние обновления в уголовном законодательстве были внесены Федеральным законом от 29 декабря 2025 года № 534-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [14], предусматривающим расширение перечняотягчающих обстоятельств. В соответствии с внесенными корректировками, к отягчающим обстоятельствам относится: 1) совершение преступного деяния лицом, которому предоставлено условное освобождение от наказания на основании ч. 1 ст. 80.2 УК РФ; 2) совершение деяния лицом, чье предыдущее уголовное дело приостановили по запросу командования воинской части или учреждения.

Изменения, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации отражают актуальные правовые потребности в условиях проведения специальной военной операции и частичной мобилизации, а также акцентируют особое внимание на необходимость целенаправленного противодействия преступлениям против военной службы.

Несмотря на систематическое реформирование норм уголовного законодательства, касающихся преступлений против военной службы, правоприменительная практика подчеркивает ряд спорных аспектов и актуальных проблем. Существующие коллизии требуют дальнейшей теоретической и практической проработки, а также совершенствования нормативного регулирования.

Ключевым дискуссионным вопросом в данной сфере является проблема дифференциации преступлений, предусмотренных статьями 337 и 338 УК РФ, а именно самовольного оставления части или места службы и дезертирства. При квалификации данных преступлений возникает сложность в установлении субъективной стороны деяний. Главное различие между ст. 337 и ст. 338 УК РФ заключается в характере умысла военнослужащего. В случае самовольного оставления воинской части или места службы основанием для привлечения к уголовной ответственности выступает наличие у военнослужащего умысла временно уклониться от выполнения возложенных на него обязанностей с последующим возвращением в часть или к месту службы по истечении определенного периода, а при дезертирстве военнослужащий преследует цель полностью и оконча-

тельно прекратить исполнение своих воинских обязанностей.

Однако в контексте текущей геополитической обстановки и специфики проведения специальной военной операции, когда во время боевых действий возникает риск потери связи и невозможности документального подтверждения отсутствия военнослужащего на месте службы, становится сложно установить, имел военнослужащий умысел на временное или полное уклонение от военной службы.

В связи с этим на практике возникают затруднения в квалификации деяния как дезертирства или самовольного оставления части, о чем свидетельствует высокий процент переквалификации деяний, изначально возбужденных по статье о дезертирстве, но в дальнейшем переквалифицированных на самовольное оставление части. Данное обстоятельство указывает на системные пробелы в практическом и методическом обеспечении следственной деятельности в условиях повышенной сложности.

Для решения данной проблемы целесообразно разработать методические рекомендации для органов следствия, в которых будет детально регламентирован порядок процессуальных действий следователя при расследовании и отграничении составов преступлений, предусмотренных статьями о дезертирстве и самовольном оставлении части или места службы.

Введение в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 352.1, криминализировавшей уголовную ответственность за добровольную сдачу в плен, ознаменовало важный этап в развитии отечественного уголовного права, однако правоприменительная практика столкнулась с некоторыми сложностями, связанными с определением признака добровольности при квалификации данного состава преступления.

Данное преступление характеризуется таким обязательным условием, как добровольность, подразумевающим осознанное совершение деяния при объективной возможности оказать активное решительное сопротивление противнику и предотвратить захват в плен.

Это и вызывает затруднения при квалификации, так как в законодательстве нет четкого определения понятия «решительное сопротивление», не разъяснены критерии, по которым действия военнослужащего будут оцениваться как решительные и нерешительные, ведь теоретически лицо может оказывать сопротивление, но его действия могут быть недостаточными в сложившейся ситуации.

Таким образом, для предотвращения спорных ситуаций в законодательство следует внести разъяснения, касающиеся критерий решительно-го сопротивления при сдаче в плен.

Также в литературе встречается предложение о дополнении ст. 352.1 УК РФ частью второй, которая в качестве квалифицирующего признака

будет предусматривать уголовную ответственность за добровольную сдачу в плен группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой [15, с. 29]. Такое предложение аргументируется участившими фактами добровольной сдачи в плен целых структурных воинских подразделений и формирований. Подобные действия существенно повышают уровень общественной опасности деяния и серьезно подрывает боеспособность всего подразделения или военной части и может повлечь за собой еще большие потери.

Считаем, что введение в ст. 352.1 УК РФ такого квалифицирующего признака, как добровольная сдача в плен группой лиц вполне обосновано с точки зрения предупреждения массовых нарушений воинских обязанностей и дисциплины, однако такое нововведение создаст трудности при квалификации деяния, его доказывании и разграничении с другими статьями уголовного закона.

По мнению ряда ученых, в науке уголовного права существуют противоречия, касающиеся трактовки субъекта преступлений против военной службы. Предлагается расширить данный перечень субъектов, включив в него лиц, временно выполняющих функции военнослужащих в рамках специальной операции [16, с. 107].

А.Ю. Винокуров в своей научной статье предлагает ввести уголовную ответственность за сдачу или оставление противнику средств ведения войны, а также за самовольное оставление поля сражения или отказ во время боя действовать оружием. Обосновывая свою позицию, автор апеллирует к историческому опыту, а именно к советской правовой практике, где в статьях Уголовных кодексов СССР и РСФСР была закреплена уголовная ответственность за подобные посягательства. По мнению автора, возвращение и криминализация в уголовном законе данных составов преступлений против военной службы необходимо для обеспечения дисциплины и поддержания боеспособности и боеготовности воинских частей и подразделений, выполняющих свои боевые задачи в условиях проведения специальной военной операции [17, с. 14].

Введение уголовной ответственности за сдачу или оставление противнику средств ведения войны считается целесообразным, так как данная норма будет способствовать сохранности военных материально-технических ресурсов (вооружения, техники, боеприпасов, местности, оборудованной для ведения боевых действий), укреплению обороноспособности государства, поддержанию воинской дисциплины, а также позволит не допустить попадания вооружения в руки врага и предотвратить усиление боевого потенциала противника за счет захваченного имущества.

Вместе с тем, мы выражаем сомнение в целесообразности выделения в отдельные составы преступлений самовольного оставления поля сражения и отказа от применения оружия во вре-

мя боя, так как это может создать трудности для предварительного следствия и судов, так как данные деяния охватываются самовольным оставлением места службы, дезертирством или отказом от участия в боевых действиях.

Еще одной уголовно-правовой проблемой данной темы А.Е. Изотов выделяет проблему размытости границ между дисциплинарной и уголовной ответственностью для военнослужащих [18, с. 211]. В условиях активных боевых действий, экстремального стресса и риска военнослужащие сталкиваются с колоссальным напряжением, что нередко приводит к дисциплинарным нарушениям, однако не каждое такое нарушение требует применения мер уголовного характера.

Для решения данной коллизии целесообразно разработать систему дифференцированной ответственности, которая будет опираться на четкие критерии отграничения преступления от дисциплинарных проступков, вызванных экстремальными условиями службы. Опорой для разработки данной системы должны стать разъяснения Пленума Верховного суда Российской Федерации, в которых акцентируется необходимость анализа психоэмоционального состояния военнослужащего, находящегося в зоне боевых действий, при оценке его действий.

Таким образом, преступления против военной службы – это совокупность противоправных деяний, направленных на дезорганизацию установленного порядка несения военной службы. Преступления против военной службы представляют серьезную угрозу для государства и общества в целом, так как характеризуются повышенной общественной опасностью, наносят существенный вред воинской дисциплине, ослабляют боевой потенциал, обороноспособность и боеготовность Вооруженных сил, посягают на устойчивость государственного функционирования, а также на безопасность государства и общества.

После начала специальной военной операции произошла масштабная трансформация уголовного законодательства, регламентирующего уголовную ответственность за преступления против военной службы. Законодатель криминализировал новые составы правонарушений, усилил санкции за уже существующие деяния против военной службы, а также закрепил новый квалифицирующий признак – совершение преступления в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

Тем не менее, несмотря на масштаб проведенных в уголовном законодательстве реформ, нормативная база по-прежнему нуждается в серьезном совершенствовании, так как многие теоретические и практические вопросы остаются нерешенными. Учитывая сложную геополитическую обстановку, нормативная база требует непрерывной адаптации, что позволит государству повысить эффективность противодействия

преступлениям против военной службы, быстрее реагировать на поступающие угрозы, а также укрепить правопорядок в армии, ее обороноспособность и боевую мощь.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63–ФЗ (с посл. изм. и доп.) // СПС КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.07.2026).

[2] Сверчков В.В. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / В.В. Сверчков. 12-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 421 с.

[3] Малинин В.Б., Бодаевский В.П. Понятие и виды преступлений против военной службы. // Ленинградский юридический журнал. – 2019. – № 1. – С. 152–159.

[4] Мальков С.М. Содержание объекта преступления против военной службы и его значение для систематизации главы 33 Уголовного кодекса РФ. // Современное право. – 2017. – № 8. – С. 78–83.

[5] Елистратов Д. В. Особенности организации деятельности по противодействию преступлениям против военной службы. // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 12. – С. 921–924.

[6] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 24 сентября 2022 года № 365–ФЗ (с посл. изм. и доп.) // СПС КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_427325/ (дата обращения: 20.07.2026).

[7] О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 года № 11 // СПС КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447521/ (дата обращения: 20.07.2026).

[8] Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: федер. закон от 24 июня 2023 г. № 270–ФЗ (с посл. изм. и доп.) // СПС КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450391/ (дата обращения: 20.07.2026).

[9] Антонова Е.Ю. Особенности уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: новый вектор уголовноправовой политики или уголовное законодательство военного времени? // Искусство правоведения. – 2023. – № 3(7). – С. 37–42.

[10] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 23 марта 2024 года № 64–ФЗ // СПС Кон-

сультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472777/ (дата обращения: 21.07.2026).

[11] Кириченко Н.С., Александрова Н.Г., Богданов С.Л. Юридическая ответственность граждан, пребывающих в добровольческих формированиях. // Военное право. – 2024. – № 1 (83). – С. 49–56.

[12] Закомолдин Р.В., Данилов П.С. О специальной уголовной ответственности участников добровольческих формирований за преступления против военной службы. // Военное право. – 2024. – № 2 (84). – С. 115–120.

[13] О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28 декабря 2024 года № 507-ФЗ // СПС КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494753/ (дата обращения 25.7.2026).

[14] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2025 года № 534-ФЗ // СПС КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_523077/ (дата обращения 25.07.2026).

[15] Гафурова Э.Р. Совершенствование института освобождения от уголовной ответственности при совершении некоторых преступлений против военной службы. // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2024. – № 1. – С. 24–33.

[16] Шестаков Д. А. Комментарий к главе 33 Уголовного кодекса РФ / Д. А. Шестаков / под ред. В.И. Радченко // СПб.: Питер, 2021. – С. 103–107.

[17] Винокуров А.Ю. О необходимости дальнейшего совершенствования военно-уголовного законодательства Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции. // Военное право. – 2023. – № 1. – С. 12–16.

[18] Изотов А.Е. Особенности субъекта преступлений против военной службы. // Современные проблемы правотворчества и правоприменения. – 2025. – С. 209–213.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended and supplemented) // ConsultantPlus Legal Reference System – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: July 15, 2026).

[2] Sverchkov V.V. Criminal Law. Special Part: Textbook for Higher Education Institutions / V.V. Sverchkov. 12th ed., revised and supplemented. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. – 421 p.

[3] Malinin V.B., Bodaevsky V.P. Concept and Types of Crimes Against Military Service. // Leningrad Legal Journal. – 2019. – No. 1. – P. 152–159.

[4] Malkov S.M. Content of the Object of a Crime Against Military Service and Its Significance for the

Systematization of Chapter 33 of the Criminal Code of the Russian Federation. // Modern Law. – 2017. – No. 8. – P. 78–83.

[5] Elistratov D.V. Specifics of Organizing Activities to Counteract Crimes Against Military Service. // Law and State: Theory and Practice. – 2025. – No. 12. – P. 921–924.

[6] On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal... Law No. 365-FZ of September 24, 2022 (as amended and supplemented) // ConsultantPlus Legal Reference System – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_427325/ (accessed: July 20, 2026).

[7] On the practice of courts hearing criminal cases regarding crimes against military service: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 of May 18, 2023 // ConsultantPlus Legal Reference System – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447521/ (accessed: July 20, 2026).

[8] On the specifics of criminal liability for persons involved in the special military operation: Federal Law No. 270-FZ of June 24, 2023 (as amended and supplemented) // ConsultantPlus Legal Reference System – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450391/ (accessed: July 20, 2026).

[9] Antonova E.Yu. Specifics of criminal liability for persons involved in the special military operation: a new vector of criminal law policy or wartime criminal legislation? // The Art of Legal Science. – 2023. – No. 3(7). – P. 37–42.

[10] On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal... Law No. 64-FZ of March 23, 2024 // ConsultantPlus Legal Reference System – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472777/ (accessed: July 21, 2026).

[11] Kirichenko N.S., Alexandrova N.G., Bogdanov S.L. Legal liability of citizens serving in volunteer formations // Military Law. – 2024. – No. 1 (83). – P. 49–56.

[12] Zakomoldin R.V., Danilov P.S. On the special criminal liability of participants in volunteer formations for crimes against military service // Military Law. – 2024. – No. 2 (84). – P. 115–120.

[13] On Amendments to Article 331 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 507-FZ of December 28, 2024 // ConsultantPlus Legal Reference System – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494753/ (accessed: July 25, 2026).

[14] On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 534-FZ of December 29, 2025 // ConsultantPlus Legal Reference System – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_523077/ (accessed: July 25, 2026).

[15] Gafurova E.R. Improving the institution of exemption from criminal liability for the commission of certain crimes against military service. // Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia. – 2024. – No. 1. – P. 24–33.

[16] Shestakov D. A. Commentary on Chapter 33 of the Criminal Code of the Russian Federation / D. A. Shestakov / Ed. by V. I. Radchenko // St. Petersburg: Piter, 2021. – P. 103–107.

[17] Vinokurov A. Yu. On the necessity of further improving the military-criminal legislation of the Russian Federation in the context of the special military operation. // Military Law. – 2023. – No. 1. – P. 12–16.

[18] Izotov A. E. Specific characteristics of the subject of crimes against military service. // Modern Problems of Law-Making and Law Enforcement. – 2025. – P. 209–213.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.09.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-6724-2026-3-86-88

ТИМОШКИН Никита Евгеньевич,
студент 4 курса,

Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева западносибирский филиал, Томск, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НЕВИНОВНОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. В статье рассматривается проблема законодательного закрепления правового регулирования ответственности за невиновное причинение вреда в уголовном праве зарубежных стран. Исследуются подходы к анализируемому институту в правовых системах стран СНГ, США, Франции, Италии и др. Выявлены основные модели регулирования: модель субъективного вменения (страны СНГ, Италия), исключающая уголовную ответственность при отсутствии вины; модель строгой (абсолютной) ответственности (США), допускающая привлечение к ответственности независимо от наличия вины; модель презумпции умышленности (Франция), при которой любое противоправное деяние презюмируется совершенным с волевым участием. Определены негативные аспекты применения объективного вменения: противоречие принципам утилитарной и ретрибутивной теорий наказания, риски привлечения к ответственности при отсутствии вины, а также процессуальные упрощения, ведущие к ограничению прав лица.

Ключевые слова: невиновное причинение вреда, вина, причинная связь, объективное вменение, зарубежные страны.

TIMOSHKIN Nikita Evgenievich,
4th year student,

Russian State University of Justice named after
V.M. Lebedev West Siberian branch, Tomsk. Russia

LEGAL ASPECTS OF INNOCENT INFLICTION OF HARM IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Annotation. The article examines the problem of legislative consolidation of legal regulation of liability for innocent infliction of harm in the criminal law of foreign countries. Approaches to the analyzed institution in the legal systems of the CIS countries, the USA, France, Italy, and others are investigated. The main models of regulation are identified: the model of subjective imputation (CIS countries, Italy), which excludes criminal liability in the absence of guilt; the model of strict (absolute) liability (USA), which allows prosecution regardless of the presence of guilt; the model of presumption of intent (France), under which any unlawful act is presumed to be committed with voluntary participation.

Key words: innocent infliction of harm, fault, causation, objective imputation, foreign countries.

Вопросы невиновного причинения вреда в зарубежном уголовном праве рассматривались в работах таких исследователей, как А.В. Коняев, С.А. Гавриленков, А.И. Парог, В.П. Кашепов, Н.А. Егорова. Однако комплексные сравнительно-правовые исследования, охватывающие различные правовые семьи и модели регулирования, представлены недостаточно. Большинство работ посвящены анализу отдельных национальных систем либо общим вопросам вины без акцента на сравнительный аспект.

Уголовное законодательство стран Содружества Независимых Государств (СНГ) характеризуется единообразной правовой регламентацией

невиновного причинения вреда, что обусловлено общностью правовых традиций, восходящих к советскому уголовному праву, и принадлежностью большинства государств к романо-германской правовой семье. В уголовных кодексах России, Беларуси, Казахстана, Армении, Кыргызстана и других государств СНГ закреплены нормы, исключающие уголовную ответственность при отсутствии вины.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) институт невиновного причинения вреда регламентирован ст. 28, которая подразделяется на две части. Часть 1 ст. 28 УК РФ описывает ситуацию казуса (случая), когда лицо, со-

вершившее деяние, не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть. Часть 2 ст. 28 УК РФ регулирует случаи, когда лицо предвидело возможность наступления последствий, но не могло их предотвратить в силу недостаточности своих психофизиологических качеств или экстремальной ситуации. Данная конструкция отражает развитие принципа субъективного вменения – возможности применения мер уголовно-правовой ответственности только при условии охвата преступления умыслом или допущением наступления вредных последствий.

Аналогичные нормы содержатся в Уголовном кодексе Республики Беларусь (ст. 27), Уголовном кодексе Республики Казахстан (ст. 23), Уголовном кодексе Республики Армения (ст. 25) и других. Единообразие подходов позволяет говорить о континентальной модели регулирования невиновного причинения вреда, основанной на признании вины в качестве обязательного признака преступления и исключении ответственности при ее отсутствии [5, с. 186].

Невиновное причинение вреда в законодательстве и практике США является достаточно интересным объектом исследования, поскольку данное государство характеризуется суровостью уголовной ответственности за совершение преступлений и сложностью доказывания невиновного причинения вреда. В отличие от положений отечественного уголовного закона, которым определено, что лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за невиновное причинение вреда, законодательство США регламентирует, что при наличии невиновного причинения вреда возможно наступление абсолютной или строгой, а также альтернативной ответственности.

Переходя к рассмотрению института абсолютной и строгой ответственности, нельзя не отметить, что его содержание во многом совпадает с названием. Т.е. в уголовном праве Соединенных Штатов Америки предусмотрено наказание за совершение деяния, предусмотренного диспозицией определенной статьи, вне зависимости от наличия или отсутствия вины. Как отмечал А.В. Коняев: «институт абсолютной или строгой ответственности в США подвергался значительной критике со стороны правоведов США» [6, с. 52].

Так, многие ученые акцентируют внимание на то, что наличие подобного института противоречит утилитарной и ретрибутивной теориям. Согласно первой теории лицо подлежит ответственности, за деяние в том случае, если это позволит предотвратить совершение новых противоправных деяний. Вторая теория раскрывается исходя из тезиса о том, то обязательным признаком противоправного деяния является то, что субъект при совершении оного должен находиться во вменяемом (осознанном) состоянии. Данные теории

сходятся в том, что уголовная ответственность не должна наступать за невиновно причиненный вред. Представляется, что с точки зрения уголовно-правовой точки зрения абсолютная (строгая) ответственность может определяться как презумпция виновности за совершение преступления, которое фактически может не обладать признаком противоправности для субъекта, а также между совершением деяния и результатом может отсутствовать причинно-следственная связь.

По мнению С.А. Гавриленкова: «установление в США строгой ответственности за невиновное причинение вреда, является целесообразным для профилактики совершения лицами новых правонарушений и преступлений» [2, с. 78].

В положениях Уголовного кодекса Франции отсутствует нормативное закрепление понятия невиновного причинения вреда. В свою очередь, в положениях правовой доктрины обозначено, что при совершении противоправного деяния, у субъекта возникает общая вина, без которой его не может существовать. В 1956 г. Кассационным Судом Франции было определено, что в том случае, если деяние было совершено неумышленно, данное обстоятельство, всё равно определяет его совершение с желанием. Иными словами, в данном случае закреплено положение о том, то любое преступное деяние может расцениваться в качестве такового даже в случае полного отсутствия умысла. Подобное правило распространяется на определенную категорию преступлений, где вина фактически презюмируется, например: умышленное причинение вреда здоровью.

Однако в остальных категориях дел, судебному следствию требуется более развернутое психологическое исследование, в ходе которого могут быть установлены обстоятельства, свидетельствующие о наличии умышленной или неумышленной вины.

Таким образом, можно судить о некотором фундаментальном сходстве в правовом понимании института вины в уголовном праве Франции и России, где под виной понимают – психическое отношение причинителя вреда к совершаемому противоправному деянию и возможным вредным последствиям. Но, стоит также отметить некоторую непоследовательность, уголовно-правового регулирования данного института в законодательстве Франции, что предает ему некоторые особенности. Так, например, за полицейские преступления, т.е. преступления с незначительной степенью общественной опасности, рассматриваются в упрощенном процессуальном порядке, в результате которого судья выносит судебный приказ с возможной мерой ответственности в виде штрафа. В данном случае не будет производиться судебное разбирательство в привычном понимании данного понятия, так, судья не просто не обязан рассматривать доказательства, указывающие на вину лица, он даже не обязан мотивировать свое решение. Т.е. лицо привлекается к ответственности за

сам факт совершения уголовно наказуемого правонарушения, исключением может считаться действие непреодолимой силы, или невеняемость.

В данном случае, усматривается принцип объективного вменения, однако он в какой-то степени оправдан, так с точки зрения законодателя подобная система позволит сэкономить средства и время органов уголовной юстиции на рассмотрение незначительных нарушений закона.

Таким образом, на основании исследованных особенностей невинного причинения вреда в США и Французской Республике, можно сделать вывод о том, что законодательство данных стран предусматривает уголовную ответственность за невинное причинение вреда (для США характерно наличие абсолютной ответственности, ввиду чего лицо подлежит уголовной ответственности за невинное причинение вреда, а также альтернативной ответственности, за причинение вреда по причине казуса. Во Франции же наступает уголовная ответственность за причинение вреда ввиду закрепления правила о том, что любое действие совершено с волевым участием).

В Италии ответственность за невинное причинение вреда не наступает, поскольку принято считать, что действия лица не были охвачены его умыслом. Таким образом, законодатель закрепил необходимость наличия как волевого, так и интеллектуального критерия, что во многом сопоставимо с отечественным пониманием вины. Подобный императив исключает ответственность лиц, которые совершили противоправное деяние в силу непредвиденного случая (исключительная ситуация, при которой лицо даже при соблюдении всех правил и предписаний не смогло бы адекватно избежать наступления вредных последствий), или действия непреодолимой силы.

Однако принцип непредвиденного случая действует только в тех ситуациях, которые возникли на основании или не в противоречии закону, любой случай возникший в нарушении закона не может рассматриваться как основание для освобождения от уголовной ответственности. Не смотря на некоторые отличия от отечественного понимания понятия невинного причинения вреда, в уголовном праве Италии прослеживаются некоторые сходства. Так ст. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации подразделяется на две части, которые соответственно описывают как объективные обстоятельства, препятствующие предотвращению наступлению вредных последствий, так и субъективные обстоятельства. В свою очередь, законодательство Италии пошло по аналогичному пути, так, непредвиденный случай описывает субъективные обстоятельства, препятствующие предотвращению преступления (ситуацию, при которых лицо не могло ни предвидеть, ни устранить возможность наступления вредных последствий), в то время как непреодолимая сила описывает объективно невинное причинение вреда [1, с. 66].

Таким образом, стоит отметить, что в целом ряде стран отсутствует нормативное закрепление понятия невинного причинения вреда в законодательстве, в результате чего оно либо косвенно регламентировано путем запрета объективного вменения вины лицу, либо в общих началах уголовной ответственности, как составная часть понятия преступления. Исходя из чего, можно констатировать о достаточности правового регулирования института невинного причинения вреда в рамках отечественного законодательства.

Список литературы:

- [1] Арчибасова Л.А. Невинное причинение вреда: зарубежный опыт уголовно-правового регулирования // Сибирское юридическое обозрение. – 2011. – № 15. – С. 64–66.
- [2] Гавриленков С.А. Строгая ответственность в уголовном законодательстве США // Вестник Северо-Восточного государственного университета. – 2016. – № 25. – С. 76–79.
- [3] Егорова Н.А. Проблемы субъективного вменения в уголовном праве // Lex Russica. – 2020. – № 8. – С. 56–68.
- [4] Кашепов В.П. Принцип субъективного вменения в уголовном праве // Журнал российского права. – 2019. – № 4. – С. 82–91.
- [5] Козочкин И.Д. Уголовное право зарубежных стран. Общая и особенная части: учебник для магистров. – М.: Юрайт, 2013. – 384 с.
- [6] Коняев А.В. Строгая ответственность в уголовном праве США: сущность, история возникновения и практика применения // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2004. – № 7. – С. 50–54.
- [7] Коняев А.В. Институт строгой ответственности в уголовном праве США // Уголовное право. – 2020. – № 2. – С. 45–51.

References:

- [1] Archibasova L.A. Non-culpable infliction of harm: foreign experience in criminal law regulation // Siberian Legal Review. – 2011. – No. 15. – P. 64–66.
- [2] Gavrilentov S.A. Strict liability in US criminal legislation // Bulletin of North-Eastern State University. – 2016. – No. 25. – P. 76–79.
- [3] Egorova N.A. Issues of subjective attribution in criminal law // Lex Russica. – 2020. – No. 8. – P. 56–68.
- [4] Kashapov V.P. The principle of subjective attribution in criminal law // Journal of Russian Law. – 2019. – No. 4. – P. 82–91.
- [5] Kozochkin I.D. Criminal law of foreign countries. General and Special Parts: a textbook for Master's students. – Moscow: Yurayt, 2013. – 384 p.
- [6] Konyaev A.V. Strict liability in US criminal law: essence, history of origin, and application practice // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2004. – No. 7. – P. 50–54.
- [7] Konyaev A.V. The institution of strict liability in US criminal law // Criminal Law. – 2020. – No. 2. – P. 45–51.

ЗИГАННУРОВА Эльвина Ридалевна,
Казанский филиал ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
НУРИЕВ Анас Гаптрауфович,
доктор юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. В данной статье изучаются особенности и история приказного производства в России и зарубежных странах, особенности содержания Судебника 1497 года, римское право.

Ключевые слова: судопроизводство, приказное производство, Судебник 1497 года, Россия, страны ЕС, Гражданско-процессуальный Кодекс.

ZIGANNUROVA Elvina Ridalevna,
Kazan Branch of the Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev

Academic Supervisor:
NURIEV Anas Gaptraufovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,

SPECIFICS OF ORDER-BASED PROCEEDINGS IN RUSSIA AND ABROAD

Annotation. This article examines the characteristics and history of writ proceedings in Russia and abroad, the content of the 1497 Code of Laws, and Roman law.

Key words: legal proceedings, writ proceedings, 1497 Code of Laws, Russia, EU countries, Civil Procedure Code.

Введение

История русского государства включает в себя важнейшие этапы формирования судебного приказного производства. Данные этапы связаны с формированием российского централизованного государства. Формирование единого государства заложило необходимые основы для последующего развития страны и процесса установления правовых норм. Объединение страны способствовало формированию новых правовых норм, которые стали актуальными для своего времени.

В 1497 году в России был утвержден текст Судебника (Свода законов); до этого важнейшим нормативным актом была «Русская правда». По мере укрепления феодальных связей, объединения русских земель и формирования российского централизованного государства возникла необходимость в разработке новых правовых норм.

Основная часть

В течение последнего десятилетия тема приказного производства в гражданском процессе привлекает особый интерес российских ученых и специалистов в области процессуального права как в России, так и зарубежных странах.

История развития судебного приказа в гражданском

судопроизводстве достаточно обширна. Он был знаком как российскому гражданскому процессу, так и зарубежным правовым системам, включая древнеримскую, английскую, западно-германскую и шведскую.

Обзор международного опыта упрощения гражданского судопроизводства представляется необходимым, поскольку он помогает выявить исторические корни изучаемого явления и на конкретных примерах из законодательства и судебной практики, демонстрируя целесообразность упрощенных процедур, которые используются в различных формах в разных странах мира [6, с. 88].

В римском праве впервые были разработаны и с юридической точностью определены многочисленные понятия, касающиеся материальных и формальных аспектов судебного процесса. Римское право является настолько классическим выражением условий жизни и конфликтов общества, в котором преобладает частная собственность, что никакое последующее законодательство не смогло внести в него существенных улучшений.

Древнеримское право не различало материальную и процессуальную отрасли. Процессу-

альные вопросы были разработаны в римском законодательстве очень подробно и глубоко, что привело к сохранению многих норм на протяжении веков и их пересмотру, что составляет основу процессуального права в странах романо-германской правовой семьи (например, применялись институты судебного представительства, доказательств и исков; состязательное производство, дискреционное производство и обжалование решений судов).

В римском законодательстве различных периодов были предусмотрены возможности упрощения и сокращения судебных процессов, определяемые объективной необходимостью максимизации экономии средств и времени и, следовательно, повышения эффективности и скорости правовой защиты [3, с. 345].

При сравнении российского судебного производства с древнеримским упрощенным процессом можно говорить лишь об определенном сходстве, «прототипе» и некоторых общих чертах, которые не подразумевают идентичности правовых явлений.

Судебная форма правовой защиты в Риме существенно отличалась от современной судебной формы защиты прав и законных интересов по российскому праву. «Любой, кто хотел отстоять свои права, должен был знать, может ли он использовать судебный процесс и какой именно. Само по себе право не имело значения; его нельзя было обеспечить юридическими средствами просто потому, что это было право.

В процессе законодательного производства возможность судебной защиты нарушенного права зависела от точного выполнения строго формальных требований при подаче иска, тогда как в процессе формульного производства это зависело от неограниченной свободы действий претора, который мог вынести или отклонить формулу. Избранный судья должен был вынести решение по делу в соответствии с формулой. Под влиянием этой правовой системы римляне развили представление о праве как, о праве на иск; представление, которое не допускало разделения между юридической наукой и процессуальным правом».

Выделим несколько аспектов упрощения судебных процедур в римском праве. Первый аспект. Сам путь, пройденный римскими судебными процессами от процесса законодательного производства к процессу формульного производства, а затем к чрезвычайному процессу, служит примером постепенного упрощения процессуальной формы. Процесс законодательства (*Per legis actiones*) был характерен для республиканского периода (до 120 г. до н.э.). Он отличался чрезвычайно сложным ритуалом (при котором требования сторон друг к другу должны были быть точно выражены словами соответствующего закона; несоблюдение этого влекло за собой проигрыш дела; совершались специальные символические действия) и разделением процедуры на два этапа:

in iure и *in iudicio* [8, с. 112].

Второй аспект. Древнеримское право предусматривало возможность упрощения процедуры непосредственно в рамках вышеупомянутых форм судебного разбирательства. В случае признания требования не может быть и речи о какой-либо специальной процедуре взыскания: более того, процедура взыскания должна завершаться решением. *Confessio in iure*, с другой стороны, подразумевало исполнительный лист. Кроме того, решающее значение имеет отсутствие судебного разбирательства (поскольку отсутствует этап *iudicium*) и отсутствие требования вообще (претор не предъявлял требования, взыскание производилось исполнительным листом).

Третий аспект. В римском праве существовали особые средства защиты прав, которые применялись преторами. К ним относились интердикты и *restitutio in integrum* (восстановление в первоначальном положении). Преторские интердикты можно считать прототипами исполнительного листа.

В Венгрии введение исполнительного листа было в первую очередь направлено на повышение дисциплины подсудимых.

История развития аналогов судебного производства в России восходит к принятию Гражданского процессуального кодекса в 1864 году. Однако, если говорить об упрощении гражданского процесса в российском праве в более широком смысле, следует упомянуть более ранний период – XIV и XV века, когда стремление максимально упростить процесс привело к появлению так называемых внесудебных хартий. Это упрощение заключалось в том, что в состязательном процессе, инициированном иском истца, в определенных ситуациях дело могло быть разрешено по существу специальным судебным актом, без процесса доказывания и судебного разбирательства. Функцию такого акта, по-видимому, выполняла внесудебная хартия. Информация о ней, хотя и крайне скудная, содержится в Псковской и Новгородской судебных хартиях, кодексах 1497 и 1550 годов и ряде других актов той эпохи [5, с. 277].

Судебник 1497 года не являлся отдельным законопроектом или документом, подлежащим защите; это универсальный государственный закон «о суде, по решению, бояр, окольничих и других судей по всему Московскому государству». Этот документ стал первым уставом, использовавшимся судебными органами того времени. Помимо правовых норм, содержащих тексты уголовного и уголовно-процессуального права, Судебник также содержал нормы гражданского права, которые определяли порядок заключения договоров купли-продажи, займов, аренды, наследования и разрешения споров, возникающих по поводу земли.

Свод законов 1497 года стал важнейшим правовым документом того времени и включал правовые нормы уголовного права и уголовного про-

цесса.

В.Н. Татищев, комментируя текст Свода законов, отмечает, что последствиями выдачи ордера без суда были следующие: истец, получивший такой ордер против ответчика, имел «право арестовать его где угодно и привлечь к суду для правосудия и наказания», а также «свободно избивать и грабить его, но не убивать и не разрушать его дом». [6, с. 89] Эта последняя формулировка, по сути, является архаичным выражением права на взыскание долга с должника, предоставленного государством кредитору в выданном ему ордере без суда.

Так называемый «расчет без суда» был также предусмотрен в Соборном кодексе 1649 года, положения которого более точно определяют условия, при которых мог быть выдан ордер без суда, и — что очень важно указывают, что ордер без суда мог быть выдан и ответчику, если истец не явился на судебное заседание. Если ответчик, вызванный судебным приставом, явился в суд вовремя, но истец не подал против него ходатайство в течение недели после подачи повестки, истец терял право на подачу иска. Если ответчик, вызванный повесткой, явился в суд вовремя, но истец не явился в суд в течение этого времени или в течение недели после этого времени, истец также терял право на подачу иска.

Вскоре после принятия Соборного кодекса 1649 года законодательный орган отменил внесудебное взыскание. Во многих случаях, был случай невинной неявки участников судебного процесса. Но полная отмена обвинения в неявке, в свою очередь, привела к многочисленным злоупотреблениям: бесконечной, злонамеренной бюрократии и разорению участников судебных процессов. Следовательно, в 1685 году были изданы Судебные статьи, которые восстановили прежнее обвинение в неявке с некоторыми незначительными поправками к Соборному кодексу».

Упрощение судебного процесса посредством внесудебного осуждения стороны, не явившейся на судебное заседание, в определенной степени можно считать прототипом современных судебных процессов заочно и судебных разбирательств по ходатайствам, но это относится только к наиболее общим чертам. Приведем мнение О. И. Чистыкова, отвергающее смешение процедуры вынесения внесудебного постановления и заочного производства, представляется вполне оправданным: «При таком понимании неявки объединение процедуры вынесения заочного решения было бессмысленным, поскольку независимо от исхода неявки с учетом обстоятельств дела, право присуждалось стороне, явившейся в суд. Более того, впоследствии неявившийся стал приравнен к тому, кто признался в суде» [4, с. 405].

Внесудебное осуждение, формализованное во внесудебных постановлениях, представляет собой первый шаг российских законодателей к созданию специальных норм судебного процес-

са — более коротких и экономичных, чем общие нормы.

Во второй половине XIX века в России был сделан следующий шаг в реформировании гражданского судопроизводства: рассмотрение бесспорных дел было отделено от рассмотрения спорных дел. Это произошло в результате судебной реформы Александра II, утверждённой 20 ноября 1864 года.

Цель реформы — изменить порядок гражданского судопроизводства, ввести гласность, устность и состязательность, отделить суд от администрации.

Основу судебной реформы составили четыре закона: «Учреждение судебных установлений», «Устав гражданского судопроизводства», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями».

Бесспорные обязательства и действия имели такое же значение, как и судебные решения, и должны были исполняться полицией быстро и строго. Однако на практике эти абстрактные правила оказались совершенно несостоятельными: признание спорных прав все еще могло быть достигнуто через суды, но в исполнении судебных решений и взыскании долгов в бесспорных случаях возникали бесконечные задержки [5, с. 188].

В 1890 году Министерство юстиции подняло вопрос о распространении процедуры принудительного взыскания на дела, связанные со взысканием на действия, совершенные в судах общей юрисдикции и перед мировыми судьями. Однако Государственный совет счел более целесообразным не сильно отклоняться от состязательного принципа, закрепленного в Уставе, и поручил министру юстиции лишь упростить сокращенную процедуру.

Процедура упрощенного судопроизводства была введена в гражданский процесс законом 3 июня 1891 года [2] и подлежала применению только судебными органами.

Высокий уровень развития теории упрощения гражданско-процессуальных форм в трудах дореволюционных ученых — процессуалистов и эффективности принудительного исполнения правовых актов — предопределил закрепление аналогичного института в первом Гражданском процессуальном кодексе СССР 1923 года (Гражданский процессуальный кодекс РСФСР). Термин «судебный приказ», который мы используем сегодня, впервые появился именно в нем. Глава 24 Гражданского процессуального кодекса РСФСР называлась «О выдаче судебных приказов на основании актов» и содержала 10 статей (статьи 210-219).

Согласно статье 210, судебные приказы применялись для взыскания денежных средств или требований о возврате или передаче имущества на основании:

- а) протестованных векселей;
- б) актов, для которых установлен обязатель-

ный нотариальный порядок исполнения или заверения, подлежащий исполнению;

с) все виды мировых соглашений, заключенных в судах;

д) соглашения о размере алиментов на содержание детей и супругов, заключенные в порядке, предусмотренном Кодексом законов о гражданском состоянии;

д) расчетные книжки.

Немного позже, постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР от 16 ноября 1925 года, перечень требований был дополнен пунктами «е» и «г». С тех пор вынесение судебного решения могло также основываться на:

е) документах, устанавливающих неисполнение должниками и их поручителями обязательств по займам, полученным от сельскохозяйственных кооперативов с кредитными функциями и от потребительских обществ;

г) документы, подтверждающие просрочку платежей по согласованным платежам по индивидуальным товарным займам, полученным должниками от потребительских обществ и союзов потребительских обществ».

Перечень требований, изложенный в статье 210 Гражданского процессуального кодекса РСФСР, не был исчерпывающим. Выдача судебных приказов допускалась в ряде других случаев, не предусмотренных Кодексом.

Согласно статье 43 Устава Центрального сельскохозяйственного банка СССР от 15 февраля 1924 года, требования Банка, основанные на договорах и обязательствах, заключенных или выданных по депозитам, займам и комиссионным операциям Банка, разрешались путем выдачи судебных приказов.

Судебный приказ имел силу исполнения. Судебный пристав делал запись о произведенных взысканиях по самому акту; если обязательство, содержащееся в документе, было полностью исполнено взысканием, должнику выдавался оригинал документа (статья 218) [5, с. 267].

Судебный приказ мог быть обжалован в общей кассационной процедуре, начиная с момента получения должником извинения за исполнение, а для истца — с момента вынесения судом решения. В удовлетворении ходатайства было отказано (статья 219).

Советские юристы признавали общность правовых институтов судебного постановления и исполнительного приказа и отмечали, что нотариусы при выдаче исполнительных приказов часто опирались на правила выдачи судебных постановлений, изложенные ранее в Гражданском процессуальном кодексе.

После принятия «Основ гражданского процессуального права» СССР в 1961 году в развитии гражданско-процессуального права возникла тенденция к освобождению суда от рассмотрения исков, в которых не было фактического спора о

праве. Так, в 1968 году «Основы брачно-семейного законодательства» разрешили административный развод при взаимном согласии супругов и отсутствии несовершеннолетних детей.

Еще раньше, в 1967 году, законодатель предусмотрел возможность внесудебного взыскания алиментов по требованию плательщика.

Ограничение права на судебную защиту прав и институтов не воспринималось как нарушение прав граждан, а рассматривалось как прогрессивное явление, ускоряющее защиту и снижающее бремя для суды. Во-первых, «судебная защита в ряде случаев обеспечивается для прав и интересов, которые могут быть полностью защищены внесудебным путем», и, во-вторых, «государство и общество в целом совершенно не заинтересованы в том, чтобы заинтересованная сторона привлекала правонарушителя к суду в каждом случае гражданского правонарушения». Интерес общества, по-видимому, должен заключаться в том, чтобы нарушитель восстановил свои нарушенные права без судебного вмешательства...»

М.С. Шакарян считал, что «бесспорные дела, такие как дела о взыскании алиментов в случаях, когда ответчик не возражает против выплаты в размере, установленном законом, должны быть выведены из юрисдикции суда. В таких случаях взыскание алиментов может осуществляться на основании исполнительного листа или нотариального распоряжения» [9].

Перспективы оптимизации судебной юрисдикции были видны в освобождении судов «от рассмотрения дел, которые в силу своего бесспорного характера не требуют судебной защиты».

Несмотря на это развитие процессуальной мысли, в середине 1980-х годов в национальном законодательстве появился аналог судебного процесса. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 февраля 1985 года «О некоторых изменениях в порядке взыскания алиментов на несовершеннолетних» в судебную практику был введен упрощенный порядок взыскания алиментов на несовершеннолетних. При отсутствии спора народный судья рассматривал заявление о взыскании алиментов без возбуждения гражданского дела.

Согласно Постановлению от 20 февраля 1985 года, народный судья может рассматривать иск о взыскании алиментов только при отсутствии спора. Это означает, что если должник возражает против взыскания алиментов, или если с него уже взыскиваются алименты на других детей, или если вычеты производятся по другим исполнительным листам, иск должен рассматриваться в судебном порядке.

С принятием Конституции Российской Федерации в 1993 году и обновлением всего законодательства, регулирующего защиту гражданских прав (прежде всего, принятием Части I Гражданского кодекса Российской Федерации), первый подход стал неприемлемым, поскольку в некото-

рых случаях означал лишение физических и юридических лиц возможности прямого обращения в суд. Это обстоятельство привело к существенным изменениям в гражданско-процессуальном законодательстве. Гражданско-процессуальная форма нуждается в логическом балансе с современными правовыми реалиями [1].

Таким образом, история судебного производства в России, начавшаяся во второй половине прошлого века и прерванная на рубеже 1920-х и 1930-х годов, продолжается до наших дней.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. 28 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2021 г. № 11-ФКЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

[2] Закон об упрощенном и сокращенном порядках судопроизводства // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1891. № 45. Ст. 671

[3] Исаев И. А. История государства и права России: учебник / И. А. Исаев. – М.: Юристъ, 2021. – 648 с.

[4] История отечественного государства и права: учебник для академического бакалавриата: в 2-х ч. / О.И. Чистяков. – 5-е изд., перераб. и доп.. – М.: Юристъ, 2024. – 845 с.

[5] Омельченко Н.А. История государственного управления в России / Н.А.Омельченко - М.: Юристъ, 2022. – 477 с.

[6] Татищев В.Н. Цит. по: Российское законодательство 10-20 вв. Т 2. / В.Н. Татищев - М.: Юристъ, 2023. – с. 136.

[7] Исторические предпосылки и источники создания Судебника 1497 года // [Электронный ресурс] – URL: <http://historynotes.ru/sudebnik-ivana-3/> (дата обращения: 19.07.2026).

[8] Черемин М.А. Приказное производство в российском гражданском процессе. - М., М.: Юристъ, 2022. – 456с.

[9] Шакарян М.С. Учение о сторонах в гражданском процессе. М., Юристъ, 1983. – с. 59.

[10] История создания Судебников 1497 и 1550 г // [Электронный ресурс] – URL: [http://vur-](http://vur-05-1.narod.ru/istotgp/22.htm)

05-1.narod.ru/istotgp/22.htm (дата обращения: 19.07.2026).

[11] Судебник 1497 года // [Электронный ресурс] – URL: <http://law.pp.ru/iogp/sudebnik-1497> (дата обращения: 19.07.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by nationwide vote on December 12, 1993 [as amended by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008, No. 6-FKZ; December 30, 2008, No. 7-FKZ; February 5, 2014, No. 2-FKZ; and July 21, 2021, No. 11-FKZ] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31. – Art. 4398.

[2] Law on Simplified and Expedited Judicial Procedures // Collection of Enactments and Government Orders. 1891. No. 45. Art. 671.

[3] Isaev I. A. History of the State and Law of Russia: Textbook / I. A. Isaev. – Moscow: Yurist, 2021. – 648 p.

[4] History of the Domestic State and Law: Textbook for Academic Bachelor's Programs: in 2 parts / O. I. Chistyakov. – 5th ed., rev. and suppl. – Moscow: Yurist, 2024. – 845 p.

[5] Omelchenko N. A. History of Public Administration in Russia / N. A. Omelchenko. – Moscow: Yurist, 2022. – 477 p.

[6] Tatishchev V. N. Cited in: Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. Vol. 2 / V. N. Tatishchev. – Moscow: Yurist, 2023. – p. 136.

[7] Historical Background and Sources of the Creation of the Sudebnik of 1497 // [Electronic resource] – URL: <http://historynotes.ru/sudebnik-ivana-3/> (accessed: 19.07.2026).

[8] Cheremin M.A. Order-Based Proceedings in Russian Civil Procedure. – Moscow: Yurist, 2022. – 456 p.

[9] Shakaryan M.S. The Doctrine of Parties in Civil Procedure. – Moscow: Yurist, 1983. – p. 59.

[10] History of the Creation of the Sudebniks of 1497 and 1550 // [Electronic resource] – URL: <http://vur-05-1.narod.ru/istotgp/22.htm> (accessed: 19.07.2026).

[11] The Sudebnik of 1497 // [Electronic resource] – URL: <http://law.pp.ru/iogp/sudebnik-1497> (accessed: 19.07.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-6724-2026-3-94-98

Дата принятия рукописи в печать: 10.09.2026 г.

БОРОВИКОВА Анастасия Александровна,
магистрант, Северо-Западный филиал федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ИНСТИТУТ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ «БРОШЕННЫХ» КОМПАНИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу института субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам юридических лиц, исключенных из ЕГРЮЛ в административном порядке, а также тех, которые формально продолжают действовать, но фактически являются «брошенными». Рассматриваются статистические тенденции, правовая природа ответственности, эволюция судебной практики, обозначаются дискуссионные вопросы и перспективы дальнейшего развития института. Особое внимание уделяется новейшим разъяснениям Верховного суда РФ.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, контролирующие лица, недействующее юридическое лицо, исключение из ЕГРЮЛ, общество с ограниченной ответственностью, деликтная ответственность, бремя доказывания, презумпция вины.

BOROVIKOVA Anastasia Alexandrovna,
Master's student, North-Western Branch of the
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
Saint Petersburg, Russia

THE LEGAL MECHANISM OF SUBSIDIARY LIABILITY OF CONTROLLING PERSONS FOR THE OBLIGATIONS OF “ABANDONED” COMPANIES

Annotation. The article analyzes the legal mechanism of subsidiary liability imposed on controlling persons for the obligations of legal entities that have been administratively removed from the Unified State Register of Legal Entities (USRLE), as well as those that formally remain active but are effectively “abandoned.” The author examines statistical trends, the legal nature of such liability, and the evolution of judicial practice, while highlighting controversial issues and prospects for the future development of this legal mechanism. Particular attention is paid to the latest clarifications issued by the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: subsidiary liability, controlling persons, inactive legal entity, removal from the USRLE, limited liability company, tort liability, burden of proof, presumption of fault.

Институт субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ в административном порядке, является одним из наиболее динамично развивающихся направлений отечественного корпоративного права. Статистические данные наглядно демонстрируют масштаб проблемы: количество организаций, прекративших деятельность в связи с исключением из реестра по решению регистрирующего органа, в 2025 году достигло 206,2 тыс., что на 20,4% превысило показатель предыдущего года.^[1] При этом значительная часть таких субъектов исключается как недействующие, то есть в течение 12 месяцев не представляющие отчетность и не осуществляющие операций по банковским счетам. Подобная практика создает благоприятную почву для зло-

употреблений, когда недобросовестные участники оборота фактически «бросают» компании с непогашенными долгами, рассчитывая на их административное исключение из ЕГРЮЛ без проведения ликвидационных процедур. Именно на противодействие таким явлениям направлен рассматриваемый правовой механизм, закрепленный в п. 3.1 ст. 3 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее - ФЗ «Об ООО») и п. 3 ст. 64.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) (далее - ГК РФ).

Данные за первое полугодие 2026 года свидетельствуют о некотором замедлении административной ликвидации недействующих компаний: по сравнению с аналогичным периодом 2025 года

количество исключенных из ЕГРЮЛ по решению ФНС снизилось на 13,1% (со 117,0 тыс. до 101,7 тыс.), из них как недействующие – на 43,2% (с 21,5 тыс. до 12,2 тыс.).[2] Тем не менее проблема «брошенного бизнеса» сохраняет остроту, а Верховный Суд РФ в Обзоре практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.11.2025 года (далее - Обзор от 19.11.2025 года) констатировал, что «брошенные» и не ликвидированные компании с долгами более не являются безопасным «щитом» для тех, кто сознательно довел их до такого состояния.

Пункт 3.1 ст. 3 Закона «Об ООО» вступил в силу летом 2017 года. Его появление стало закономерной реакцией на широкое распространение практики уклонения от ликвидации корпораций, имевших задолженность перед кредиторами, а также механизмом борьбы с фирмами-однодневками. Как отметил Конституционный Суд РФ в Постановлении Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 N 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук», обосновывающий предпосылки зарождения анализируемого института, завершение деятельности юридического лица через полноценные ликвидационные процедуры сопряжено со значительными временными и финансовыми издержками, что стимулирует контролирующих лиц к бездействию и последующему административному исключению компании из реестра. Такой способ прекращения правосубъектности, минуя необходимые для защиты кредиторов стадии, не может рассматриваться как добросовестное поведение.

Важно отметить, что специальная норма п. 3.1 ст. 3 Закона «Об ООО» очевидно применяется только к обществам с ограниченной ответственностью. В отношении иных организационно-правовых форм, прежде всего акционерных обществ, судебная практика порой использует аналогию и ссылается на более общую норму п. 3 ст. 64.2 ГК РФ, который устанавливает правило о возможности привлечения к ответственности контролирующих лиц при исключении недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ. Однако единообразный подход пока не сложился. Причины внедрения анализируемого механизма только для одной организационно-правовой формы авторы видят по-разному: одни высказывают предположение, что для акционерных обществ механизм неприменим, так как они являются в первую очередь объединением капиталов, другие полагают, что это связано с более простым способом учреждения обществ с ограниченной ответственностью и соответственно с большими возможностями их «бросить», третьи объясняют указанное спешкой законодателя в реагировании на массовые злоу-

потребления связанные, именно с обществами с ограниченной ответственностью.[1; 2; 3]

Ответственность, предусмотренная п. 3.1 ст. 3 Закона «Об ООО», по своей правовой природе является деликтной. Однако первоначально судебная практика воспринимала ее как полноценную разновидность субсидиарной ответственности, применяя к ней правила п. 1 ст. 399 ГК РФ: сам факт исключения недействующего общества из ЕГРЮЛ рассматривался как отказ основного должника от исполнения обязательства и фактически презюмировал недобросовестность и неразумность бездействия контролирующих лиц, выразившегося в несдаче отчетности и отсутствии операций по счетам. Однако Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30 января 2020 г. № 306-ЭС19-18285 по делу № А65-27181/2018 такой подход был скорректирован. Теперь ответственность по данной норме воспринимается как ответственность за причинение вреда, а потому требует доказывания недобросовестности или неразумности действий (бездействия) контролирующих лиц. Конституционный Суд РФ в Определении от 26 марта 2020 г. № 630-О Конституционный Суд и Постановлениях от 21.05.2021 г. № 20-П и от 07.02.2023 г. № 6-П указывал, что анализируемый механизм выступает мерой гражданско-правовой ответственности, направленной на защиту нарушенных прав кредиторов и восстановление их имущественного положения, а для ее возложения необходимо установление всей совокупности условий деликта.

При этом специфика состава проявляется в том, что противоправность, как правило, выражается не в активных действиях, а в недобросовестном и неразумном бездействии: неисполнении обязанности по ликвидации, несдаче отчетности, непринятии мер по погашению задолженности и воспрепятствованию исключению общества из реестра. Вред заключается в утрате кредитором возможности получить удовлетворение за счет имущества должника, которое могло быть выявлено и реализовано в ходе ликвидации. Причинная связь выражается в бездействии контролирующего лица и наступившей невозможности расчетов с кредиторами. При этом, как было уточнено ВС РФ в Определении от 30 января 2020 г. № 306-ЭС19-18285 по делу № А65-27181/2018, необходима совокупность трех составляющих, так как само по себе исключение юридического лица из ЕГРЮЛ в результате действий (бездействия) контролирующего лица или само по себе неисполнение обязательств перед кредитором не является достаточным для возложения ответственности.

Вина может существовать в форме умысла или неосторожности, но в правоприменительной практике акцент смещается на установление фактов недобросовестности или неразумности поведения, что фактически совпадает с объективной стороной.

Первоначально суды подходили к распреде-

лению бремени доказывания по данной категории споров формально, исходя из положений ст.15 ГК РФ, возлагая на истца обязанность доказать все элементы состава правонарушения, включая недобросовестность действий ответчика и причинную связь. Такое положение создавало значительные трудности для кредиторов, поскольку они, как правило, не обладали доступом к внутренней документации должника и информации о его хозяйственной деятельности. В результате процент удовлетворения требований оставался крайне низким: по некоторым оценкам, около 80% исков отклонялось.

Переломным стало принятие Постановления Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 № 20-П. Суд указал, что для кредиторов - физических лиц, чьи требования не связаны с предпринимательской деятельностью и подтверждены судебными актами, доказывание неразумности и недобросовестности действий контролирующих лиц объективно затруднено. В связи с этим была сформулирована опровержимая презумпция: предполагается, что именно бездействие контролирующих лиц привело к исключению корпорации из ЕГРЮЛ и, как следствие, к невозможности исполнения обязательств перед кредитором, пока не доказано иное.

Позднее, в Постановлении от 07.02.2023 № 6-П Конституционный Суд РФ распространил подобный подход и на кредиторов - субъектов предпринимательской деятельности, указав, что при установлении недобросовестного процессуального поведения контролирующих лиц бремя доказывания отсутствия оснований ответственности переходит на ответчика.

Верховный Суд РФ, развивая эти правовые позиции, в серии Определений (от 15.12.2022 № 305-ЭС22-14865, от 26.04.2024 № 305-ЭС23-29091, от 27.06.2024 № 305-ЭС24-809, от 30.05.2025 № 305-ЭС24-24568) сформулировал устойчивый подход, закрепленный впоследствии в Обзоре от 19.11.2025 года. В настоящее время кредитор при обращении с иском о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица обязан доказать: наличие и размер задолженности, признаки, характеризующие должника как недействующее (фактически прекратившее деятельность) юридическое лицо, статус ответчика как контролирующего лица. После представления таких доказательств, а также при наличии убедительной совокупности косвенных доказательств, свидетельствующих о недобросовестности поведения ответчика, бремя опровержения переходит на контролирующее лицо. Последнее должно раскрыть документы, объяснить причины неисполнения обязательств и прекращения деятельности, доказать, что его поведение не выходило за пределы обычного предпринимательского риска и не было направлено на нарушение прав кредиторов. При отказе от дачи пояснений или явной их не-

полноте суд вправе исходить из презумпции вины ответчика.

Таким образом, распределение бремени доказывания в рассматриваемой категории споров трансформировалось от классического подхода к динамической модели, учитывающей информационную асимметрию и процессуальные возможности сторон. Тем самым институт субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица перестал быть лишь нормативной декларацией, превратившись в действенный инструмент защиты прав кредиторов.

Ответчиками по искам о привлечении к субсидиарной ответственности на основании п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» выступают лица, перечисленные в пп. 1-3 ст. 53.1 ГК РФ: единоличный исполнительный орган (директор), члены коллегиальных органов управления, а также лица, имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица (участники, конечные бенефициары, «теневые» руководители).

При этом сам по себе статус участника и директора не презюмирует вину в невозможности погашения долга (п.6 Обзора). Данный вывод имеет особое значение для единственного участника, одновременно выполнявшего функции единоличного исполнительного органа, поскольку именно такие лица в рассматриваемой категории споров чаще всего оказываются наиболее уязвимыми. С одной стороны, кредитору проще всего строить доказательственную базу против лица, совмещавшего статусы, а с другой – общее правило о перераспределении бремени доказывания, обусловленное информационной асимметрией, ставит таких ответчиков в заведомо сложное положение.

Обзор от 19.11.2025 года обращает особое внимание на следующие категории субъектов ответственности:

- миноритарные участники (по общему правилу не признаются контролирующими лицами, если их фактическое влияние на деятельность общества не доказано);

- номинальные директора (могут быть привлечены к ответственности, если их действия способствовали исключению общества из реестра без расчетов с кредиторами, однако при активном содействии выявлению реального контролирующего лица размер ответственности может быть снижен либо лицо освобождается от нее).

Споры о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам исключенного юридического лица рассматриваются арбитражными судами в порядке искового производства как корпоративные споры, что отражено в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46. Подсудность определяется по месту нахождения юридического лица до его исключения из ЕГРЮЛ, если запись о месте нахождения не признана недостоверной; в противном случае спор рассматривается по предыдущему месту нахождения (п.18 Обзора от 19.11.2025

года). Указанное обусловлено тем, что спор вытекает не из личных обязательств контролирующего лица, а из обязательств корпорации. Такой подход обеспечивает доступность доказательств (более быстрое истребование доказательств, например, в ФНС, где корпорация стоит на учете) и предотвращает попытки искусственного изменения подсудности, можно сказать «банкротного туризма» во внебанкротных делах.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о действии п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» во времени. Первоначально судебная практика исходила из того, что указанная норма, вступившая в силу 30.07.2017 года, не применяется к обязательствам, возникшим до этой даты, в силу общего принципа недопустимости обратной силы закона. Такой подход нашел отражение в определениях ВС РФ (например, Определениях от 20.12.2021 № 301-ЭС21-23669, от 02.08.2021 № 305-ЭС21-11796, от 30.07.2021 № 305-ЭС21-11701). Однако впоследствии правовая позиция была пересмотрена. В пункте 9 Обзора от 19.11.2025 года Верховный Суд РФ разъяснил, что контролирующие лица могут быть привлечены к субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица и в том случае, если задолженность перед кредитором возникла до вступления в силу п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО». Суд обратил внимание на п. 3 ст. 64.2 ГК РФ, который действовал и до появления нормы в специальном законе и не исключал возможности привлечения контролирующих лиц к ответственности в форме возмещения кредиторам убытков, причиненных исключением юридического лица из ЕГРЮЛ.

Долгое время оставался неразрешенным вопрос о необходимости предварительного подтверждения убытков в судебном порядке. Иногда суды разрешали вопрос в пользу кредиторов, освобождая от необходимости просуживания задолженности. Обзор от 19.11.2025 года внес определенность в вопрос о необходимости предварительного судебного подтверждения долга, разъяснив, что наличие вступившего в законную силу судебного акта о взыскании долга с самой компании не является обязательным условием для предъявления иска к контролирующим лицам. Кредитор вправе доказать факт и размер долга непосредственно в процессе о привлечении к субсидиарной ответственности. Указанное представляется верным с точки зрения деликтной природы правоотношения. Однако, как правило, наличие подтвержденного требования существенно облегчает доказывание.

Важное значение для практики имеет и позиция высшей судебной инстанции о том, что неподдача кредитором возражений против исключения должника из ЕГРЮЛ не образует основания для освобождения контролирующего лица от ответственности или уменьшения ее размера. Как разъяснено в п. 4 Обзора от 19.11.2025 года, такая пассивность кредитора является лишь реали-

зацией его процессуального усмотрения и не влияет на оценку поведения контролирующего лица. Кредитор не должен нести неблагоприятные имущественные последствия того, что он не смог помешать контролирующим лицам «бросить» бизнес и уклониться от расчетов.

Срок исковой давности по требованиям о привлечении к субсидиарной ответственности начинает течь не с даты исключения компании из ЕГРЮЛ, а с момента, когда кредитор фактически узнал или должен был узнать о наличии оснований для привлечения контролирующих лиц к указанной ответственности (п.10 Обзора от 19.11.2025 года). Указанное положение снимает сложность в определении точки отсчета срока давности, о которой упоминается в доктрине.[4]

До недавнего времени правоприменительная практика связывала возможность обращения с иском о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности с фактом исключения должника из ЕГРЮЛ. Однако такой формальный подход создавал возможность для недобросовестных лиц искусственно затягивать процедуру исключения, поддерживая видимость деятельности, подавать возражения на предстоящее исключение, пытаясь не допустить ликвидации. В Определении СКЭС ВС РФ от 21.02. 2025 года №305-ЭС24-22290, а впоследствии и в п. 7 Обзора от 19.11.2025 года, Верховный Суд РФ прямо указал, что если юридическое лицо фактически прекратило деятельность, отвечает признакам недействующего (длительное непредставление отчетности, отсутствие операций по счетам, недостоверные сведения о нем и т.п.), но еще не исключено из реестра, кредитор вправе обратиться с иском к контролирующим лицам, не дожидаясь формального исключения. Применяя телеологическое толкование, высший судебный орган, по сути, отступил от буквального смысла п. 3.1 ст. 3 ФЗ «Об ООО» (толкование *contra legem*), указав, что фактически недействующее юридическое лицо, хотя и не исключенное из ЕГРЮЛ, экономически тождественно ликвидированному, в силу чего отсутствуют основания для пониженной правовой защищенности его кредиторов по сравнению с кредиторами уже исключенных из реестра организаций.

Кроме того, судебная практика распространила возможность предъявления иска к контролирующим лицам и на случаи, когда должник формально еще не исключен из ЕГРЮЛ и даже может сохранять признаки хозяйственной деятельности, однако имеются обстоятельства, свидетельствующие о недобросовестном использовании корпоративной формы. К таким обстоятельствам относятся: продолжение получения должником доходов при уклонении от погашения задолженности, недостоверные сведения о юридическом лице, перевод должником денежных средств третьим лицам с целью уклонения от расчетов с кредитором, вывод активов компании на сче-

та контролирующего лица, перевод бизнеса на аффилированную компанию, в результате чего прежнее юридическое лицо утрачивает способность исполнять обязательства перед кредиторами. В подобных ситуациях суды исходят из того, что сохранение формальной записи в реестре не должно препятствовать восстановлению прав кредиторов, если фактически имущественная база должника сформирована или выведена под контролем лица, привлекаемого к ответственности.

Анализ развития законодательства и судебной практики показывает, что субсидиарная ответственность по обязательствам исключенного (недействующего) юридического лица превратилась из узко специализированного инструмента в полноценный механизм защиты кредиторов, активно применяемый в условиях роста числа административно ликвидируемых компаний. Произошло существенное смягчение бремени доказывания для кредиторов и распространение механизма на случаи фактического прекращения деятельности до формального исключения из реестра. Вместе с тем сохраняется ряд дискуссионных вопросов, касающихся непосредственно этого вида ответственности, в частности, о допустимости применения нормы к акционерным обществам, о пределах ответственности номинальных руководителей и миноритариев, об оптимальном распределении бремени доказывания с учетом принципа равенства сторон, о соотношении внебанкротной субсидиарной ответственности с другими видами ответственности, а также ряд вопросов, касающихся института ответственности контролирующих лиц в целом, например, о доказывании фактического контроля, о разграничении добросовестного и недобросовестного поведения. Дальнейшее совершенствование данного института должно быть направлено на обеспечение баланса интересов

кредиторов и добросовестных контролирующих лиц, исключая как чрезмерную защиту последних, так и необоснованное возложение на них рисков, не связанных с их виновным поведением.

Список литературы:

- [1] Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: монография. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2023. 432 с.
- [2] Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д.В. Ломакин. Москва: Статут, 2021. 414 с.
- [3] Филипенко Н.В. Внебанкротная субсидиарная ответственность лиц, контролировавших общество с ограниченной ответственностью // Арбитражные споры. 2023. № 1. С. 38–69.
- [4] Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / О.А. Беляева, С.А. Бурлаков, М.М. Вильданова и др.; отв. ред. О.В. Гутников. Москва: ИЗиСП, Статут, 2021. 528 с.

References:

- [1] Andreev V.K., Laptev V.A. Corporate Law of Modern Russia: A Monograph. 3rd ed., revised and supplemented. Moscow: Prospekt, 2023. 432 p.
- [2] Twenty-Five Years of the Russian Joint-Stock Company Law: Problems, Tasks, and Development Prospects / Ed. by D.V. Lomakin. Moscow: Statut, 2021. 414 p.
- [3] Filipenko N.V. Subsidiary Liability of Persons Controlling a Limited Liability Company Outside of Bankruptcy Proceedings // Arbitration Disputes. 2023. No. 1. P. 38–69.
- [4] Modern Corporate Law: Current Issues of Theory and Practice: A Monograph / O.A. Belyaeva, S.A. Burlakov, M.M. Vildanova et al.; Ed. by O.V. Gutnikov. Moscow: IZiSP, Statut, 2021. 528 p.

ГОЛЕВ Игорь Борисович,
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
магистрант кафедры гражданского права,
арбитражный управляющий,
e-mail: golevigor@mail.ru

ОТ ФОРМАЛЬНЫХ (СУБЪЕКТИВНЫХ) ПРИЗНАКОВ К ОБЪЕКТИВНОМУ БАНКРОТСТВУ: ПРИЗНАКИ БАНКРОТСТВА И ПРОБЛЕМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы определения признаков банкротства юридических лиц и злоупотребления правом в сфере несостоятельности. Автор анализирует существующий механизм признания должника банкротом, основанный на формальных (субъективных) критериях неплатежеспособности, и выявляет его недостатки, связанные с возможностью использования процедуры банкротства в целях давления на должника.

Исследуются правовые механизмы защиты деловой репутации юридических лиц от недобросовестных действий кредиторов, публикуются уведомления о намерении обратиться в суд с заявлением о банкротстве. Особое внимание уделяется понятию объективного банкротства и его отличиям от формальных признаков несостоятельности.

На основе проведенного анализа автор предлагает комплекс изменений в законодательство о банкротстве, направленных на усиление защиты добросовестных должников от злоупотреблений со стороны кредиторов. Предлагаемые изменения включают введение дополнительных критериев оценки платежеспособности должника и уточнение условий возбуждения дела о банкротстве.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования правового механизма предотвращения злоупотреблений в сфере банкротства и защиты интересов добросовестных участников гражданского оборота.

Научная новизна заключается в разработке предложений по совершенствованию законодательства о банкротстве, направленных на переход от формальных критериев к объективной оценке платежеспособности должника.

Ключевые слова: неплатежеспособность, несостоятельность, банкротство, признаки банкротства, объективное банкротство, публикация уведомления о банкротстве, злоупотребление правом, деловая репутация, защита должника.

GOLEV Igor Borisovich,
Russian State University of Justice
Master's student of the Civil Law Department,
insolvency officer

FROM FORMAL (SUBJECTIVE) INDICATORS TO OBJECTIVE INSOLVENCY (BANKRUPTCY): BANKRUPTCY INDICATORS AND PROBLEMS OF ABUSE OF RIGHT

Annotation. The article addresses current problems related to defining the signs of bankruptcy of legal entities and the abuse of rights in the area of insolvency. The author analyses the existing mechanism for declaring a debtor bankrupt, which is based on formal (subjective) criteria of insolvency, and identifies its shortcomings – in particular, the possibility of using the bankruptcy procedure as a tool to exert pressure on the debtor.

The paper examines legal mechanisms for protecting the business reputation of legal entities from unfair actions of creditors, including the publication of notices of intent to file a bankruptcy petition with the court. Particular attention is paid to the concept of objective bankruptcy and its differences from the formal indicators of insolvency.

Based on the analysis, the author proposes a set of amendments to the bankruptcy legislation aimed at strengthening the protection of bona fide debtors against abuse by creditors. The proposed changes include introducing additional criteria for assessing the debtor's solvency and clarifying the conditions for initiating bankruptcy proceedings.

The relevance of the study stems from the need to improve the legal mechanism for preventing abuse

in the bankruptcy sphere and protecting the interests of bona fide participants in civil turnover.

The scientific novelty lies in the development of proposals to improve bankruptcy legislation – specifically, to shift from formal criteria to an objective assessment of the debtor's solvency.

Key words: *insolvency, financial distress, bankruptcy, bankruptcy indicators, objective insolvency (objective bankruptcy), publication of a bankruptcy notice, abuse of right, business reputation, debtor protection.*

Институт банкротства призван обеспечивать баланс интересов должника и кредиторов. В его основе лежат два признака банкротства – недостаточность имущества (объективная невозможность расчётов) и платёжная неспособность (её предположение из-за прекращения платежей).

Действующее регулирование опирается на субъективный критерий неплатёжеспособности, при этом достаточно неисполнения обязательств в течение трёх месяцев, а фактическое превышение долгов над активами не проверяется. Однако для отдельных категорий должников (кредитные организации, стратегические предприятия, субъекты естественных монополий) применяются дополнительные признаки банкротства, которые обеспечивают им преимущества перед обычными юридическими лицами.

Механизм предварительного уведомления о намерении подать заявление о банкротстве нередко используется кредиторами как инструмент давления на должника. Существующие способы защиты (оспаривание уведомлений, защита деловой репутации) на практике малоэффективны.

Актуальность исследования связана с тем, что субъективный критерий банкротства создаёт риски злоупотреблений и не отражает реального имущественного положения должника в условиях публичной отчётности. Цель исследования – обосновать переход к объективному подходу и предложить изменения в нормы Закона о банкротстве для усиления защиты должников и обеспечения баланса интересов сторон.

Для наличия несостоятельности, открывающей конкурсный процесс, можно признать одно из двух начал: недостаточность имущества, т.е. установленное превышение актива над пассивом, или платёжную неспособность, т.е. предполагаемое превышение актива над пассивом. В первом случае мы имеем дело с несомненной невозможностью удовлетворить полностью каждого кредитора, во втором – с неискренностью в исполнении обязательств, внушающей вероятность невозможности удовлетворить полностью каждого кредитора. В первом случае перед нами установленный факт, во втором – предположение. Платёжная неспособность возбуждает предположение недостаточности имущества прекращением платежей, т.е. отсутствием наличных средств для покрытия предъявляемых к исполнению требований. Выражением такого прекращения платежей могут служить циркулярное извещение кредиторов о неимении денег, приглашение их для личного сообщения им этого неприятного известия, протесты векселей, закрытие конторы

заведения, бегство должника из места своего жительства. [1, с. 88].

Экономическое содержание несостоятельности основывается на фактах наличия неисполненного долга, неспособности его исполнить в будущем, а также отсутствия оснований для восстановления платёжеспособности должника [2, с. 50].

В соответствии с пунктом 2 статьи 6 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) производство по делу о банкротстве может быть возбуждено арбитражным судом при условии, что требования к должнику – юридическому лицу в совокупности составляют не менее двух миллионов рублей, а также имеются признаки банкротства, установленные статьей 3 Закона о банкротстве [4].

Для возбуждения производства по делу о банкротстве определяющее значение имеют внешние признаки банкротства, предусмотренные статьей 3 Закона о банкротстве и пунктом 2 статьи 6 Закона о банкротстве [3, с. 27].

В силу пункта 2 статьи 3 Закона о банкротстве юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены.

Для признания банкротом юридического лица достаточно установить факт его неспособности в течение длительного времени (более трех месяцев) удовлетворить требования кредиторов. Иначе говоря, в основании признания юридического лица банкротом лежит критерий неплатёжеспособности, т. е. предполагаемой неоплатности. Фактическое превышение суммы кредиторской задолженности юридического лица над стоимостью его имущества не устанавливается, оно лишь предполагается.

Критерии банкротства юридических лиц предопределяются самой сутью отношений, в которых они участвуют. Коммерческий оборот, активными участниками которого являются юридические лица, прежде всего коммерческие организации, предполагает процедуры, направленные на быстрое разрешение затруднений, отсутствие излишних формальностей, что соответствует интересам как кредиторов, так и экономики в целом [3, с. 19].

При этом для отдельных категорий должников – юридических лиц установлены дополнительные признаки банкротства, которые предоставляют им преимущества. Так, для кредитных организаций, стратегических предприятий и организаций, субъектов естественных монополий установлены следующие признаки банкротства, обеспечивающие им преимущество перед обычными юридическими лицами:

- кредитные организации имеют преимущество в виде дополнительного признака банкротства: «...и (или) стоимость имущества (активов) кредитной организации недостаточна для исполнения ее обязательств перед кредиторами и (или) обязанности по уплате обязательных платежей» (п. 1 ст. 189.8 Закона о банкротстве);

- стратегические предприятия и организации имеют преимущество в виде дополнительного признака банкротства: «...и (или) обязанности не исполнены в течение шести месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены» (п. 3 ст. 190 Закона о банкротстве);

- субъекты естественных монополий имеют преимущества в виде дополнительных признаков банкротства: «...и (или) обязанность не исполнены им в течение шести месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены» (п. 2 ст. 197 Закона о банкротстве); «...требования должны быть подтверждены исполнительным документом и не удовлетворены в полном объеме путем обращения взыскания на имущество должника...» (п. 3 ст. 197 Закона о банкротстве).

При этом пороговые значения задолженности для стратегических предприятий и организаций, субъектов естественных монополий превышают пороговое значение, установленное для обычных юридических лиц в полтора раза. Учитывая то, что такие предприятия обычно являются крупными, то это нельзя рассматривать как преимущество перед обычными юридическими лицами, особенно перед предприятиями, относящимися к сегменту малого и среднего бизнеса.

В соответствии с пунктом 2.1 статьи 7 Закона о банкротстве право на обращение в арбитражный суд возникает у конкурсного кредитора, должника, работника, бывшего работника должника в порядке, установленном пунктом 2 настоящей статьи, при условии предварительного, не менее чем за пятнадцать календарных дней до обращения в арбитражный суд, опубликования уведомления о намерении обратиться с заявлением о признании должника банкротом путем включения его в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц.

Таким образом, для должника, кредиторов, работников и бывших работников действует правило предварительной публикации (не менее чем за 15 календарных дней до обращения в арбитражный суд). Главная цель здесь – предоставить время другим участникам рынка отреагировать. Когда кто-то из этих лиц публикует уведомление

заранее, у других кредиторов, партнёров или самого должника появляются возможности оценить свои финансовые риски, определить порядок дальнейшей работы с партнерами, урегулировать проблемную задолженность для предотвращения банкротства.

То есть публикация работает как «желтый» сигнал светофора: «Внимание, у кредитора/должника имеются намерения подать заявление о банкротстве». По истечении 30 дней сведения в уведомлении утрачивают силу – это работает как «зеленый» сигнал светофора. Однако другие кредиторы и бизнес-партнеры могут воспринимать даже утратившие силу уведомления по-разному.

Однако в практике встречаются недобросовестные кредиторы с относительно небольшими размерами требований к должнику, которые, злоупотребляя своими правами, с целью получения оплаты просроченной задолженности в приоритетном порядке, вместо использования механизма исполнительного производства, опубликовывают уведомления о намерениях подать заявление о признании должника банкротом.

Пунктом 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 40 от 17.12.2024 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года N 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» разъяснено, что судам следует учитывать, что при наличии задолженности в размере, превышающем пороговое значение, неплатежеспособность должника предполагается (абзац тридцать седьмой статьи 2, пункт 2 статьи 6 и пункт 2 статьи 33 Закона о банкротстве). Однако при рассмотрении обоснованности заявления кредитора суд вправе отказать во введении процедуры банкротства, если должник докажет, что он, несмотря на временные финансовые затруднения (например, обусловленные кассовым разрывом), с учетом планируемых поступлений денежных средств сможет исполнить свои обязательства с наступившим сроком исполнения (пункт 1 статьи 6 ГК РФ), абзац тринадцатый пункта 3 статьи 48, абзац седьмой пункта 3 статьи 213.6 Закона о банкротстве).

В практике применения законодательства о банкротстве применяется термин «объективное банкротство», под которым, в частности, понимается критический момент, когда должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей.

При этом отмечается, что неоплата долга кредитором по конкретному договору сама по себе не свидетельствует об объективном банкротстве должника, в связи с чем не может рассматриваться как безусловное доказательство, подтверждающее необходимость обращения его руководи-

теля в суд с заявлением о банкротстве (пункт 19 Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2021)).

Пункт 10 статьи 152 ГК РФ гарантирует судебную защиту в случаях распространения о лицах не только сведений, порочащих их честь, достоинство или деловую репутацию, но также любых распространенных о них сведений, если эти сведения не соответствуют действительности.

В соответствии с частью 1 пункта 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести, достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (далее – ПП ВС РФ от 24.02.2005 № 3) по делам данной категории дел необходимо иметь в виду, что обстоятельствами, имеющими в силу статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации значение для дела, которые должны быть определены судьей при принятии искового заявления и подготовке дела к судебному разбирательству, а также в ходе судебного разбирательства, являются: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности. При отсутствии хотя бы одного из указанных обстоятельств иск не может быть удовлетворен судом.

Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица (ч. 5 п. 7 ПП ВС РФ от 24.02.2005 № 3).

Успешно защитить деловую репутацию (аннулировать уведомление, признать сведения недостоверными) удастся в редких случаях, когда доказано злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ): если публикации осуществляются в отсутствие каких-либо обязательств или после полного погашения долга, суд может признать сведения недостоверными; если доказано, что целью публикации было не инициирование банкротства, а давление на бизнес, срыв контрактов с третьими лицами или умышленное умаление репутации.

На сегодняшний день способами защиты юридических лиц от злоупотреблений правом кредиторами являются: арбитражные разбирательства по поводу введения процедуры, применяемой в деле о банкротстве, и по поводу неправомерного включения сообщений о намерении кредитора обратиться в арбитражный суд с заявлением о банкротстве должника.

Учитывая то, что кредиторы продолжают использовать механизмы банкротства (презумпцию

неплатежеспособности) в форме «шантажа» с целью получения преимущества перед другими кредиторами и такое поведение неоднократно получало оценку не только должников, других кредиторов, но и суда как недобросовестное, то имеющиеся способы защиты не являются достаточными для предотвращения злоупотреблений. Поэтому целесообразно предоставить обычным юридическим лицам больше законодательной защиты. Для этого требуется внести изменения в пункт 2 статьи 3, пункт 2 статьи 6, пункт 1 статьи 7 Закона о банкротстве, изложив их в следующих редакциях:

Статья 3. Признаки банкротства юридического лица

2. Юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность **в размере не менее 5 (пяти) процентов от чистой прибыли должника за год, предшествующий возникновению денежного обязательства** не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены **и (или) стоимость имущества (активов) юридического лица недостаточна для исполнения его обязательств перед кредиторами и (или) обязанности по уплате обязательных платежей.**

Статья 6. Рассмотрение дел о банкротстве

2. Если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом, производство по делу о банкротстве может быть возбуждено арбитражным судом при условии, что **должник – юридическое лицо имеет признаки банкротства, установленные пунктом 2 статьи 3 настоящего Федерального закона, а должник – физическое лицо – установленные пунктом 2 статьи 213.3** настоящего Федерального закона.

Статья 7. Право на обращение в арбитражный суд

1. Правом на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника, **имеющего признаки банкротства**, банкротом обладают должник, конкурсный кредитор, уполномоченные органы, а также работник, бывший работник должника, имеющие требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда.

В случае внесения предлагаемых изменений, признаки банкротства юридического лица будут отражать объективные факторы – учитывать риски реальной потери юридическим лицом своей платежеспособности в краткосрочной перспективе, а не только субъективные факторы, такие как несвоевременная оплата долга одному кредитору с несущественным размером требований к должнику, которая может иметь место по разным причинам, в том числе соответствовать устным дого-

воренностям.

Субъективный подход, основанный на предполагаемой несостоятельности ввиду прекращения поступления платежей от должника в течение длительного времени (трех месяцев), который в настоящее время используется законодателем, видится неактуальным, поскольку в современном мире отчетность юридического лица, как правило, является публичной – у неограниченного круга лиц имеется возможность ознакомиться с финансовой отчетностью юридического лица, в связи с чем, имеются основания для использования объективного подхода для определения признаков банкротства юридического лица.

Предлагаемые изменения позволят ввести дополнительные признаки банкротства, тем самым усилить защиту обычных юридических лиц от давления, злоупотребления правом кредиторами, которые используют метод «шантажа» в отношении должников с целью ускорения урегулирования проблемной задолженности, получения оплаты в приоритетном порядке без использования, наиболее подходящего в большинстве подобных случаев, механизма исполнительного производства.

Список литературы:

- [1] Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. – 3-е изд. – Москва : Статут, 2021. – 477 с.
- [2] Несостоятельность (банкротство): Учебный

курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 1. – М.: Статут, 2019. – 925 с.

[3] Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)». Постатейный научно-практический / под ред. В. Ф. Попондопуло. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2019. – 1200 с.

[4] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 04.08.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: pravo.gov.ru: (дата обращения: 06.09.2026).

References:

[1] Shershenevich G.F. Insolvency Proceedings. – 3rd ed. – Moscow: Statut, 2021. – 477 p.

[2] Insolvency (Bankruptcy): A Course of Study. In 2 vols. / Ed. by Doctor of Law, Prof. S.A. Karelin. Vol. 1. – Moscow: Statut, 2019. – 925 p.

[3] Commentary on the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» Article-by-article scientific and practical commentary / Ed. by V.F. Popondopulo. – 5th ed., revised and supplemented. – Moscow: Prospekt, 2019. – 1200 p.

[4] Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002, «On Insolvency (Bankruptcy)» (as amended on August 4, 2026) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: pravo.gov.ru: (accessed: September 6, 2026).

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.09.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-6724-2026-3-104-107

ПОПОВА Вероника Викторовна,
студентка магистратуры,
Кемеровский государственный университет,
Юридический институт, г. Кемерово,
e-mail: veronica.popova.78@bk.ru

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В статье раскрыта сущность уголовного процесса как механизма реализации уголовно правовых норм и баланса публичных интересов и прав личности. Основное внимание уделено ключевым принципам (законность, презумпция невиновности, состязательность и др.), они выступают гарантиями правосудия. Проанализирован смешанный тип российского уголовного процесса и противоречие между состязательностью и установлением объективной истины. Описаны участники процесса, его стадии и важность соблюдения процессуальных гарантий. Отмечена тенденция развития законодательства в сторону демократизации и расширения прав личности, а также актуальность изучения уголовного процесса для науки и практики.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальное законодательство, принципы уголовного процесса, состязательность сторон, презумпция невиновности, право на защиту, стадии уголовного процесса, участники уголовного судопроизводства, доказывание и оценка доказательств, смешанный тип уголовного процесса, правосудие, гарантии прав личности, законность, независимость суда, уголовное судопроизводство.

POPOVA Veronika Viktorovna,
Master's student,
Kemerovo State University,
Institute of Law, Kemerovo

GENERAL CHARACTERISTICS OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The article examines the essence of criminal proceedings as a mechanism for implementing substantive criminal law norms and balancing public interests with individual rights. Particular attention is paid to key principles (legality, the presumption of innocence, the adversarial system, etc.), which serve as guarantees of justice. The article analyzes the mixed nature of Russian criminal proceedings and the tension between the adversarial principle and the establishment of objective truth. It outlines the participants in the proceedings, the stages of the process, and the importance of adhering to procedural safeguards. The author notes the legislative trend toward democratization and the expansion of individual rights, as well as the significance of studying criminal proceedings for both legal theory and practice.

Key words: criminal proceedings, criminal procedural legislation, principles of criminal proceedings, adversarial system, presumption of innocence, right to defense, stages of criminal proceedings, participants in criminal proceedings, proof and evaluation of evidence, mixed type of criminal proceedings, justice, guarantees of individual rights, legality, judicial independence, criminal justice process.

Уголовный процесс представляет собой одну из ключевых форм юридической деятельности, осуществляемой государственными органами. В теории права юридический процесс трактуется как урегулированный процессуальными нормами порядок деятельности компетентных государственных органов, состоящий в подготовке, принятии и документальном закреплении юридических решений общего или индивидуального характера [1]. Уголовный процесс является разновидностью правоприменительного процесса, направленным на реализацию уголовно-правовых норм в конкретных ситуациях

совершения преступления. Его предназначение заключается не только в обеспечении репрессивной функции государства, но и в реализации начал милосердия и справедливости, что определяет его социально-юридическое значение в современном обществе [2].

Сущность уголовного процесса раскрывается через его функции и цели. Он выступает как особая форма борьбы с преступностью, обеспечивающая неотвратимость ответственности виновных лиц, но при этом строго регламентированная законом. Современное уголовное судопроизводство характеризуется как смешанное

и состязательное, что отражает баланс между публичным началом (интересы государства) и защитой прав личности [3]. Процесс охватывает деятельность суда, прокуратуры, органов предварительного следствия и дознания, а также определяет права и обязанности как должностных лиц, так и граждан, вовлекаемых в производство по делу [2].

Основополагающими началами, определяющими характер и направленность уголовного процесса, являются его принципы. Уголовно-процессуальные принципы — это юридически оформленные руководящие положения и мировоззренческие идеи, закрепляющие наиболее общие и существенные свойства уголовного процесса, выражающие его природу и социальную сущность [4]. Они выступают объективно необходимыми общеобязательными критериями, определяющими характер судопроизводства в целом и позволяющими оценивать правильность принимаемых решений. Отступление от принципов влечет за собой признание решений не имеющими юридической силы, так как они служат важнейшими гарантиями достижения целей правосудия [4].

Система принципов уголовного процесса включает как общеправовые (конституционные) начала, так и специфические уголовно-процессуальные нормы. К числу фундаментальных относятся принцип законности, который требует точного и неуклонного соблюдения Конституции и уголовно-процессуального законодательства всеми участниками процесса [5]. Нарушение закона недопустимо и влечет ответственность. Важнейшим элементом является принцип обеспечения прав и свобод человека, включающий уважение чести и достоинства личности, неприкосновенность личности и жилища, а также охрану личной жизни [5].

Государство обязано не только признавать эти права, но и создавать механизмы их защиты, что возлагает соответствующую обязанность на органы, ведущие уголовный процесс.

Особое место в системе принципов занимает презумпция невиновности и обеспечение права на защиту подозреваемого и обвиняемого. Данный принцип тесно связан с принципом равенства всех перед законом и судом, а также с независимостью судей, осуществляющих правосудие только в соответствии с законом [5]. Эти нормы формируют фундамент, на котором строится все уголовное судопроизводство, обеспечивая законность и обоснованность принимаемых актов [1].

Принцип состязательности сторон является одним из определяющих элементов современного уголовного процесса. Он характеризуется разделением процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, а также нахождением обвиняемого и обвинителя в положении равных процессуальных прав [6]. Со-

стязательность выражается в том, что стороны обладают самостоятельными интересами в деле и равными правами для их реализации, в то время как суд выступает независимым арбитром, не являющимся органом уголовного преследования и не выступающим ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты [7].

Исторически формы уголовного процесса изменялись от инквизиционной (розыскной) к состязательной. В современном российском уголовном процессе, имеющем смешанный тип, состязательность распространяется не только на стадию судебного разбирательства, но и на досудебные стадии, хотя здесь сохраняются элементы следственной активности [6]. Состязательность как юридическое понятие характеризует как уголовный процесс в целом, так и отдельные его стадии или конкретные действия. При этом важно отметить, что в состязательной модели процесс направлен на выявление победителя в правовом споре сторон, что создает определенные идеологические оппозиции с принципом установления объективной истины, который требует всестороннего, полного и объективного выяснения обстоятельств дела [7].

Помимо состязательности, в уголовном процессе действуют принципы свободы оценки доказательств, права на обжалование процессуальных действий и решений, а также принцип профессионализма участников процесса. Система принципов не статична: она обновляется под влиянием развития общества, демократизации и расширения прав человека, отражая переход от устаревших положений розыскного процесса к прогрессивным стандартам правосудия [8].

Уголовный процесс регулирует сложный круг правоотношений между участниками. Понятие участников уголовного судопроизводства включает как стороны обвинения (прокурор, следователь, дознаватель, потерпевший), так и стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый, защитник), а также лицо, осуществляющее правосудие (суд) и иные участники [2]. Полномочия органов и лиц по осуществлению уголовного преследования строго определены законом, как и основания для прекращения уголовного преследования [9]. Прокурор занимает особое место в

системе, осуществляя надзор за соблюдением законов при производстве по уголовным делам [9].

Процессуальная деятельность протекает через последовательные стадии уголовного процесса, каждая из которых имеет свою детализацию и цели. Стадии включают возбуждение уголовного дела, предварительное расследование (следствие или дознание), судебное разбирательство, а также производство по жалобам на приговор и исполнение приговора [10]. Каждая стадия характеризуется своими задачами, составом участников и процессуальными действиями. Например, на стадии предварительного рассле-

дования основными задачами являются сбор, проверка и оценка доказательств, в то время как на стадии судебного разбирательства эти доказательства исследуются непосредственно судом для вынесения обоснованного и законного решения [10].

Детальная регламентация хода процесса, сроков совершения действий, правил документирования и порядка принятия решений позволяет избежать произвола компетентных лиц и ошибок, обеспечивая разрешение юридических ситуаций в разумные сроки [1]. Алгоритмизация юридических операций является необходимым условием эффективного осуществления правосудия.

Таким образом, общая характеристика уголовного юридического процесса показывает его сложную многоуровневую структуру. Уголовный процесс представляет собой строго регламентированную законом деятельность государственных органов по расследованию преступлений и рассмотрению уголовных дел, направленную на восстановление социальной справедливости и защиту прав личности. Ключевыми элементами этой системы выступают принципы законности, состязательности, независимости суда и презумпции невиновности, которые обеспечивают баланс между публичными интересами государства и частными правами граждан [4; 5].

Современный уголовный процесс в России характеризуется смешанным типом, сочетающим элементы следственной активности на досудебных стадиях и состязательности в суде. Это требует от правоприменителей глубокого понимания системы принципов и строгого соблюдения процессуальной формы. Эффективность уголовного судопроизводства зависит от четкого разграничения полномочий участников, соблюдения гарантий прав человека и неукоснительного следования установленному алгоритму процессуальных действий [1; 7]. Развитие уголовно-процессуального законодательства продолжается, стремясь к гармонизации публичного и частного начал, что делает изучение основ уголовного процесса актуальной и важной задачей юридической науки и практики [8; 11].

Список литературы:

[1] Юридические процедуры: материалы международной научно-практической конференции (2019; Волгоград) : материалы конференции. — Москва : Дело РАНХиГС, 2020. — 248 с.

[2] Вершинина, С. И. Уголовный процесс. Общая часть : учебное пособие / С. И. Вершинина, Ю. М. Савельев. — Тольятти : ТГУ, 2016. — 162 с.

[3] Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) : учебник / под общей редакцией Г. И. Загорского, С. Л. Никоновича. — Москва : Проспект, 2026 — Том 1 : Общая часть. Особенная часть: досудебное производство — 2026. — 592 с.

[4] Клоков, С. Н. Уголовно-процессуальное

право (уголовный процесс) : учебное пособие / С. Н. Клоков, М. А. Савкина. — Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2021. — 273 с.

[5] Уголовный процесс европейских государств : монография / под редакцией В. И. Самарина, В. В. Луцка. — Москва : Проспект, 2018. — 752 с.

[6] Рябинина, У.С. Проблемы принципа состязательности в уголовном процессе / У.С. Рябинина, Е.А. Черникова // Пробелы в российском законодательстве. — 2016. — № 7. — С. 187-189.

[7] Печников, Г.А. Законопроект Следственного комитета России об институте установления объективной истины по уголовному делу и состязательный УПК РФ / Г.А. Печников, В.Г. Глебов // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2013. — № 2. — С. 158-161.

[8] Александров, А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности : монография / А. И. Александров. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2025. — 448 с.

[9] Основы уголовного судопроизводства : учебник / под редакцией О. В. Качаловой. — Москва : РГУП, 2025. — 460 с.

[10] Гревцов, О. В. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) : учебное пособие / О. В. Гревцов, Г. Ю. Лутошкин. — Санкт-Петербург : ИЗО СПбУТУиЭ, 2011. — 464 с.

[11] Колесник, В.В. Принципы договорных уголовно-процессуальных производств по разрешению уголовно-правовых споров / В. В. Колесник // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2023. — № 4. — С. 107-114.

References:

[1] Legal Procedures: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (2019; Volgograd). — Moscow: Delo RANEPa, 2020. — 248 p.

[2] Vershinina, S. I. Criminal Procedure. General Part: Study Guide / S. I. Vershinina, Yu. M. Savelyev. — Tolyatti: TSU, 2016. — 162 p.

[3] Criminal Procedural Law (Criminal Procedure): Textbook / Ed. by G. I. Zagorsky, S. L. Nikonovich. — Moscow: Prospekt, 2026. — Vol. 1: General Part. Special Part: Pre-trial Proceedings. — 2026. — 592 p.

[4] Klovkov, S. N. Criminal Procedural Law (Criminal Procedure): Study Guide / S. N. Klovkov, M. A. Savkina. — Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN), 2021. — 273 p.

[5] Criminal Procedure in European States: Monograph / Ed. by V. I. Samarin, V. V. Lutsik. — Moscow: Prospekt, 2018. — 752 p.

[6] Ryabinina, U. S. Issues Regarding the Adversarial Principle in Criminal Procedure / U. S. Ryabinina, E. A. Chernikova // Gaps in Russian Legislation. — 2016. — No. 7. — P. 187-189.

[7] Pechnikov, G. A. The Investigative Committee

of Russia's Draft Law on the Institution of Establishing Objective Truth in Criminal Cases and the Adversarial Code of Criminal Procedure of the Russian Federation / G. A. Pechnikov, V.G., Glebov // Bulletin of the Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry. — 2013. — No. 2. — P. 158–161.

[8] Aleksandrov, A. I. Criminal Policy and Criminal Procedure in Russian Statehood: A Monograph / A. I. Aleksandrov. — 2nd ed., revised and supplemented. — Moscow: Prospekt, 2025. — 448 p.

[9] Fundamentals of Criminal Proceedings: A

Textbook / Ed. by O. V. Kachalova. — Moscow: RGUP, 2025. — 460 p.

[10] Grevtsov, O. V. Criminal Procedural Law (Criminal Procedure): A Study Guide / O. V. Grevtsov, G. Yu. Lutoshkin. — St. Petersburg: IEO SPbUTUIE, 2011. — 464 p.

[11] Kolesnik, V. V. Principles of Contractual Criminal Procedural Proceedings for Resolving Criminal Law Disputes / V. V. Kolesnik // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Russian Interior Ministry. — 2023. — No. 4. — P. 107–114.

ГОЛЕВ Игорь Борисович,
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
магистрант кафедры гражданского права,
арбитражный управляющий,
e-mail: golevigor@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ: ПРОБЕЛЫ В ПОРЯДКЕ ПОГАШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ И ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

Аннотация. В статье исследуется правовая природа мирового соглашения в деле о банкротстве – института, сочетающего черты гражданско-правовой сделки и процессуального действия. Раскрывается его специфика по сравнению с мировым соглашением в исковом производстве, в том числе реабилитационная направленность и обязательность решения собрания кредиторов для меньшинства. Особое внимание уделено роли арбитражного управляющего: его полномочиям на этапах организации собрания кредиторов, принятия решения о заключении соглашения, подписания документа и направления ходатайства в суд. На основе анализа Закона о банкротстве выявлены пробелы регулирования – в частности, отсутствие в п. 1 ст. 158 Закона требования о погашении текущих платежей при утверждении соглашения. Рассмотрены риски использования третьих лиц для расчётов (в том числе риск оспаривания как сделок с предпочтением), а также проблемы оформления полномочий на подписание соглашения. Предложены меры по совершенствованию законодательства: закрепить порядок погашения текущих и реестровых требований первой и второй очередей, наделить арбитражного управляющего функцией осуществления расчётов и прямо допустить его уполномочивание собранием кредиторов на подписание соглашения от их имени. Это позволит снизить риски оспаривания и повысить эффективность процедуры.

Ключевые слова: мировое соглашение, арбитражный управляющий, банкротство, несостоятельность.

GOLEV Igor Borisovich,
Russian State University of Justice
Master's student of the Civil Law Department,
insolvency officer

LEGAL REGULATION OF A SETTLEMENT AGREEMENT IN BANKRUPTCY CASES: GAPS IN THE PROCEDURE FOR SETTLING CLAIMS AND DEFINING THE POWERS OF THE INSOLVENCY ADMINISTRATOR

Annotation. The article examines the legal nature of a settlement agreement in bankruptcy proceedings – an institution that combines the features of a civil-law transaction and a procedural act. Its specifics are revealed in comparison with a settlement agreement in claim proceedings, including its rehabilitative focus and the binding nature of the creditors' meeting decision for the minority. Particular attention is paid to the role of the insolvency administrator: their powers at the stages of organizing the creditors' meeting, deciding on the conclusion of the agreement, signing the document, and filing a petition with the court. Based on an analysis of the Bankruptcy Law regulatory gaps have been identified – in particular, the absence in Paragraph 1 of Article 158 of the Law of the requirement to settle current payments when the agreement is approved. The risks of using third parties for settlements are considered (including the risk of challenging such transactions as preferential deals), as well as the problems related to formalizing the powers to sign the agreement. Measures to improve the legislation are proposed: to establish a procedure for settling current claims and the claims of the first and second priority groups included in the register; to grant the insolvency administrator the function of carrying out settlements; and to explicitly allow the creditors' meeting to authorize the administrator to sign the agreement on their behalf. This will help reduce the risks of challenge and enhance the effectiveness of the procedure.

Key words: settlement agreement, insolvency administrator (practitioner, officer), bankruptcy trustee, arbitration manager, bankruptcy, insolvency.

Экономико-правовая суть мирового соглашения заключается в том, что стороны прекращают дело о банкротстве на основе взаимных уступок. Спор разрешается путем фиксации в мировом соглашении тех договоренностей, которых стороны достигли, а арбитражный суд констатирует достигнутое соглашение, принимая судебный акт, имеющий юридическое значение и общеобязательный для исполнения всеми сторонами. При этом, как справедливо отмечают ученые-юристы, смысл мирового соглашения «заключается в изменении существующих ранее имущественных правоотношений между должником и кредиторами» [1, с. 115].

Мировое соглашение в деле о банкротстве – специфический институт, значительно отличающийся от одноименного института, существующего в исковом производстве. Специфика этого института, помимо прочего, обусловлена тем, что мировое соглашение, заключаемое по делу о банкротстве, носит черты как гражданско-правовой сделки, так и выполняет функции процессуально значимого действия, которым заканчивается дело о несостоятельности [2, с. 536].

В доктрине существуют самые различные взгляды на правовую природу мирового соглашения в делах о несостоятельности (банкротстве), что позволяет отнести мировое соглашение к комплексному, специфическому институту, значительно отличающемуся от одноименного института, существующего в исковом производстве (п. 4 ст. 49, гл. 15 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации; п. 1 ст. 39 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации) [3, с. 876].

Согласно статье 2 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) мировое соглашение – процедура, применяемая в деле о банкротстве на любой стадии его рассмотрения в целях прекращения производства по делу о банкротстве путем достижения соглашения между должником и кредиторами [4].

По своей правовой природе мировое соглашение представляет собой волеизъявление сторон, направленное на установление, изменение, прекращение гражданских прав и обязанностей, содержит элементы гражданско-правовой сделки, определенные статьей 153 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Мировое соглашение регулируется статьями 150 – 167 главы VIII Закона о банкротстве.

Решение о заключении мирового соглашения со стороны гражданина принимается гражданином, со стороны должника – юридического лица принимается руководителем должника, исполняющим обязанности руководителя должника, внешним управляющим или конкурсным управляющим (ч. 3 п. 2 ст. 150 Закона о банкротстве).

Мировое соглашение не подлежит согласованию с временным управляющим, с админи-

стративным управляющим (п. 3 ст. 151, п. 3 ст. 152 Закона о банкротстве), при этом решение о заключении мирового соглашения со стороны должника принимается внешним управляющим, конкурсным управляющим (п. 1 ст. 153, п. 1 ст. 154 Закона о банкротстве).

Не ранее чем через пять дней и не позднее чем через десять дней с даты заключения мирового соглашения должник, внешний управляющий, конкурсный управляющий или финансовый управляющий должен представить в арбитражный суд заявление об утверждении мирового соглашения (п. 2 ст. 158 Закона о банкротстве).

Таким образом, роль арбитражного управляющего в мировом соглашении сводится к: принятию решения о заключении мирового соглашения; подписанию мирового соглашения со стороны должника в процедурах внешнее управление и конкурсное производство; организации проведения собрания кредиторов; направлению в арбитражный суд ходатайства об утверждении мирового соглашения.

Условия утверждения мирового соглашения арбитражным судом, предусмотренные пунктом 1 статьи 158 Закона о банкротстве не содержат условия о погашении текущих платежей.

Между тем пункт 1 статьи 134 Закона о банкротстве гласит, что вне очереди за счет конкурсной массы погашаются требования кредиторов по текущим платежам преимущественно перед кредиторами, требования которых возникли до принятия заявления о признании должника банкротом.

Это создаёт риски нарушения прав кредиторов по текущим обязательствам и порождает споры о законности утверждения мировых соглашений.

Таким образом, пункт 1 статьи 158 Закона о банкротстве содержит существенный недостаток и требует уточнения в части отражения порядка погашения текущих платежей, в том числе порядка погашения судебных расходов по делу о банкротстве.

Положения Закона о банкротстве не содержат механизма погашения текущих платежей, требований первой и второй очередей реестра требований кредиторов должника, что может привести к сложностям при доказывании их погашения третьими лицами, а также несет потенциальные риски, связанные с оспариванием таких платежей.

Использование третьих лиц для расчетов несёт существенные риски: оспаривание платежей как сделок с предпочтением (ст. 61.3 Закона о банкротстве), оспаривание мирового соглашения. При этом закон не предусматривает механизма проверки платёжеспособности третьих лиц и согласования таких расчетов.

Например, если третье лицо, которое производит платеж, потеряло платёжеспособность, находится в преддверии банкротства, то погашение таким лицом требований за несостоятельного

должника, находящегося в процедуре мировое соглашение, влечет риски судебных разбирательств, что также может привести к оспариванию мирового соглашения.

Поэтому целесообразно закрепить в Законе о банкротстве порядок погашения текущих и реестровых требований первой и второй очередей в ходе процедуры мировое соглашение таким образом, чтобы исключить или минимизировать подобные и другие риски.

В качестве гаранта погашения текущих платежей и реестровых требований первой и второй очередей мог бы выступить арбитражный управляющий, который обеспечил бы не только их расчет, но и погашение.

Кроме того, проведение расчетов в ходе процедуры мировое соглашение непосредственно арбитражным управляющим предотвратило бы обособленные споры, связанные с подтверждением правильности осуществления расчетов и ускорило бы процесс прекращения производства по делу о несостоятельности (банкротстве).

Пунктом 41 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2024 № 40 разъяснено, что в силу статьи 2 Закона о банкротстве мировое соглашение по делу о несостоятельности является самостоятельной реабилитационной процедурой. По этой причине определения об утверждении и об отказе в утверждении мирового соглашения, как и определения по результатам рассмотрения спора о признании недействительным решения собрания кредиторов об утверждении мирового соглашения, обжалуются по общим правилам пунктов 1 и 2 статьи 61 Закона о банкротстве первоначально в арбитражный суд апелляционной инстанции, а затем в арбитражный суд кассационной инстанции. В силу положений пункта 1 статьи 162 Закона о банкротстве и части 1 статьи 223 АПК РФ жалобы на такие определения рассматриваются в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством.

Аналогичный порядок применяется при обжаловании определения, которым утверждено отдельное мировое соглашение в соответствии со статьей 213.10-1 Закона о банкротстве.

В процедурах наблюдение, финансовое оздоровление, реструктуризация долгов гражданина, реализация имущества гражданина решение о заключении мирового соглашения со стороны должника принимается гражданином-должником, руководителем должника – юридического лица или исполняющим обязанности указанного руководителя лицом (п. 2 ст. 150, п. 1 ст. 151, п. 1 ст. 152 Закона о банкротстве).

Исходя из пункта 2 статьи 213.31 Закона о банкротстве, решение о заключении мирового соглашения со стороны должника-гражданина принимается гражданином.

Согласно пункту 2 статьи 155 Закона о банкротстве со стороны должника мировое согла-

шение подписывается лицом, принявшим в соответствии с настоящим Федеральным законом решение о заключении мирового соглашения. От имени конкурсных кредиторов и уполномоченных органов мировое соглашение подписывается представителем собрания кредиторов или уполномоченным собранием кредиторов на совершение данного действия лицом.

Закон не содержит запрета на наделение полномочиями на подписание мирового соглашения арбитражного управляющего. При утверждении мирового соглашения суд проверяет полномочия лиц, подписавших проект мирового соглашения. Отсутствие подтверждения полномочий лица на подписание мирового соглашения от имени кредиторов является основанием для отказа в утверждении мирового соглашения. Следовательно, при уполномочивании арбитражного управляющего на подписание мирового соглашения необходимо обеспечить надлежащее документальное оформление. Решение собрания кредиторов должно быть оформлено протоколом с указанием на наделение арбитражного управляющего полномочиями на подписание мирового соглашения в качестве представителя собрания кредиторов.

С целью исключения обособленных споров в Законе о банкротстве требуется прямо указать на возможность собрания кредиторов уполномочить арбитражного управляющего в процедурах наблюдение, финансовое оздоровление, реструктуризация долгов гражданина, реализация имущества гражданина на подписание мирового соглашения в качестве уполномоченного лица от кредиторов.

Итак, мировое соглашение сочетает признаки гражданско-правовой сделки (волеизъявление сторон, установление, изменение, прекращение прав и обязанностей) и процессуального действия (завершение дела о банкротстве, утверждение судом). При этом оно существенно отличается от мирового соглашения в исковом производстве – в частности, решением собрания кредиторов, обязательным для меньшинства, и реабилитационной направленностью.

Арбитражный управляющий участвует в процедуре мировое соглашение на всех основных этапах: организует собрание кредиторов, принимает решение о заключении мирового соглашения и подписывает соглашение от имени должника в процедурах внешнего управления и конкурсного производства, направляет ходатайство об утверждении мирового соглашения в арбитражный суд. Целесообразно прямо закрепить за арбитражным управляющим функцию по осуществлению расчетов по текущим и реестровым требованиям первой и второй очередей, а также прямо указать в Законе о банкротстве, что арбитражный управляющий может быть уполномоченным лицом для подписания мирового соглашения со стороны кредиторов и уполномоченных органов в процедурах наблюдение, финансовое оздо-

рование, реструктуризация долгов гражданина, реализация имущества гражданина.

Список литературы:

[1] Масевич М.Г., Орловский Ю.П., Павлодский Е.А. Комментарий к Федеральному закону Российской Федерации «О несостоятельности (банкротстве)» / отв. ред. Ю. П. Орловский. М., 1998. – 320 с.

[2] Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)». Постатейный научно-практический / под ред. В. Ф. Попондопуло. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2019. – 1200 с.

[3] Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 1. – М.: Статут, 2019. – 925 с.

[4] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 10.06.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: pravo.gov.ru: (дата

обращения: 24.08.2026).

References:

[1] Masevich M.G., Orlovsky Yu.P., Pavlodsky E.A. Commentary on the Federal Law of the Russian Federation «On Insolvency (Bankruptcy)» / Ed. by Yu.P. Orlovsky. Moscow, 1998. – 320 p.

[2] Commentary on the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)»: Article-by-Article Scientific and Practical Commentary / Ed. by V.F. Popondopulo. – 5th ed., revised and supplemented. – Moscow: Prospekt, 2019. – 1200 p.

[3] Insolvency (Bankruptcy): A Course of Study. In 2 vols. / Ed. by Doctor of Law, Professor S.A. Karelina. Vol. 1. – Moscow: Statut, 2019. – 925 p.

[4] Federal Law No. 127-FZ dated October 26, 2002, «On Insolvency (Bankruptcy)» (as amended on June 10, 2026) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: pravo.gov.ru: (accessed: August 24, 2026).

СЕРОВАТОВ Александр Игоревич,
аспирант, кафедры гражданского права и процесса
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия,
e-mail: serovatovs@gmail.com

НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УПРОЩЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема назначения судебной экспертизы при рассмотрении гражданских дел в порядке упрощённого производства. Анализируется положение ГПК РФ, согласно которому действующее регулирование исключает возможность назначения и проведения судебной экспертизы с сохранением упрощённого порядка рассмотрения дела. Отмечается, что для дел с относительно небольшой ценой иска, а также иных документально подтверждённых требований, отнесённых законом к упрощённому производству, это потенциально способно приводить к увеличению продолжительности разбирательства и дополнительным организационным затратам. Автором разработана дифференцированная модель нормативного регулирования, позволяющая проводить отдельные виды экспертиз без перехода к общим правилам искового производства при условии соблюдения процессуальных гарантий прав сторон.

Ключевые слова: упрощённое производство, гражданский процесс, судебная экспертиза, доказательства, средства доказывания, ГПК РФ, процессуальные сроки, переход к общим правилам.

SEROVATOV Alexander Igorevich,
Postgraduate Student, Department of Civil Law and Procedure
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

THE PURPOSE OF FORENSIC EXAMINATION IN SIMPLIFIED PROCEEDINGS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND WAYS OF REFORM

Annotation. The article examines the problem of assigning a forensic examination when considering civil cases under simplified proceedings. The provision of the Civil Procedure Code of the Russian Federation is analysed, according to which the current regulation excludes the possibility of assigning and conducting a forensic examination while maintaining the simplified procedure for considering the case. It is noted that for cases with a relatively low claim value, as well as other documentally substantiated claims classified by law as simplified proceedings, this can potentially lead to an increase in the duration of the proceedings and additional organizational costs. The author has developed a differentiated model of regulatory regulation that allows for certain types of expert examinations to be carried out without resorting to the general rules of claim proceedings, provided that procedural guarantees of the parties' rights are observed.

Key words: simplified procedure, civil proceedings, forensic examination, evidence, means of proof, Civil Procedure Code of the Russian Federation, procedural deadlines, transition to general rules.

В связи с изменениями процессуального законодательства существенно расширился круг дел, подлежащих рассмотрению в порядке упрощённого производства. В частности, действующая редакция пункта 1 части 1 статьи 232.2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ) (в ред. от 4 июня 2026 года) предусматривает рассмотрение требований о взыскании денежных средств и об истребовании имущества при цене иска до 250 000 рублей.

Однако расширение сферы применения упрощённого порядка выявляет серьезное нормативное ограничение: необходимость назначения экспертизы по-прежнему выступает императивным

основанием перехода к рассмотрению дела по общим правилам (п. 1 ч. 4 ст. 232.2 ГПК РФ). Данная конструкция потенциально способна приводить к увеличению продолжительности разбирательства и дополнительным организационным затратам, нивелируя саму цель ускорения процесса.

В соответствии с пунктом 1 части 4 статьи 232.2 ГПК РФ, если суду необходимо назначить экспертизу, он выносит определение о переходе к рассмотрению дела по общим правилам искового производства. Следует отметить, что, согласно части 5 статьи 232.2 ГПК РФ, переход в связи с назначением экспертизы не влечёт рассмотрения дела с самого начала, однако предполагает дальнейшее применение ординарной процессуальной

формы, включая возможность проведения судебного заседания и устного исследования экспертного заключения. Негативные последствия, такие как увеличение временных и организационных затрат, делают процедуру менее эффективной по сравнению с полностью письменным рассмотрением спора.

В связи с этим в практике нередко возникает риск недобросовестного поведения. Он проявляется в случаях заявления необоснованных ходатайств о назначении экспертизы, направленных на создание у суда сомнений в возможности разрешения спора по имеющимся доказательствам и, как следствие, затягивание процесса. Однако такое ходатайство само по себе не является основанием для перехода к общим правилам и подлежит оценке судом с точки зрения относимости поставленных вопросов к предмету доказывания и действительной необходимости применения специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

Особое внимание вопросам назначения экспертизы на стадии подготовки дела, в том числе оценке обоснованности таких ходатайств, уделено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 мая 2026 г. № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству». Разъяснения высшей судебной инстанции подтверждают, что суд должен строго оценивать действительную необходимость экспертизы, не допуская необоснованного затягивания сроков.

В доктрине гражданского процессуального права неоднократно поднимался вопрос о балансе между процессуальной экономией и гарантиями прав сторон. Е. А. Борисова справедливо указывает, что эффективность гражданского судопроизводства не может достигаться исключительно за счет скорости, если при этом ущемляются базовые права лиц, участвующих в деле [1, с. 18]. В свою очередь, И. В. Решетникова, исследуя пределы доказывания, отмечает важность адаптации средств доказывания к специфике упрощенных процедур [2, с. 215].

В. В. Ярков предлагает гибкие подходы к оптимизации гражданского правосудия, подчеркивая, что жесткие ограничения не всегда отвечают реалиям современной судебной практики [3, с. 45]. Схожей позиции придерживается Н. Г. Галковская, по мнению которой, трансформация упрощенного производства в ординарное должна осуществляться лишь тогда, когда письменная процедура объективно не позволяет суду установить истину [4].

Опираясь на данные подходы, можно утверждать, что далеко не каждое экспертное исследование требует проведения устных слушаний. Безусловно, экспертиза может включать осмотр автомобиля, обследование человека или разрушающие методы исследования. Однако концептуальная совместимость с упрощенным производством наиболее выражена применительно к

расчетным, бухгалтерским, оценочным и отдельным товароведческим исследованиям, если они могут быть проведены на основании представленных суду документов и объектов без необходимости совершения процессуальных действий в судебном заседании.

Для решения выявленной проблемы предлагается закрепить дифференцированную модель назначения экспертизы, при которой суд вправе назначить её без перехода к общим правилам, если характер исследования это позволяет. При этом процедура должна строго регламентировать защиту прав сторон, предусмотренных статьей 79 ГПК РФ (право предлагать вопросы, заявлять отвод, знакомиться с определением и заключением).

Предлагается внести следующие изменения в ГПК РФ:

1. Изменить редакцию пункта 1 части 4 статьи 232.2 ГПК РФ, исключив из него слова «назначить экспертизу», изложив его в следующей редакции: «1) необходимо выяснить дополнительные обстоятельства или исследовать дополнительные доказательства, а также произвести осмотр и исследование доказательств по месту их нахождения или заслушать свидетельские показания;»

2. Дополнить статью 232.3 ГПК РФ частями 4.1-4.3 следующего содержания: «4.1. Суд вправе назначить экспертизу без перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства, если характер экспертного исследования позволяет провести его без судебного заседания и при этом могут быть обеспечены процессуальные права лиц, участвующих в деле. На время проведения экспертизы производство по делу может быть приостановлено.

4.2. В определении о назначении экспертизы суд устанавливает срок для представления сторонами вопросов эксперту, предложений по кандидатуре эксперта или экспертного учреждения, заявлений об отводе эксперта, а также срок для внесения необходимых денежных сумм на счет суда. После проведения экспертизы суд направляет сторонам копию экспертного заключения и устанавливает срок для представления возражений и ходатайств о назначении дополнительной или повторной экспертизы.

4.3. Суд переходит к рассмотрению дела по общим правилам искового производства, если характер экспертного исследования, необходимость совершения иных процессуальных действий либо заявленные участниками возражения не позволяют обеспечить полноту исследования заключения и реализацию процессуальных прав сторон без проведения судебного заседания».

Реализация предложенной модели позволит сохранить преимущества упрощенного производства в виде процессуальной экономии, не нарушая при этом права лиц на состязательный процесс. Переход к общим правилам будет осуществляться только тогда, когда это действительно продиктовано объективной необходимостью (например,

при допросе эксперта или совместном осмотре доказательств), а не автоматически в силу самого факта назначения экспертизы.

Список литературы:

[1] Борисова Е. А. Эффективность гражданского судопроизводства: процессуальные иллюзии и реалии // Вестник гражданского процесса. 2023. № 2. С. 15-30.

[2] Решетникова И. В. Размышления о судопроизводстве: избранное. - М.: Статут, 2019. - 510 с.

[3] Ярков В. В. Оптимизация гражданского правосудия в России: пути и перспективы // Закон. 2024. № 5. С. 44-58.

[4] Галковская Н. Г. Доказывание в упрощенном производстве в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. С. 12-16.

[5] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 04.07.2026). // СПС КонсультантПлюс.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 мая 2026 г. № 15 «О подготовке граж-

данских дел к судебному разбирательству». // СПС КонсультантПлюс.

References:

[1] Borisova E. A. Efficiency of Civil Proceedings: Procedural Illusions and Realities // Bulletin of Civil Procedure. 2023. No. 2. P. 15-30.

[2] Reshetnikova I. V. Reflections on Judicial Proceedings: Selected Works. – Moscow: Statut, 2019. – 510 p.

[3] Yarkov V. V. Optimization of Civil Justice in Russia: Paths and Prospects // Zakon. 2024. No. 5. P. 44-58.

[4] Galkovskaya N. G. Evidentiary Proof in Simplified Civil Proceedings // Arbitration and Civil Procedure. 2021. No. 8. P. 12-16.

[5] Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002 (as amended on July 4, 2026) // ConsultantPlus Legal Reference System.

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 15 dated May 28, 2026, «On the Preparation of Civil Cases for Trial» // ConsultantPlus Legal Reference System.

ИСМАГИЛОВА Эндже Зуфаровна,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
юридический факультет, магистрант, Казань, Россия,
e-mail: endzhezufarovna@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ВРЕД КАК ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье исследуется экологический вред как элемент предмета доказывания по требованиям о его возмещении. Автор исходит из того, что специфика таких споров не сводится к расчету суммы ущерба: суду необходимо установить негативное изменение состояния окружающей среды, поведение предполагаемого причинителя, причинную связь, размер вреда и правовое значение восстановительных действий.

Ключевые слова: экологический вред; предмет доказывания; гражданский процесс; арбитражный процесс; причинная связь; возмещение вреда; природоохранное законодательство.

ISMAGILOVA Endzhe Zufarovna,
Kazan Federal University, Faculty of Law,
Master's student, Kazan, Russia

ENVIRONMENTAL DAMAGE AS A SUBJECT OF PROOF IN CIVIL AND COMMERCIAL PROCEDURE

Annotation. The article examines environmental damage as a legally significant element of proof in claims for compensation. The author argues that the specificity of such disputes is not limited to calculating monetary loss. The court must determine the negative change in the environment, the defendant's conduct, causation, the amount of damage and the legal effect of remediation.

Key words: environmental damage; subject of proof; civil procedure; commercial procedure; causation; compensation for harm; environmental legislation.

Экологический вред трудно встроить в привычную схему цивилистического процесса. Формально иск о его возмещении опирается на гражданско-правовую конструкцию деликта: есть причинитель, вред, причинная связь и размер требований. Но объект нарушения иной. Вред причиняется не только имущественной сфере конкретного лица, а окружающей среде как публично значимому благу, качество которого влияет на неопределенный круг лиц. Поэтому суд исследует не один факт убытков, а целую совокупность обстоятельств: состояние природного объекта до нарушения, характер воздействия, нормативно допустимые пределы такого воздействия, последствия и возможность восстановления. Цель исследования состоит в определении содержания предмета доказывания по требованиям о возмещении экологического вреда в гражданском и арбитражном процессе. Методологическую основу составили формально-юридический, системный и сравнительно-процессуальный методы.

Термин «экологический вред» используется как научно удобное обозначение вреда окружающей среде. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» говорит о негативном изменении окружающей среды в результате ее загрязнения, истощения, порчи, уничтожения природных ресурсов, деградации и разрушения естественных

экологических систем [5]. В доктрине такая категория обычно связывается с двойственной природой вреда: он имеет имущественное выражение, но не исчерпывается им [12; 13; 15]. Именно эта двойственность и осложняет процесс доказывания.

Конституционная основа рассматриваемых споров задается статьей 42 Конституции РФ, закрепляющей право каждого на благоприятную окружающую среду и возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением. Статья 58 Конституции РФ дополняет эту конструкцию обязанностью сохранять природу и бережно относиться к природным богатствам [1]. В совокупности эти нормы не заменяют специальных правил ответственности, но объясняют, почему спор о возмещении экологического вреда редко остается чисто частноправовым [14].

Материально-правовой каркас образуют статья 1064 ГК РФ и статьи 77–78 Федерального закона «Об охране окружающей среды» [2; 5]. Первая закрепляет общее правило полного возмещения вреда. Вторые устанавливают обязанность возместить вред окружающей среде в полном объеме, а также допускают расчет по утвержденным таксам и методикам либо по фактическим затратам на восстановление.

Конституционный Суд РФ в постановлении от

14 мая 2009 г. № 8-П подчеркнул компенсационный характер экологических платежей и ответственности: речь идет не о фискальном изъятии ради бюджета, а о правовом средстве восстановления нарушенного экологического баланса [6]. В определении от 26 мая 2016 г. № 1003-О эта мысль получила дальнейшее развитие через связь права на благоприятную окружающую среду с обязанностью государства предупреждать и компенсировать экологические последствия [7].

Истцу недостаточно сослаться на сам факт нарушения природоохранного режима. Нарушение может быть административно наказуемым, но для гражданско-правового взыскания суду требуется установить, какой именно вред возник и как он связан с поведением ответчика. Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 30 ноября 2017 г. № 49 указал: «по требованиям о возмещении вреда окружающей среде истец доказывает наличие вреда, размер с разумной степенью достоверности и причинную связь между действиями ответчика и наступившими последствиями» [8].

Общие правила распределения бремени доказывания закреплены в статье 56 ГПК РФ и статье 65 АПК РФ [3; 4]. В экологическом споре они наполняются специальным содержанием. Предмет доказывания включает несколько групп обстоятельств, причем выпадение хотя бы одной из них меняет правовую квалификацию требований. Для экономических споров эта проблема особенно заметна, поскольку предмет доказывания связывает материально-правовую норму с конкретной доказательственной обязанностью стороны [16].

Первая группа — полномочие истца на обращение в суд. Для гражданина оно может вытекать из нарушения права на благоприятную окружающую среду; для публичного органа — из закона и положения о его компетенции. Вторая группа — сам вред окружающей среде. Здесь требуются сведения о загрязнении, порче, истощении ресурса, деградации экосистемы либо ином ухудшении природного объекта. Акт проверки может иметь серьезное доказательственное значение, но не должен подменять судебное установление вреда. Суд оценивает, что именно зафиксировано: нарушение процедуры, превышение норматива или уже наступившее экологическое последствие.

Третья группа — поведение ответчика. Оно выражается в сбросе, выбросе, размещении отходов, нарушении режима использования земельного участка, эксплуатации объекта с отклонением от обязательных требований. В деле № А32-52065/2021 Верховный Суд РФ обратил внимание на недопустимость произвольного выбора ответчика: суд должен установить лицо, которое эксплуатировало производственный объект или иной источник загрязнения, а не ограничиваться формальной близостью субъекта к территории вреда [10]. Эта позиция существенна для арбитражного процесса, где спор часто возникает вокруг сложной хозяйственной инфраструктуры,

аренды, субподряда, передачи площадки или сменой пользователя объекта.

Четвертая группа — причинная связь. В экологических делах она редко устанавливается одной прямой связкой «действие — следствие»: вред может формироваться постепенно, иметь накопительный характер и зависеть от поведения нескольких лиц. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ 2022 года допускает солидарную ответственность при совместном причинении вреда окружающей среде [9]. Но солидарность не отменяет обязанности суда показать, почему действия каждого участника включены в общий причинный ряд.

Пятая группа — размер вреда и способ его возмещения. Расчет по таксам и методикам облегчает доказывание, однако не превращает взыскание в автоматическую санкцию. В деле № А40-12042/2023 Верховный Суд РФ указал на необходимость проверить доводы о фактических восстановительных расходах и оценить, могут ли они учитываться при определении суммы взыскания [11]. Такая позиция поддерживает компенсационную природу ответственности: если восстановление реально произведено до вынесения решения, суд не должен закрывать глаза на это обстоятельство только потому, что расчет по методике выглядит формально завершенным.

Типичный доказательственный набор по экологическому спору неоднороден. В него входят акты контрольных мероприятий, протоколы отбора проб, лабораторные заключения, документы о размещении отходов, сведения кадастрового и производственного учета, переписка с надзорным органом, расчеты вреда и экспертные заключения. Их сила зависит не от названия документа, а от того, какой факт он подтверждает. Протокол отбора проб важен для состава загрязнения, но сам по себе не доказывает принадлежность источника конкретному лицу. Расчет вреда подтверждает денежное выражение последствий, но не всегда отвечает на вопрос о причинной связи.

Особую роль играет экспертное знание. Суд вправе назначить экспертизу, когда спор требует специальных познаний о составе загрязняющих веществ, давности воздействия, площади повреждения, возможности рекультивации. Однако экспертное заключение не заменяет правовую оценку. Установив химический состав загрязнения, эксперт не решает вопрос о юридической ответственности; он лишь дает суду материал для вывода. В этом смысле предмет доказывания остается процессуальной категорией, а не технической схемой расчета.

Различия между гражданским и арбитражным процессом заметны прежде всего в доказательственной среде. В гражданском процессе чаще проявляется социальный аспект: истцом может быть гражданин или группа лиц, для которых доказать источник вреда и его последствия объективно сложнее. В арбитражном процессе обычно

спорят публичный орган и хозяйствующий субъект; здесь выше значение производственной документации, разрешений, отчетности, технологических схем. Но правовой стандарт не меняется: суд должен связать доказательства с конкретными элементами предмета доказывания, а не ограничиться констатацией природоохранного нарушения.

Главная трудность состоит в выборе меры доказанности. Чрезмерно жесткий подход делает защиту окружающей среды почти недостижимой: истец вынужден доказывать природные процессы с точностью, которая нередко невозможна даже для эксперта. Слишком мягкий подход опасен другим — он превращает возмещение экологического вреда в разновидность публичной санкции без полноценной проверки состава ответственности. Более убедительной представляется промежуточная модель, которую можно вывести из практики высших судов: наличие вреда, поведение ответчика и причинная связь должны быть подтверждены совокупностью доказательств, достаточной для разумной уверенности суда, а размер вреда может определяться с учетом специальных методик, если они применены корректно и не опровергнуты восстановительными действиями.

Отсюда следует практический вывод. Предмет доказывания по экологическому вреду целесообразно выстраивать не вокруг одного вопроса «какова сумма ущерба», а вокруг последовательной проверки пяти обстоятельств: полномочие истца; факт негативного изменения окружающей среды; действие или бездействие ответчика; причинная связь; размер вреда и способ восстановления. Такая последовательность дисциплинирует судебное исследование. Она также снижает риск двух ошибок: взыскания по формальному расчету без проверки причинителя и отказа в защите из-за невозможности доказать экологический процесс с абсолютной точностью.

Экологический вред как предмет доказывания в гражданском и арбитражном процессе имеет сложную природу. Он сохраняет связь с деликтной ответственностью, но одновременно выражает публичный интерес в восстановлении окружающей среды. Поэтому суд устанавливает не только факт нарушения природоохранных правил, но и негативное изменение природного объекта, лицо причинителя, причинную связь, размер вреда и значение восстановительных мер.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.; с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

[4] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

[5] Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2009 № 8-П // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 22. – Ст. 2752.

[7] Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2016 № 1003-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2016. – № 6.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 2.

[9] Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 10.

[10] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.01.2023 № 308-ЭС22-20037 по делу № А32-52065/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.07.2024 № 305-ЭС24-5427 по делу № А40-12042/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[12] Правовое регулирование возмещения экологического вреда: научно-практическое пособие / С.А. Боголюбов, Е.С. Болтанова, М.М. Бринчук [и др.]; отв. ред. Н.В. Кичигин. – М.: ИЗИСП, ИНФРА-М, 2017. – 368 с.

[13] Бринчук М.М. Экологическое право: учебник. – М.: Эксмо, 2011. – 605 с.

[14] Боголюбов С.А. Охрана окружающей среды, судебная деятельность, наука // Правосудие. – 2022. – Т. 4. – № 2. – С. 39–59.

[15] Гаврилова В.Д. Экологический вред: сущность, доказывание, предупреждение // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 5-2 (80).

[16] Смолина О.С. Предмет доказывания по экономическим спорам в арбитражном процессе // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 11. – С. 179.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by nationwide vote on December 12, 1993; with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020 // Official Internet Portal of Legal Information.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part

Two) No. 14-FZ dated January 26, 1996 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.

[3] Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 46. – Art. 4532.

[4] Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated July 24, 2002 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3012.

[5] Federal Law No. 7-FZ dated January 10, 2002 «On Environmental Protection» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 2. – Art. 133.

[6] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 8-P dated May 14, 2009 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2009. – No. 22. – Art. 2752.

[7] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1003-O dated May 26, 2016 // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. – 2016. – No. 6.

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 49 dated November 30, 2017, «On Certain Issues Regarding the Application of Legislation on Compensation for Harm Caused to the Environment» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2018. – No. 2.

[9] Review of Judicial Practice on Issues Regarding the Application of Environmental

Protection Legislation: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 24, 2022 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2022. – No. 10.

[10] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 308-ES22-20037 dated January 31, 2023, in Case No. A32-52065/2021 // ConsultantPlus Legal Reference System.

[11] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES24-5427 dated July 25, 2024, in Case No. A40-12042/2023 // ConsultantPlus Legal Reference System.

[12] Legal Regulation of Compensation for Environmental Harm: Scientific and Practical Manual / S.A. Bogolyubov, E.S. Boltanova, M.M. Brinchuk [et al.]; Ed. by N.V. Kichigin. – Moscow: IZiSP, INFRA-M, 2017. – 368 p.

[13] Brinchuk M.M. Environmental Law: Textbook. – Moscow: Eksmo, 2011. – 605 p.

[14] Bogolyubov S.A. Environmental protection, judicial activity, science // Pravosudie. – 2022. – Vol. 4. – No. 2. – P. 39–59.

[15] Gavrilova V.D. Environmental harm: essence, proof, prevention // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – No. 5-2 (80).

[16] Smolina O.S. The subject matter of proof in economic disputes within arbitration proceedings // Agrarian and Land Law. – 2019. – No. 11. – P. 179.

БЕЛЯЕВ Мемет Эльдарович,
Крымский филиал ФГБОУ ВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,
Симферополь, Россия,
e-mail: bmemet@list.ru

ОЦЕНКА ДЕЯНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СОСТОЯНИИ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ: ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы уголовно-правовой оценки деяний, совершенных в состоянии крайней необходимости. Анализируются основные условия правомерности причинения вреда, которые должны исследоваться в каждом деле. Особое внимание уделяется проблемам судебной практики, связанным с оценочным характером признаков крайней необходимости и неоднородностью их толкования судами различных инстанций. На основе анализа судебных решений рассматриваются случаи признания опасности мнимой, вопросы учета психического принуждения как источника угрозы и другие проблемы. Делается вывод о необходимости более тщательного исследования судами объективных и субъективных обстоятельств дела, а также выработки единообразных подходов к применению ст. 39 УК РФ в целях исключения случаев необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, действовавших в условиях реальной опасности.

Ключевые слова: крайняя необходимость, реальность угрозы, соразмерность вреда, превышение пределов необходимости, альтернативные варианты.

BELYAEV Memet Eldarovich,
Crimean Branch of the Lebedev Russian State University of Justice,
Simferopol, Russia

ASSESSMENT OF ACTS COMMITTED IN A STATE OF NECESSITY: PROBLEMS OF JUDICIAL PRACTICE AND WAYS TO RESOLVE THEM

Annotation. The article examines the problems of criminal law assessment of acts committed in a state of necessity. The main conditions for the lawfulness of causing harm, which must be examined in each case, are analyzed. Particular attention is paid to the problems of judicial practice related to the evaluative nature of the elements of necessity and the inconsistency of their interpretation by courts of different instances. Based on the analysis of judicial decisions, the article considers cases where danger was recognized as imaginary, issues of taking psychological coercion into account as a source of threat, and other related problems. The conclusion is made that courts need to conduct a more thorough examination of both the objective and subjective circumstances of the case, as well as to develop uniform approaches to the application of Article 39 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to prevent unjustified criminal prosecution of persons acting under conditions of real danger.

Key words: : necessity, reality of threat, proportionality of harm, exceeding the limits of necessity, alternative means.

Актуальность темы обусловлена сложностью правовой оценки состояния крайней необходимости, неоднородностью судебной практики, необходимостью обеспечения баланса между защитой охраняемых законом интересов и недопустимостью необоснованного причинения вреда. Неправильная квалификация совершенного деяния может привести к привлечению к уголовной ответственности лиц, которые действовали правомерно. Одни и те же обстоятельства могут получать различную правовую оценку судами разных инстанций, что подтверждается практикой Верховного Суда РФ. Сложности заключаются в отграничении общественно полезного поведения от преступного, которое направлено

на причинение вреда общественным отношениям.

Для признания деяния совершенным в состоянии крайней необходимости необходимо, чтобы оно соответствовало определенным условиям, которые оцениваются судом в процессе рассмотрения дела. Среди них называют наличность и реальность угрозы, соразмерность причиненного вреда и невозможность устранения этой опасности иными средствами. В литературе отмечается, что «значимость условий правомерности крайней необходимости для судебной практики заключается в том, что они выполняют функцию отграничения правомерного причинения вреда от преступного» [5, с.123].

Одним из обязательных условий признания

деяния совершенным в состоянии крайней необходимости является наличие реальной, а не мнимой опасности, угрожающей охраняемым законом интересам. Лицо должно действовать в условиях объективно существующей угрозы, а не исходя исключительно из собственных предположений или субъективного восприятия ситуации.

Например, в одном из дел осужденная просила отменить приговор суда первой инстанции на основании того, что действовала в состоянии крайней необходимости и управляла автомобилем в состоянии опьянения, так как стремилась защитить свою несовершеннолетнюю дочь от якобы возникшей опасности. Отказывая ей в удовлетворении жалобы апелляционный суд указал, что в данном деле «наличие и действительный характер заявленной опасности по делу не установлены, а в целях устранения безосновательно предполагаемой осужденной и ее ребенком, то есть мнимой, опасности возможно было избрать иные варианты поведения, не связанные с причинением ущерба охраняемым уголовным законом интересам личности, общества или государства в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта» [7]. Итак, состояние крайней необходимости исключается, если лицо действует исходя лишь из субъективного предположения о существовании угрозы.

При оценке реальности угрозы нужно учитывать не только саму ситуацию, но и иные обстоятельства, такие как возраст лица, его психическое состояние, мотивы действий и т.п. Например, источником опасности может выступать психическое либо физическое принуждение. В судебной практике такое принуждение может признаваться угрозой, вынуждающей лицо причинить вред охраняемым законом интересам для предотвращения более существенного вреда.

Так, суд кассационной инстанции прекратил уголовное дело по ст. 158 УК РФ (кража), т.к. несовершеннолетний участвовал в краже под принуждением, в результате побоев, т.е. в условиях крайней необходимости. Суд постановил, что «действия С., связанные с оказанием содействия перемещению металлической рельсы, после психического принуждения, выразившегося в угрозе причинения побоев, не могут свидетельствовать о наличии прямого умысла на совершение умышленного преступления, связанного с хищением. Принимая во внимание приведенные обстоятельства, суд кассационной инстанции пришел к выводу о том, что С., которому на момент совершения преступления исполнилось 14 лет, и который в силу своего возраста, уровня психического развития и восприятия событий, сложившейся обстановки, физического превосходства и поведения иного несовершеннолетнего лица Ф., который угрожал его избить, реально опасаясь за свою жизнь и здоровье, присоединился к группе подростков, согласившись переместить металлическую рельсу, действовал в состоянии

крайней необходимости, при этом превышения ее пределов, при которых опасность может быть устранена, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный, материалы дела не содержат. Кассационная инстанция признала за С. право на реабилитацию» [9].

При оценке состояния крайней необходимости ключевое значение имеет установление объективного характера опасности и ее реальности для конкретного лица. Судебная практика показывает, что мнимая опасность исключает применение ст. 39 УК РФ [1], тогда как реальная угроза, в том числе выраженная в психическом или физическом принуждении, может служить основанием для признания деяния совершенным в состоянии крайней необходимости. Следовательно, при рассмотрении подобных дел суды должны тщательно исследовать не только внешние обстоятельства, но и особенности восприятия угрозы самим лицом.

Для квалификации деяния, как совершенного в состоянии крайней необходимости, значимым является вопрос о соразмерности причиненного вреда. «Причинение вреда в состоянии крайней необходимости имеет свои пределы: фактически причиненный вред должен быть равнозначный или менее значительный, чем вред предотвращенный» [4, с.90].

Именно определение соразмерности представляет наибольшую сложность в судебной практике, поскольку суду необходимо оценить и сопоставить различные по характеру общественные блага: жизнь и здоровье человека, имущественные интересы, общественную безопасность, интересы государства и общества. При этом характер и степень опасности определяются ценностью блага, которому угрожает опасность. Чем более значительным является предотвращаемый вред, тем более серьезное причинение вреда допускается для его устранения. Например, причинение тяжкого вреда либо даже лишение жизни лица может быть признано допустимым, если действия были направлены на спасение нескольких людей от непосредственной угрозы гибели.

Если были превышены пределы крайней необходимости, совершившее деяние лицо будет привлечено к уголовной ответственности. Рассматривая вопрос о квалификации действий, практики отмечают, что в каждом конкретном случае, учитывая конкретные обстоятельства дела, следует осуществить сравнительный анализ акта общественно опасного посягательства и акта защиты, установить их соотношение, соответствие или несоответствие защиты опасности посягательства.

Особое значение при этом имеет субъективный критерий – осознание лицом характера своих действий.. Безусловно, ответственность за превышение пределов крайней необходимости наступает только в случае, когда по делу будет установлено, что лицо осознавало, что причиняет

вред, который не был необходим для предотвращения или пресечения конкретного общественно опасного посягательства [2, с.507]. Следовательно, для правильной квалификации деяния необходимо исследовать не только объективные обстоятельства происшествия, но и психическое отношение лица к совершаемым действиям.

Для установления интенсивности действий в состоянии крайней необходимости могут использоваться разные источники доказательств, такие как видеозаписи, свидетельские показания, результаты следственных экспериментов и экспертиз. Суд должен учитывать все эти факторы для справедливого решения вопроса о правомерности действий [3, с.32].

Следующее условие, которое важно для оценки совершения действий в состоянии крайней необходимости, – невозможность устранения опасности иными способами. Данное условие означает, что причинение вреда охраняемым законом интересам допускается лишь в ситуации, когда у лица объективно отсутствовала реальная возможность предотвратить опасность менее вредоносным способом. Если же существовали альтернативные варианты поведения, позволяющие избежать причинения вреда, состояние крайней необходимости исключается.

Так, в одном из дел водитель З. был освобожден от уголовной ответственности. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций указали, что он не имел возможности остановить двигавшийся под уклон автобус иным образом, кроме его опрокидывания, угрожающего безопасности пассажиров, поэтому он продолжил движение по дороге до ворот предприятия, на проезжей части за которыми находились люди. Однако, Верховный суд РФ не согласился с данными решениями. Проанализировав доказательства по данному делу он указал, что в соответствии с заключением эксперта № 7105 от 15.11.2021 г. водитель автобуса располагал технической возможностью совершить безопасный поворот направо по условиям начала бокового скольжения на перекрестке улиц Калинина и Горького при условии движения со скоростью 26 км/ч. Решения в отношении З. были отменены и дело отправлено на новое рассмотрение [8]. Данный пример демонстрирует, что при оценке состояния крайней необходимости суд обязан тщательно исследовать все обстоятельства дела, в том числе техническую возможность предотвращения вреда иными средствами. Само по себе нахождение лица в экстремальной ситуации еще не свидетельствует о наличии крайней необходимости, если существовали альтернативные способы предотвращения опасности без причинения вреда охраняемым законом интересам.

В другом деле, Ф. оспаривал приговор на основании того, что кража им была совершена в состоянии крайней необходимости, так как он находился в болезненном состоянии после длительного употребления алкогольной продукции, в

связи с чем вынужденно совершил указанное преступление, чтобы устранить опасность для своего здоровья, поскольку мог умереть. Суд апелляционной инстанции отказал осужденному отметив, что установленные обстоятельства хищения, не могут быть признаны крайней необходимостью для устранения опасности для здоровья осужденного, поскольку таковым не является употребление алкоголя. При этом опасность для здоровья могла быть устранена иными средствами, а именно обращением в медицинские учреждения, для получения квалифицированной помощи [6]. В данной ситуации причинение вреда имущественным интересам других лиц не являлось единственным средством предотвращения опасности.

Анализ практики показывает, что нередко лица, ссылаясь на состояние крайней необходимости, пытаются оправдать причинение вреда в ситуациях, когда существовали законные и менее опасные способы разрешения возникшей проблемы. Поэтому для правильной квалификации деяния суд обязан всесторонне исследовать обстоятельства дела и оценивать, действительно ли причинение вреда было единственным возможным средством предотвращения более тяжких последствий.

Итак, уголовно-правовая оценка деяний, совершенных в состоянии крайней необходимости, представляет собой сложный и многоуровневый процесс, в основе которого лежит установление соответствия действий лица условиям правомерности и, прежде всего, пределам допустимого причинения вреда. При квалификации деяний необходимо оценить, была ли опасность реальной, а не предполагаемой. Также важным обстоятельством, подлежащем оценке, является соразмерность причиненного вреда. Превышение пределов крайней необходимости имеет место в случаях, когда причиненный вред явно не соответствует характеру и степени угрожающей опасности. Установлено, что если существовали альтернативные варианты поведения, позволяющие избежать причинения вреда, состояние крайней необходимости также исключается.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

[2] Афанасьева А.Р. О некоторых вопросах превышения пределов необходимой обороны / А. Р. Афанасьева // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 1. – С. 507-515.

[3] Колесник И.В. Превышение пределов необходимой обороны: проблемы юридической оценки и назначения наказания / И.В. Колесник // Коррекционно-педагогическое образование: электронный журнал. – 2022. – №2-2(32). – С. 31-36.

[4] Николаев В. А. Крайняя необходимость: история и современные перспективы развития

законодательства и правоприменительной практики / В.А. Николаев // *Философия права*. – 2022. – № 3(102). – С. 88-93.

[5] Филатов Н. В. Проблемы правоприменения института крайней необходимости в судебной практике / Н. В. Филатов // *Уральский журнал правовых исследований*. – 2026. – № 1(34). – С. 120-126.

[6] Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Коми от 10 июля 2025 г. по делу № 1-38/2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/x9gC2YXviXVX/> (дата обращения 12.04.2026).

[7] Апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 11.02.2026 Дело № 22-155/2026 // СудАкт. URL: <http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=123981> (дата обращения 12.04.2026).

[8] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.2025 Дело № 45-УДП24-49-К7 // СудАкт. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2438666 (дата обращения 12.04.2026).

[9] Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.09.2022 N 77-4428/2022 // СудАкт. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33152786&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения 10.04.2026).

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation, June 17, 1996, No. 25, Art. 2954.

[2] Afanasyeva A.R. On Certain Issues Regarding

Exceeding the Limits of Necessary Defense / A. R. Afanasyeva // *Issues of Russian Justice*. – 2019. – No. 1. – P. 507-515.

[3] Kolesnik I.V. Exceeding the Limits of Necessary Defense: Problems of Legal Assessment and Sentencing / I.V. Kolesnik // *Correctional-Pedagogical Education: Electronic Journal*. – 2022. – No. 2-2(32). – P. 31-36.

[4] Nikolaev V.A. State of Necessity: History and Modern Prospects for the Development of Legislation and Law Enforcement Practice / V.A. Nikolaev // *Philosophy of Law*. – 2022. – No. 3(102). – P. 88-93.

[5] Filatov N.V. Problems of Law Enforcement Regarding the Doctrine of State of Necessity in Judicial Practice / N.V. Filatov // *Ural Journal of Legal Research*. – 2026. – No. 1(34). – P. 120-126.

[6] Appellate Ruling of the Supreme Court of the Komi Republic dated July 10, 2025, in Case No. 1-38/2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/x9gC2YXviXVX/> (accessed April 12, 2026). [7] Appellate Ruling of the Ulyanovsk Regional Court dated February 11, 2026, Case No. 22-155/2026 // СудАкт. URL: <http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=123981> (accessed April 12, 2026).

[8] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 27, 2025, Case No. 45-UDP24-49-K7 // СудАкт. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2438666 (accessed April 12, 2026).

[9] Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated September 13, 2022, No. 77-4428/2022 // СудАкт. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33152786&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (accessed April 10, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.09.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-6724-2026-3-123-126

НИКОЛЬСКАЯ Виктория Алексеевна,
ведущий юрисконсульт ООО «ЦРТ»,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: vnika91@rambler.ru

ПОНЯТИЕ ЭКЗЕМПЛЯРА И КОПИИ ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ И ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ

Аннотация. Автор рассматривает проблемы терминологического и правового разграничения понятий «оригинал», «экземпляр» и «копия» программы для ЭВМ в действующем гражданском законодательстве РФ, выявляя противоречия между нормами статей 1261, 1268, 1270, 1280 и 1300 ГК РФ. Особое внимание уделяется вопросу материальной формы экземпляра программы и ее соотношению с современными моделями распространения программного обеспечения, включая предоставление доступа по модели SaaS и иные формы нематериального распространения. Анализируется различие форм выражения программы (исходный и объектный коды) и их влияние на объем прав и возможностей лицензиата, в том числе на возможность модификации программы. В результате обосновывается необходимость совершенствования понятий «экземпляр программы для ЭВМ» и «копия программы для ЭВМ» с учетом нематериальных способов распространения и различных форм представления программ, а также предлагается развитие понятийно-категориального аппарата и/или введение специальной нормы в часть четвертую ГК РФ для устранения выявленных противоречий и более эффективной защиты интересов как правообладателей, так и пользователя.

Ключевые слова: программа для ЭВМ, экземпляр программного обеспечения, копия программного обеспечения, копия произведения.

NIKOLSKAYA Victoria Alekseevna,
Leading Legal counselor, STC LTD,
St. Petersburg, Russia

THE CONCEPT OF A PROGRAM INSTANCE AND A COPY OF A COMPUTER PROGRAM: THE RELATIONSHIP OF CONCEPTS AND ISSUES OF INTERPRETATION

Annotation. The author examines the problems of terminological and legal differentiation of the concepts of «original», «copy» and «copy» of a computer program in the current civil legislation of the Russian Federation, identifying contradictions between the norms of Articles 1261, 1268, 1270, 1280 and 1300 of the Civil Code of the Russian Federation. Particular attention is paid to the issue of the material form of the program instance and its relationship to modern software distribution models, including SaaS access and other forms of non-material distribution. The article analyzes the difference between the forms of expression of the program (source and object codes) and their impact on the scope of the licensee's rights and opportunities, including the possibility of program modification. As a result, the need to improve the concepts of «a copy of a computer program» and «a copy of a computer program» is substantiated, taking into account non-material methods of distribution and various forms of presentation of programs, and it is also proposed to develop a conceptual and categorical apparatus and/or introduce a special rule in Part four of the Civil Code of the Russian Federation to eliminate the identified contradictions and more effectively protect the interests of both copyright holders and users.

Key words: computer software, program copy, copy of a work.

Программное обеспечение как объект авторских прав в настоящее время переживает этап интенсивного развития как в Российской Федерации, так и за её пределами. Динамичный рост информационных технологий, всеобщая цифровизация, глубокое проникновение сети Интернет в повседневную жизнь, широ-

кое использование мессенджеров, активное формирование и внедрение новых бизнес-моделей, в том числе основанных на онлайн-платформах и специализированных компьютерных программах, разнообразных по своим видам и функциональному назначению, делают данный объект интеллектуальных прав одним из наиболее значимых и

актуальных для правового анализа. Вместе с тем возникает вопрос: соответствует ли темп развития законодательства скорости происходящих в обществе технологических и экономических изменений?

В действующей редакции статьи 1261 ГК РФ приведено определение программы для ЭВМ, а в статье 1280 ГК РФ достаточно детально регламентированы права пользователя программы для ЭВМ, а также установлены специальные нормы, касающиеся программ для ЭВМ и программных комплексов. Тем не менее ряд аспектов остаётся недостаточно урегулированным действующим гражданским законодательством. Одним из таких дискуссионных вопросов является соотношение понятий экземпляра программы для ЭВМ и её копии.

Как известно, программы для ЭВМ подлежат охране в соответствии с Бернской конвенцией как литературные произведения и относятся к объектам авторского права. Для возникновения авторских прав не требуется соблюдения каких-либо формальностей: они возникают в силу самого факта создания произведения. К объектам авторских прав, помимо программ для ЭВМ, традиционно относятся музыкальные произведения, произведения живописи, скульптуры и т.п. Поскольку категория «программа для ЭВМ» исторически появилась значительно позднее иных объектов авторского права, но потребность в её правовой охране была обусловлена бурным развитием соответствующих технологий, потребовался выбор подходящей правовой модели. Несмотря на то, что программа для ЭВМ, как справедливо указывает, в частности, Н.И. Добрякова [1], обладает рядом признаков, характерных для объектов патентного права, в основу правового регулирования была положена концепция защиты программы именно как литературного произведения, то есть уникального текста. В результате в российском законодательстве сформировался понятийно-категориальный аппарат, во многом заимствованный из регулирования «классических» объектов авторского права.

Категории оригинала и копии традиционно соотносятся с произведениями искусства, в частности живописи, декоративно-прикладного искусства и т.п., где правомерно разграничение оригинала произведения и его копии. Для литературных произведений, напротив, ключевым является понятие экземпляра: книги издаются тиражом, состоящим из определённого числа экземпляров. Это объясняется тем, что восприятие литературного произведения читателем не зависит от того, знакомится ли он с оригиналом (рукописью автора) или с его экземпляром (фактически копией оригинала). Возникает вопрос: как в этой логике квалифицировать программу для ЭВМ? Что следует считать её «оригиналом» и «копией»? Что является «экземпляром программы для ЭВМ»? Являются ли вообще копия и экземпляр

программы для ЭВМ различными по своему правовому смыслу категориями? Ответы на эти вопросы не столь очевидны, как может показаться, и имеют существенное практическое значение.

Примечательно, что в соответствии с положениями статьи 1270 ГК РФ автору программы для ЭВМ принадлежит исключительное право на её распространение путём продажи или иного отчуждения её оригинала или экземпляров. При этом в статье 1270 ГК РФ используется термин «распространение экземпляров», а не «копий». Специфика такого объекта интеллектуальной собственности, как программа для ЭВМ, заключается в особенностях её существования и способов распространения: и то, и другое возможно без использования материального носителя. Широкое распространение на практике получила, например, модель SaaS, а также иные формы предоставления программного обеспечения без передачи пользователю материального носителя. Вместе с тем в пункте 1 статьи 1300 ГК РФ при определении авторства используется формулировка «оригинал либо экземпляр произведения», что в буквальном толковании указывает на не тождественность понятий оригинала и экземпляра.

Согласно статье 1268 ГК РФ экземпляр произведения – это копия произведения в любой материальной форме. Таким образом, если исходить из буквального содержания нормы, экземпляр и копия рассматриваются как равнозначные понятия, в том числе применительно к программам для ЭВМ. Вместе с тем обращение к статье 1280 ГК РФ демонстрирует, что на уровне специального регулирования понятия экземпляра и копии фактически разводятся. Так, в соответствии с подпунктом 2 пункта 1 статьи 1280 ГК РФ пользователь программы вправе изготовить копию программы для ЭВМ или базы данных при условии, что данная копия предназначена исключительно для архивных целей либо для замены правомерно приобретённого экземпляра в случае его утраты, уничтожения или утраты пригодности к использованию. При этом копия программы для ЭВМ не может использоваться в иных целях, нежели указанные в подпункте 1 данного пункта, и подлежит уничтожению, если владение экземпляром программы или базы данных перестаёт быть правомерным. Возникает закономерный вопрос: почему экземпляр определяется как копия, но при этом копия не тождественна экземпляру? Можно предположить, что законодатель стремился разграничить правомерно распространяемые экземпляры программного обеспечения и копии, изготовленные с нарушением требований законодательства. При этом для правообладателя зачастую наибольшее значение имеет не столько количество «копий» программы как таковых, сколько число лиц, незаконно использующих программу, либо количество устройств, с которых осуществляется противоправный доступ к программному обеспечению, – в зависимости от принятой модели лицензиро-

вания, поскольку именно в этих случаях правообладатель несёт прямые потери предполагаемой прибыли.

Обратимся теперь к вопросу о содержании понятия «экземпляр программы для ЭВМ». В соответствии со статьёй 1268 ГК РФ экземпляр программы для ЭВМ представляет собой копию произведения в материальной форме. Возникает проблема определения той самой материальной формы применительно к программному продукту. В качестве материальной формы обычно рассматривается, например, диск, флеш-накопитель, сервер, на котором записана программа. Возникает вопрос: как быть с программным обеспечением, которое не записывается на материальный носитель, не существует в вещественной форме у пользователя и размещено на удалённых серверах? Если строго следовать буквальному толкованию закона, пользователь, получивший по лицензионному договору доступ к программе для ЭВМ в электронном виде (без передачи материального носителя), формально лишён возможности ссылаться на положения статьи 1280 ГК РФ, поскольку у него отсутствует экземпляр программы в материальной форме. Очевидно, что подобное толкование не может быть признано верным, поскольку оно приводит к необоснованному ограничению прав и законных интересов пользователей в зависимости лишь от формы предоставления им прав на использование программы (через материальный носитель или посредством электронного обмена авторизационными данными, ключами и т.п.). Возникает вопрос: по каким причинам и в каком объёме реализация права использования программы привязана именно к наличию материального носителя?

В указанной ситуации усматривается противоречие с положениями статьи 1227 ГК РФ, согласно которой интеллектуальные права не зависят от права собственности и других вещных прав на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующий результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации. Наличие материального носителя ещё не свидетельствует о переходе прав на произведение. Более того, сам по себе факт владения пользователем материальным носителем с программой для ЭВМ не гарантирует правомерности использования им программы.

Согласно статье 1261 ГК РФ программой для ЭВМ признаётся представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и иных компьютерных устройств с целью получения определённого результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения. Уже из этого определения следует, что программа должна быть выражена в определённой объективной форме, например, в виде исходного кода либо объектного кода. При

этом независимо от формы выражения программа остаётся программой для ЭВМ. Косвенно этот вывод подтверждается и позицией Л.Ф. Нетишинской [2], полагающей, что авторское право охраняет лишь форму программы, но не содержание содержащихся в ней алгоритмов.

Возвращаясь к понятию экземпляра программы для ЭВМ, следует, даже отвлекаясь от критерия материальной формы, обратить внимание на формы представления программы. Программа для ЭВМ в виде исходного кода и та же программа в форме объектного кода – это два разных экземпляра программы или один? Формально речь идёт об одной и той же программе как объекте авторского права, но выраженной в различных формах. При этом указанные формы не являются полностью идентичными и функционально равнозначными для пользователя: они предполагают различный объём возможных способов использования. Так, доступ к исходному коду, как правило, позволяет осуществлять модификацию программы, тогда как предоставление лишь дистрибутива (комплекта файлов, предназначенных для установки и автоматической настройки программы) нередко не даёт такой возможности.

В лицензионных договорах обычно указывается количество передаваемых экземпляров программного обеспечения (или лицензий), а также конкретизируется перечень допустимых действий (способов использования). Возможны ситуации, когда лицензиату предоставляется право модификации программы, однако в договоре отсутствуют какие-либо требования к форме экземпляра передаваемой программы, например, обязательство предоставить исходный код наряду с дистрибутивами. В подобном случае реализация права на модификацию для лицензиата объективно затруднена или практически невозможна, поскольку эффективная работа с программой и её доработка предполагают доступ именно к исходному коду, содержащему структуру алгоритма, комментарии разработчиков, обозначения переменных и иные сведения, необходимые для внесения изменений. Аналогичная проблема может возникнуть и при адаптации программы для ЭВМ, поскольку, как справедливо отмечали многие авторы, грань между адаптацией и модификацией до сих пор не является жесткой [2].

Учитывая изложенное, представляется целесообразным совершенствование понятий «экземпляр программы для ЭВМ» и «копия программы для ЭВМ» с учётом современных потребностей участников гражданско-правовых отношений. В качестве одного из возможных вариантов следует рассмотреть уточнение и дополнение терминологического аппарата либо включение специализированной нормы в часть четвертую ГК РФ, что позволило бы устранить выявленные противоречия, а также повысить эффективность правовой охраны интересов как лицензиара, так и лицензиата при соблюдении принципа равенства сторон в

гражданско-правовых отношениях.

Список литературы:

[1] Добрякова Н.И., Бахметьева А.В. Правовая охрана компьютерных программ в законодательстве России и США // Человеческий капитал и профессиональное образование. - 2014. - № 1 (9). - С. 77.

[2] Дюков А.В. Проблема правомерной адаптации программы для ЭВМ // СПС Консультант-Плюс. (дата обращения: 10.08.2026).

[3] Нетишинская Л.Ф. Правовой режим программы для ЭВМ как объекта интеллектуальных прав / Л.Ф. Нетишинская, А.П. Савченко. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2016. - № 10 (114). - С. 1015-1017.

[4] Смирнова Е.Ю., А.Г. Серго. Свободное ПО в реестре российских программ// ИС. Авторское право и смежные права. - 2020. - N 1.

[5] Черникова А.Е. Компьютерная программа как объект прав. // Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya-programma-kak-obekt-prav/viewer> (дата обращения:

10.08.2026).

References:

[1] Dobryakova N.I., Bakhmetyeva A.V. Legal protection of computer programs under Russian and US legislation // Human Capital and Vocational Education. - 2014. - No. 1 (9). - P. 77.

[2] Dyukov A.V. The issue of lawful adaptation of a computer program // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: 10.08.2026).

[3] Netishinskaya L.F. Legal regime of a computer program as an object of intellectual property rights / L.F. Netishinskaya, A.P. Savchenko. - Text: direct // Young Scientist. - 2016. - No. 10 (114). - Pp. 1015-1017.

[4] Smirnova E.Yu., A.G. Sergo. Free software in the registry of Russian programs // Intellectual Property. Copyright and Related Rights. - 2020. - No. 1.

[5] Chernikova A.E. Computer program as an object of rights // Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya-programma-kak-obekt-prav/viewer> (accessed: 10.08.2026).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

2. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать 15 дней с момента поступления рукописи к рецензенту.

3. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

4. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:
а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

5. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу мотивированный отказ.

6. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

7. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

8. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет один месяц с момента поступления рукописи в редакцию.

9. Редакция издания может направлять авторам копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

10. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала (оплатой автором организационного взноса за публикацию статьи).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в научно-правовом журнале «Частное право» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования, с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 5 рабочих дней.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 35% от ранее опубликованных материалов).

Рукописи должны иметь авторство не менее 75%, что подтверждается системой Антиплагиат. Цитирования других авторов и цитирования законодательства при этом могут входить в 75%.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц и (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: info@law-books.ru или через форму на Главной странице сайта «Опубликовать статью РИНЦ».

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5.

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

2. Название статьи (буквы – прописные);

3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат

ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

Правила транслитерации:

Транслитерацию можно делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC (Library of Congress). Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

Для аспирантов, адъюнктов, соискателей ученой степени кандидата наук:

— в обязательном порядке в статье необходимо указывать: телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены, а также данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, e-мейл),

— необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей, в случае нарушения которых Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков использования ИИ, недобросовестного заимствования и/или недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (организационный взнос в этом случае не возвращается).

научно-издательская группа
ЮРКОМПАНИ

ЧАСТНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

№ 3

(июль-сентябрь)

2026 г.

Опубликовано 10.09.2026 г. Формат 60x90/8. Печать цифровая. Печ. л. 5,25.
Макет подготовлен в типографии ООО «Издательский дом «Академик».
г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3, оф. В 218.